

МИНИСТЕРСТВО
ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

АКАДЕМИЯ
ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

ФН

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

10/2017

Научный образовательный просветительский журнал
Издается с 1958 года. Выходит ежемесячно

Журнал включен в «Реферативный журнал» и в базы данных
ВИНИТИ РАН, в базу данных **Russian Science Citation Index (RSCI)**
на платформе **Web of Science** компании Thomson Reuters.

Сведения о журнале ежегодно публикуются в международной
справочной системе по периодическим и продолжающимся изданиям
«**Ulrich's Periodicals Directory**»

Переводные статьи журнала индексируются в **Web of Science**

Москва
Гуманитарий

Международный редакционный совет

Председатель международного редакционного совета **Гусейнов А.А.**

Бараш Дж.Э., д.филос., проф. Ун-та Пикардии им. Ж. Верна (Франция);
Брес И., проф., гл. ред. «Revue philosophique de la France et de l'étranger» (Франция);
Далльмайр Ф.Р., д.филос., проф. Ун-та Нотр-Дам (США); **Денн М.**, д.филос., проф., координатор отношений и международных проектов с Россией и странами Восточной Европы Ун-та Бордо им. Монтеня (Франция);
Кастийо М., д.филос., проф. Ун-та Париж-Кретей (Франция); **Попович М.В.**, д.филос.н., проф., директор ИФ НАН Украины; **Тиханов Г.**, д.филос., зав. кафедрой сравнительного литературоведения Лондонского ун-та Королевы Марии (Великобритания); **Шгольценберг Ю.**, д.филос., проф. Ун-та Галле-Виттенберга им. М. Лютера (Германия); **Эпштейн М.**, проф. Ун-та Эмори (США), директор Центра обновления гуманитарных наук Даремского ун-та (Великобритания).

Редакционная коллегия

Председатель редакционной коллегии **Степин В.С.**

Автономова Н.С., ак. Академии гуманитарных исследований (АГИ), д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Алексеев П.В.**, д.филос.н., проф. МГУ им. М.В. Ломоносова; **Апресян Р.Г.**, ак. АГИ, д.филос.н., зав. сектором ИФ РАН; **Аршинов В.И.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Блауберг И.И.**, д.филос.н., в.н.с. ИФ РАН; **Вдовина И.С.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Водолазов Г.Г.**, ак. Академии политической науки (АПН), вице-президент АПН, проф. МГИМО (У); **Губин В.Д.**, ак. АГИ, д.филос.н., декан филос. фак-та РГГУ; **Гусейнов А.А.**, ак. РАН, научный руководитель ИФ РАН; **Давыдов А.П.**, д.культурологии, гл.н.с. ИС РАН; **Доброхотов А.Л.**, ак. АГИ, д.филос.н., проф. НИУ ВШЭ; **Дубровский Д.И.**, д.филос.н., проф., гл.н.с. ИФ РАН; **Журавлев А.Л.**, ак. РАН, директор ИП РАН; **Комиссарова Л.Б.**, к.филос.н.; **Миронов В.В.**, чл.-кор. РАН, декан филос. фак-та МГУ им. М.В. Ломоносова; **Михайлов И.А.**, к.филос.н., с.н.с. ИФ РАН; **Мотрошилова Н.В.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Павлов А.Т.**, д.филос.н., проф. МГУ им. М.В. Ломоносова; **Пантин В.И.**, ак. АПН, зав. отделом ИМЭМО РАН; **Пивоваров Ю.С.**, ак. РАН, научный руководитель ИНИОН РАН; **Порус В.Н.**, д.филос.н., руководитель Школы философии фак-та гум. наук НИУ ВШЭ; **Пружинина А.А.**, к.филос.н.; **Розин В.М.**, д.филос.н., г.н.с. ИФ РАН; **Рябов В.В.**, чл.-кор. РАО, президент МГПУ; Северикова Н.М., к.филос.н., заслуж.н.с. МГУ им. М.В. Ломоносова; **Сиземская И.Н.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Смолин О.Н.**, ак. РАО, 1-й зам. пред. комитета ГД ФС РФ по образованию и науке; **Степанянц М.Т.**, ак. АГИ, д.филос.н., зав. кафедрой ЮНЕСКО ИФ РАН; **Степин В.С.**, ак. РАН, руководитель секции философии, социологии, права и психологии отделения общественных наук РАН, почетный директор ИФ РАН, президент РФО; **Тульчинский Г.Л.**, д.филос.н., проф. НИУ ВШЭ (СПб); **Турбовской Я.С.**, д.пед.н., зав. лабораторией философии образования Института стратегии развития образования РАО; **Федотова В.Г.**, ак. РАЕН, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН; **Шевченко В.Н.**, д.филос.н., гл.н.с. ИФ РАН.

Редакция:

Редактор отдела культурологии и религиоведения Дуркин Р.А.

Редактор международного отдела Чикин А.А.

Литературный редактор Феоктистова Т.А.

Научный редактор Липский Е.Б.

Ответственный редактор Комиссарова Л.Б.

Ответственный секретарь Пружинина А.А.

Верстка: Топилина В.М.

E-mail: academyRH@list.ru

<http://www.phisci.ru>

Шеф-редактор Мариносян Х.Э.

THE MINISTRY OF
EDUCATION AND SCIENCE OF
THE RUSSIAN FEDERATION

ACADEMY FOR
RESEARCH INTO
THE HUMANITIES

RJPhS

RUSSIAN JOURNAL OF PHILOSOPHICAL SCIENCES

10/2017

Scientific and Educational Journal
Published since the Year 1958. Issued Monthly

The journal is listed in the *Abstracts Journal* and **databases of the VINITI** (All-Russian Institute for Scientific and Technical Information of the Russian Academy of Sciences), in the **Russian Science Citation Index (RSCI)** database on the platform of Thomson Reuters' **Web of Science**. The information about the journal is published annually in the international information system on serial publications
Ulrich's Periodicals Directory

Translated articles of the journal are indexed by the **Web of Science**

Moscow
Humanist Publishing House

International Editorial Council:

Chairman of the International Editorial Board **Guseinov A.A.**

Barash J.A., Dr., Prof., Jules Verne University of Picardy (France); **Brès Y.**, Dr., Prof. em., Paris Diderot University – Paris 7, Editor-in-Chief of the *Revue philosophique de la France et de l'étranger* (France); **Castillo M.**, Dr., Prof., Paris-Est Créteil University (France); **Dallmayr F.R.**, PhD, Packey J. Dee Professor at the University of Notre Dame (USA); **Dennes M.**, Dr., Prof., coordinator of relations and international projects with Russia and other Eastern European countries, Montaigne Bordeaux 3 University (France); **Epstein M.**, PhD, S.C. Dobbs Prof. at Emory University (USA), Director of the Centre for Humanities Innovation at Durham University (UK); **Popovych M.V.**, D.Sc., Prof., Director of the Skovoroda Institute of Philosophy at the National Academy of Sciences of Ukraine; **Stolzenberg J.**, Dr., Prof. em., Martin Luther University of Halle-Wittenberg (Germany); **Tihanov G.**, PhD, George Steiner Professor of Comparative Literature at Queen Mary University of London (UK).

Editorial Board:

Chairman of the Editorial Board **Stepin V.S.**

Alexeev P.V., D.Sc., Prof., Lomonosov Moscow State University (MSU); **Apressyan R.G.**, D.Sc., Head of the Department, Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences (IPhRAS); **Arshinov V.I.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Avtonomova N.S.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Blauberg I.I.**, D.Sc., Lead.Res.Fell., IPhRAS; **Davydov A.P.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., Institute of Sociology of the RAS; **Dobrohotov A.L.**, D.Sc., Prof., National Research University Higher School of Economics (NRU HSE); **Fedotova V.G.**, RAS Full Memb., Prin.Res.Fell., IPhRAS, PhD; **Gubin V.D.**, D.Sc., Dean of the Faculty of Philosophy at the Russian State University for the Humanities; **Guseynov A.A.**, RAS Full Memb., Director of the Institute of Philosophy of the RAS; **Komissarova L.B.**, PhD; **Mikhaylov I.A.**, PhD, Sen.Res.Fell., IPhRAS; **Mironov V.V.**, RAS Corr. Memb., Dean of the Faculty of Philosophy at the MSU; **Motroshilova N.V.**, D.Sc., Prof., Prin. Res.Fell., IPhRAS; **Pantin V.I.**, Academy of Political Sciences (Russia) Full Memb., Head of the Department at the Institute of World Economy and International Relations of the RAS; **Pavlov A.T.**, D.Sc., Prof., MSU; **Pivovarov Yu.S.**, RAS Full Memb., Scientific Director of the Institute of Scientific Information for Social Sciences of the RAS; **Porus V.N.**, D.Sc., Head of the Department at the NRU HSE; **Pruzhinina A.A.**, PhD; **Rozin V.M.**, D.Sc., Lead.Res.Fell., IPhRAS; **Ryabov V.V.**, RAE Corr. Memb., President of the Moscow City Teacher Training University; **Severikova N.M.**, PhD, Honour.Res.Fell., Faculty of Philosophy, MSU; **Shevchenko V.N.**, D.Sc., Prin.Res. Fell., IPhRAS; **Sizemskaya I.N.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Smolin O.N.**, RAE Corr. Memb., First Deputy Chairman of the Russian State Duma Committee for Education; **Stepanyants M.T.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., UNESCO Chairholder at the IPhRAS; **Stepin V.S.**, RAS Full Memb., Head of the Section of Philosophy, Sociology, Law and Psychology, Department of Social Sciences, RAS, Honorary Director of the Institute of Philosophy RAS, President of the Russian Philosophical Society; **Tolstykh V.I.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Tulchinskii G.L.**, D.Sc., Prof., NRU HSE (St. Petersburg); **Turbovskoy Ya.S.**, D.Sc., Head of the Laboratory for the Philosophy of Education at the Institute for the Theory and History of Pedagogy of the RAE; **Vdovina I.S.**, D.Sc., Prin.Res.Fell., IPhRAS; **Vodolazov G.G.**, APS Full Memb., Vice President of the Academy of Political Sciences (APS), Prof., Moscow State Institute of International Relations; **Zhuravlev A.L.**, RAS Full Memb., Director of the Institute of Psychology of the RAS.

Editorial Staff:

Cultural and Religious Studies Department's Editor Durkin R.A.

International Department's Editor Chikin A.A.

Literary Editor Feoktistova T.A.

Science Editor Lipsky E.B.

Responsible Editor Komissarova L.B.

Executive Secretary Pruzhinina A.A.

Page Layout: Topilina V.M.

E-mail: academyRH@list.ru

<http://www.phisci.ru>

Editor-in-Chief **Marinosyan Kh.E.**

ОГЛАВЛЕНИЕ

БУДУЩЕЕ РОССИИ.
СТРАТЕГИЯ ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

Человек. Личность. Гражданин ■	
<i>Я.С. ТУРБОВСКОЙ</i>	Патриотизм как государственная идеология: педагогический аспект 7

ИЗ ИСТОРИИ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

Памятники древнерусской культуры.	
Философский взгляд ■	
<i>М.Н. ГРОМОВ</i>	Софийная традиция в русской философии и культуре 27
<i>И.А. ГЕРАСИМОВА</i>	О природе мысли. По материалам древнерусской книжности 39
<i>В.В. МИЛЬКОВ</i>	Палея Толковая – уникальный памятник религиозно-философской мысли Древней Руси 55

ФИЛОСОФСКОЕ РЕГИОНОВЕДЕНИЕ

Социокультурный мониторинг ■	
<i>Круглый стол «Основания, смыслы, способы социокультурной эволюции России в XXI столетии». Москва, ИФ РАН, 6 апреля 2017 г.</i>	
<i>(начало см. № 7-2017)</i>	
<i>Г.И. ГЕРАСИМОВ</i>	Творчество как альтернатива либеральному пути модернизации 69
<i>А.М. ДОЛГОРУКОВ</i>	О технологиях саморазвития социальных систем 76
<i>М.А. ЛАСТОЧКИНА (Вологда)</i>	Модернизация: от общетеоретического к операциональному ее пониманию 83
<i>Е.А. КОГАЙ (Курск)</i>	Социокультурные основания модернизации российского макрорайона 88
<i>Е.В. АНДРИАНОВА (Тюмень), В.А. ДАВЫДЕНКО (Тюмень), Г.Ф. РОМАШКИНА (Тюмень)</i>	Модернизация и реиндустриализация: к дискуссии о способах реализации 91

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ

Модусы социокультурного развития ■

В.Е. СЕМЕНОВ Свобода и потенциальные возможности. Эссе о правовом прогрессе 95

*Р.П. ТРОФИМОВА,
П.С. СЕЛЕЗНЕВ* Культурная политика как алгоритм «локальных цивилизаций» 111

А.В. ВОРОПАЕВА Проблемы регулирования иммиграционными и эмиграционными потоками 121

Неизвестное прошлое ■

*С.Н. КОРСАКОВ,
С.И. ДАНИЛОВ* Из истории советской психологии 1920–1930-х гг.: А.А. Таланкин 131

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Приглашение к размышлению ■

П.Д. АБРАМОВ Сильные стороны и проблемные моменты информационной концепции сознания.
Рецензия на книгу:
Д.И. Дубровский. Проблема «Сознание и мозг»: теоретическое решение. — М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2015. — 208 с. 151

■
Contents 160

С условиями публикации материалов в журнале и порядком рецензирования статей можно ознакомиться на сайте: <http://www.phisci.ru/publish-terms>

Журнал зарегистрирован в Министерстве РФ по делам печати, телерадиовещания и средств массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации ПН № 15513 от 20 мая 2003 г.

Подписано в печать 10.09.2017 г. Формат 60x90/16. Печать цифровая.
Бумага офсетная № 1. Печ. л. 10,0. Тираж 1000 экз. Заказ
Отпечатано в типографии Издательского дома «Гуманитарий».
E-mail: humanist@academyrh.info

БУДУЩЕЕ РОССИИ.
СТРАТЕГИЯ ФИЛОСОФСКОГО ОСМЫСЛЕНИЯ

Человек. Личность. Гражданин

ПАТРИОТИЗМ КАК ГОСУДАРСТВЕННАЯ ИДЕОЛОГИЯ:
ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Я.С. ТУРБОВСКОЙ

*Институт стратегии развития образования
Российской академии образования, Москва, Россия*

Патриотизм есть любовь ко благу и славе Отечества
и желание способствовать им во всех отношениях.

Н.М. Карамзин

Поэтом можешь ты не быть,
но гражданином быть обязан

Н.А. Некрасов

Аннотация

В статье делается попытка философского осмысления патриотизма и с педагогической, учебно-методической, методологической позиций обсуждается вопрос патриотического воспитания в общеобразовательных школах как важнейшей составляющей современного учебного процесса. Дается объяснение, почему педагог, профессионально не имея права вносить в детскую среду какую бы то ни было политическую разобщенность, тем не менее, призван осознавать свою предназначенность в целенаправленном формировании у каждого воспитанника чувств и личностных устремлений, воплощенных в исторически важном для каждого народа понятии – патриотизме. Показывается историческое стремление педагогов раскрывать пути повышения эффективности процесса целенаправленного формирования патриотизма как социальной потребности, призванной служить интересам определенных социальных общностей, связанных единством происхождения, культуры, языка и, естественно, осознаваемой необходимостью самосохранения и развития. Дается объяснение, что преподавание патриотизма как программно *изучаемого предмета* станет эффективным, только тогда, когда в детской душе будет находить *эмоциональный отклик*. В этом – фундаментальная основа *педагогического решения* проблемы патриотического воспитания.

Ключевые слова: патриотизм, педагогическая аксиоматика, Конституция, массовая практика, политическая разобщенность, педагогическая закономерность, потенциал народа, социальная потребность, самосохранение, развитие.

Турбовской Яков Семенович – доктор педагогических наук, профессор, заместитель заведующего лабораторией теоретической педагогики и философии образования Института стратегии развития образования Российской академии образования, Председатель Совета директоров школ стран СНГ.

turbovskoy@instrao.ru

Цитирование: ТУРБОВСКОЙ Я.С. (2017) Патриотизм как государственная идеология: педагогический аспект // Философские науки. 2017. № 10. С. 7–26.

Я убежден, что школа и, естественно, педагоги и учителя по определению должны быть вне политики. Педагог не только не должен, но и профессионально не имеет права вносить в детскую среду какую бы то ни было политическую разобщенность, изначально осознавая свою личностную ответственность за формирование в душе каждого ученика, каждого студента любви к своей отчизне, неразрывность собственной судьбы с судьбой Родины и стремление служить ей, чувствуя себя ее сыном или дочерью. И поэтому педагог, как, пожалуй, никто другой, призван осознавать свою профессиональную предназначенность в целенаправленном формировании у каждого воспитанника чувств и личностных устремлений, воплощенных в самом исторически важном для каждого народа понятии — **патриотизме**.

И именно поэтому патриотическое воспитание как осознаваемая необходимость формирования любви к своей Родине у каждого из вступающих в жизнь поколений всегда будет отражать основную, исторически обусловленную потребность народа. Невозможно, чтобы в каждом учебнике по педагогике, в какой бы стране и в какие бы годы он ни был издан, в каждой книге о воспитании не было проявлено особое внимание к патриотизму как самому высокому чувству, объединяющему в единое целое судьбы разных людей, превращающему «население» — в **народ** и преобразующему это **эмоционально порождаемое единство** в основной источник исторического развития страны.

Воспитать патриота — значит воспитать сына своего народа, не только призванного в трудную минуту подняться на его защиту и видящего в этом свой сыновний долг, но и испытывающего **потребность** соизмерять свою каждодневную деятельность с его интересами, нравственными нормами и традициями. Педагоги веками стремились раскрывать пути повышения эффективности процесса целенаправленного формирования патриотизма. При этом, как известно, патриотизм, будучи изначально производным от происходящих в социальном бытии процессов, по-разному проявлялся и, естественно, с разной эффективностью сказывался не только на воспитании подрастающих поколений, но и на политическом и духовно-нравственном

состоянии общественного сознания, общественных отношений, государства в целом.

И нам, осознающим необходимость повышения эффективности патриотического воспитания в современных условиях, как никогда важно выявить объективные условия, определяющие историческое становление и развитие патриотизма как *социальной потребности*.

Исторические видоизменения и сущностные преобразования патриотизма

Множество возникающих в реальной действительности недо-разумений, конфликтов и общественно-значимых противоречий возникает из-за одной трудно устранимой из общественных отношений, казалось бы, всем известной причины. Ибо суть ее – в происходящем, порой радикальном изменении содержания употребляемых нами понятий. И мы даже в профессиональном общении не замечаем, что, употребляя одно и то же понятие, вкладываем в него разный смысл. Нечто подобное происходило и продолжает происходить с употреблением не только понятия «патриотизм», но и с рядом производных от него понятий, в частности, таких как «патриот».

В истории человечества впервые патриотизм, названный *«полисным»*, выразился в активных проявлениях любви человека к своему городу. Именно римляне сумели не только отразить в этом судьбоносном для человечества понятии его эмоциональную природу, но и понять, благодаря чему это чувство рождается в сердцах. Они сделали великое и ни с чем несравнимое по своей формирующей значимости открытие, суть которого в том, что родительская забота, родное жилище, друзья, своя улица, луг, лес, речка – неодолимо пробуждают в человеке стойкую, сохраняющуюся на всю жизнь, эмоциональную привязанность и поэтому могут стать *источником педагогически целенаправленного влияния в процессе патриотического воспитания*. В результате *полисный патриотизм* как практическое воплощение этого открытия возник из социальной неотвратимости отождествления места жительства со всеми необходимыми и бесконечно дорогими каждому человеку жизненными обретенными.

Но усложнение социальных отношений, строящихся на языковых различиях, особенностях возникающих и развивающихся культур, родственных связей и т.д., что изначально не ограничивалось пределами города, столь же неотвратимо вело к возникновению *этнического патриотизма*, призванного служить интересам определенных социальных общностей, связанных единством происхождения, культуры, языка и, естественно, осознаваемой необходимостью самосохранения и развития в условиях непрекращающейся борьбы за выживание. Этническая общность, будучи, с одной стороны, необходимым условием для выживания и социальной адаптации детей, с другой – находясь в

прямой зависимости от степени их готовности защищать его от каких бы то ни было угроз, быть носителем его духовно-нравственных ценностей, традиций, языка была основой сохранения данного этноса.

Фундаментальной особенностью полисного и этнического патриотизмов является связанная с ними социальная обусловленность органичной нерасторжимости каждодневного бытия человека и всей совокупности духовно-нравственных ценностей, воплощенных в историческом опыте народа. Развитие этих видов патриотизма изначально основывалось на имманентной двойственности человеческой природы — *природной и социальной*.

Возникновение же генетически принципиально иного — *национального патриотизма* уже определялось историческими изменениями в развитии *государства как политически создаваемой структуры*, объединяющей разные этнические группы. Бесконечность межэтнических и межконфессиональных с разным успехом преодолеваемых, а то и не преодолеваемых конфликтов, с одной стороны, не могла не приводить общественное сознание к выводу об их исторической бесперспективности, с другой, кардинальные изменения в социальной структуре общества, приведшей в развитых странах к возникновению «среднего класса», не только порождаемого этой формой политического правления, но и всемерно заинтересованного в ее сохранении и упрочении. В результате противоречия и конфликты между разными этническими и конфессиональными группами разрешались на основе приоритетов интересов, и уже в XIX в. начинает заявлять о себе *элитический патриотизм* (1).

Возникшее при этом принципиально новое соотношение общественных интересов, убедительно доказывающих несостоятельность и социальную разрушительность имперских амбиций, нашло свое теоретическое обоснование в признании, образно говоря, в выгоды *светского* государства, способного, благодаря общей для всех Конституции, выражать интересы каждого своего гражданина.

История в очередной раз доказала, как важно, подметив плодотворность возникшей идеи, не только политически и организационно ее поддержать, но и максимально заботливо без особых социальных потрясений найти пути ее последовательного превращения в источник поступательного развития. И такой источник, обеспечивающий реальную возможность эволюционного социального развития, нашел свое воплощение в вербальной преемственности всем известного понятия «светский» (2).

Гладко было на бумаге...

Как было бы замечательно, если бы самые что ни на есть научные социальные теории были адекватны действительности. Прочитал, изучил — действуй. Но управлять государством, принимать решения

приходится в реальной действительности не создателям самых замечательных теорий, а совсем другим людям. Тем, кто оказывается способным повести за собой других, увлечь, подчинить, в конце концов. Кто — пусть и разными путями и по разным основаниям — обретает право властвовать, управлять, принимать обязательные для других решения. Государственному лидеру приходится пройти самый сложный путь для упрочения своей власти, и постоянно испытывать проверку на прочность своего положения. И, естественно, что он не может обойтись без поддержки определенных социальных групп и опоры на ментальные ценности, традиции и идеи, значимость которых несомненна. И одной из таких жизненно необходимых ценностей является «патриотизм», без опоры на который не может обойтись ни один государственный правитель.

При всем многообразии источников, являющихся опорой государственной власти, значение «патриотизма» как фундаментальной опоры власти, ни с чем несравнимо. И реальная возможность каждого пришедшего к власти опереться на испытываемое людьми чувство патриотизма — исторически самая эффективная и значимая основа государственной стабильности. Политическое использование патриотизма как средства укрепления власти определяется социальной сложностью реальной действительности. Ведь политический лидер приходит к власти в разных социальных условиях, изначально определяющих пределы его властных притязаний и возможностей. И он не может не считаться с политической противоречивостью реальной действительности, определяемой в многонациональных государствах *столкновением разных видов патриотизма* конкретных людей, испытывающих и руководствующихся принципиально разными патриотическими чувствами. Таким образом, чувство патриотизма, с одной стороны, являющееся фундаментальной опорой государственной власти, с другой — в силу исторически объективной обусловленности возникновения и одновременного существования противоречащих друг другу «видов» патриотизма — определяющим образом сказывается на политической стабильности государства. И если искать пути не просто сближения, а реального объединения разных этнических групп в единый народ под эгидой государства, то нам не уйти от разрушительности исторически тупиковых внутригосударственных конфликтов.

Услышать и понять другого

Когда современный школьник считает, что «Солнце вертится вокруг Земли», ты понимаешь, что это не потому, что нельзя все знать, а просто для сдачи ЕГЭ, его по этому вопросу не натаскивали. И я не беру слово *натаскивали* в кавычки, потому что именно так происходит подготовка к этому экзамену. И чем скорее мы избавимся от такого «образования», тем лучше.

Но намного хуже и социально разрушительнее совершенно другое, когда человек знает, а поступает не только вопреки этому знанию, а так, будто бы его нет и не было.

И именно так обстоит все, что связано с патриотизмом, с бесконечными призывами о необходимости его воспитания, но при этом никак не учитывающими реальной противоречивости самого призыва и, следовательно, неосознаваемой или отрицаемой обязательности выявления условий, от которых зависит эффективность их воплощения в жизнь. Каждый призывающий, как бы изначально убежден в самодостаточности произнесения самого призыва. И чем чаще его повторять, тем эффективнее будут результаты.

Но, к сожалению, остается не проясненным вопрос о причинах разрушительной противоречивости социальных явлений, проявляющейся в исторически сложившемся несоответствии понятий «патриот» и «гражданин». И значит, остается без социального осмысления отношение к «патриотизму» — как основе государственного воспитания — многих авторитетных, признанных во всем мире философов, писателей, педагогов, государственных деятелей, которым в *любви к своему народу, своему этносу и своему государству* не отказать.

И для доказательства этого утверждения я не буду ссылаться на мнение экспрессивного и не всеми равно воспринимаемого Оскара Уайльда, утверждавшего, что патриотизм «есть великое бешенство» или Сэмюэла Джонсона, считавшего патриотизм «рабством». Но разве кто-нибудь откажет в любви к своей стране, своему народу великому поэту И.В. Гёте, заявившему: «Патриотизм портит мировую историю». И разве мы можем не задумываться над суждениями человека, оказавшего преобразующее влияние на все человечество и, может быть, без преувеличения, самого великого сына русского народа Льва Николаевича Толстого, утверждавшего вслед за Джонсоном, что «патриотизм — прибежище негодяев» и вообще считавшего его «чувством грубым, вредным, стыдным, а главное — безнравственным», и с неизбежностью порождающим войны и служащий «главной опорой государственному угнетению». И с этих позиций получалось, что быть патриотом, служить и во всем поддерживать государство не только плохо, недопустимо и безнравственно, но и преступно. Но не потому, что им лично «не нравился» государственный патриотизм, а потому, что он, служа интересам только одной социальной группы, был в сути своей не только антинароден, но и античеловечен. И настоящим патриотом, не стремящимся угождать ради личного благополучия и карьеры правящему режиму, ставящим интересы эксплуатируемого народа превыше интересов правящей политической верхушки, может быть только *гражданин*, осознающий свою личную ответственность за свой народ, его настоящее и будущее.

И исторически возникающая и существующая содержательная противоречивость понятий «патриот» и «гражданин», не находя своего глубокого рефлексивного и при этом публичного осмысления, не только объективно характеризует современное состояние общественного сознания, но и является самым негативным источником возникновения внутригосударственных социальных конфликтов. В сути своей проистекающих из непонимания их разрушительной исторической тупиковости.

В современных геополитических условиях, определяющих развитие человечества в XXI в., представители любого социального сообщества, не могут не понимать, конечно, если не стремиться к самоубийству, что, с одной стороны, нельзя свой народ, а тем более все человечество, буквально тащить к счастливому будущему, ломая через колено, с другой, — что ни одному народу, чтобы исторически сохраниться и оказаться способным определять свое будущее, без «государства» обойтись *невозможно*. И эта историческая необходимость не может быть не воспринята по-настоящему ответственно самим народом и теми, кто по Конституции обязывается им управлять, а значит — *служить ему*. И нам не только не обойтись без признания объективности возникновения противоречий, порой противоборства между разными проявлениями патриотизма, но и — что жизненно важно для государства — необходимости выявления путей социальной гармонизации этих противоречий.

Естественно, если считать основной политической целью силовое подавление критиков требуемого властью патриотизма, то о такой «гармонизации» и говорить бесполезно. Если же исходить из принципиально другой позиции, изначально требующей во главу угла ставить заботу о настоящем и будущем России как одинаково дорогой для всех *Родины*, без внимательного и заботливого отношения к существующим мнениям не обойтись. И я специально не буду называть фамилии всем известных и бесконечно уважаемых людей, наших современников, чьи высказывания о патриотизме хочу привести, чтобы согласие или несогласие вызвало само определение, а не конкретная фамилия автора.

Вот только некоторые из таких определений:

- Патриотизм — это деятельная любовь к Родине, побуждающая человека к поступкам, которые призваны сделать жизнь его страны лучше. Патриотизм часто путают с болтовней о патриотизме и с национальным самовосхвалением — вещами бесполезными и даже контрпродуктивными.
- Патриотизм — любовь к Родине. Сегодня государство требует ее от граждан, совершая при этом очевидную подмену: вместо любви к Родине государство требует любви к себе. Но Родина и государство вовсе не являются синонимами, это вещи не равные.

Не говоря уже о том, что любовь — это свободное чувство, и принуждать к ней нельзя, в особенности превращая любовь в знак верноподданничества. Любовь к Родине вырастает из глубокой привязанности человека к семье, к дому, к месту, где он родился, к друзьям своего детства, к языку, к культуре, к традициям, а вовсе не возведенная в канон любовь к начальству. Может быть, лучшие в мире слова о любви сказал апостол Павел (1 Кор. 13 : 4), и всякий раз, когда речь заходит о любви, неплохо их вспоминать: «Любовь долго терпит, милосердствует, любовь не превозносится, не гордится, не бесчинствует, не ищет своего, не мыслит зла, не радуется неправде, а сорадуется истине; все покрывает, всему верит, всего надеется...» А теперь попробуем соотнести казенный патриотизм, который навязывается, со словами апостола Павла, и многое прояснится.

- Патриотизм — это осознанность. Спокойное понимание того, что с твоей Родиной происходит, попытки разобраться на трезвую голову с современным ее состоянием. Поэтому для меня важнейшее условие патриотизма — сознательное уклонение от любого рода манипуляций, политических, психологических, медийных.

- Подлинным патриотом России является тот, кто считает главной бедой российского общества отсутствие благоговения перед человеческой жизнью — «жизнь — копейка» наша главная пословица.

Принято считать, что патриот — это бесстрашный герой, с багажом идеологических или религиозных ценностей и все у него в единственном числе. В то же время патриотизм — глубокое чувство думающего и не равнодушного человека, чувство красивое, но изменяющееся, как и все прочие чувства.

И не зная, чего они хотят, к чему стремятся, что любят, что ценят еще не пришедшие к власти сегодня, как и в чем видят проявления патриотизма — смерти подобно. Тем более, что, живя в атмосфере непрерывно происходящих конфликтов, они вольно или невольно, в большей или меньшей степени вовлекаются в противоборство, занимая ту или иную позицию. И значит, чувствующий свою историческую ответственность политический лидер изначально не может не понимать, что принимаемое им решение способствует, если и не полному преодолению разрушительной для народа социальной внутригосударственной противоречивости, то, несомненно, смягчению ее проявлений, или же, наоборот, ее радикальному усилению, требующему все большего вовлечения молодого поколения в этот губительный водоворот.

Ведь принимая то или иное решение, он изначально рассчитывает, что в его практическую реализацию будут вовлечены все государственные структуры, включая вузы и школы, и значит хотеть не только как политический лидер, но и как отец своих детей, как сын своих родителей, как гражданин своей страны, чтобы противобор-

ство продолжалось и завершилось победой его единомышленников и полным поражением оппонентов и сторонников другого понимания «патриотизма», либо — чтобы люди, действительно любящие свою Родину, осознали, что для нее — их Родины — ничего губительнее и разрушительнее, чем борьба между ними, нет. И тогда, на основе самого великого испытываемого человеком чувства — любви к стране, в которой живешь, в которой любил и любишь, в которой вместе со всеми радовался, огорчался, страдал и гордился, в которой есть твои друзья, в которой поются дорогие твоей душе песни, в которой проходила и проходит жизнь родных и самых близких людей — может возникнуть самое необходимое многострадальной России чудо уважения друг к другу, полного отказа от признания только за собой права на истину в последней инстанции.

И если действительно ощущать себя сыном своего народа, и действительно хотеть своей стране исторически достойного будущего, то более высокой цели у возглавляемого тобой государства и быть не может.

От идеологии патриотизма к Патриотизму

Мы несколько не сомневаемся в справедливости философского утверждения, что все течет, и все изменяется. Но как бы только теоретически. И я забыть не могу, как мать подростка с нескрываемым недоумением спросила: «Чем объяснить поведение сына, который вчера при гостях резко вырвался, когда я попыталась посадить его на колени?» И, помолчав, добавила: «Никогда раньше ничего подобного не было?! — Не скажете, — в ответ спросил я, — сколько лет сыну? — «Тринадцать», — ответила она.

И рассказываю я об этом анекдотичном случае не для того, чтобы мы, посмеявшись, поразились жизненной слепоте матери, не замечаящей, что сын стал подростком, которого уже не нужно и нельзя пытаться усаживать, да еще прилюдно, на колени. Наша беда в том, что буквально сплошь и рядом мы не замечаем происшедших в реальной действительности и даже в межличностных отношениях происходящих изменений и поступаем точно так же, как всегда. Мы, даже не задумываясь, действуем по сложившейся привычке. Разрушительность такого рода «слепоты» проявляется не только в межличностных, но и в *политических* и в общественных отношениях. И хоть я не политолог, а педагог, считающий, что школа, учитель и педагог должны быть вне политики, не позволяя себе высказывать в учебной аудитории своих личных политических пристрастий, не могу не признать чрезвычайной важности одного аспекта столь судьбоносной проблемы. Собственно педагогического, без которого практическое воплощение в жизнь любой программной идеи, включая идею патриотизма как государственной идеологии, невозможно.

Решение столь сложной проблемы не позволяет уклониться от выяснения *причин*, приведших к исторической необходимости перехода в России от патриотизма как «испытываемого человеком чувства» к патриотизму как «государственной идеологии», тем самым превращения его в содержательную основу отечественного образования. И не разобравшись в сути принципиально новой для образования ситуации, нам — школьным и вузовским педагогам — не выполнить задачи, поставленной перед нами президентом страны.

Для этого я вынужден вернуться к высказанной выше мысли о присущей нам особенности по сложившейся привычке относиться к происходящему, не замечая происшедших глубинных изменений. Мы, как правило, неожиданно сталкиваемся с ними, когда они уже заявляют о себе в виде состоявшегося факта поступка. На основе своего многолетнего педагогического опыта постоянного ведущего на Всесоюзном радио передачи «Взрослым о детях», ведущего в Политехническом музее Круглого стола «Школа и время» я написал много статей и книг, в которых раскрывалась динамика изменения социальных отношений, начиная от межличностных, профессиональных и, завершая, общегосударственными. Я стремился донести до каждого — учителя, родителей, государственного деятеля, проявляющуюся в людских отношениях закономерность — что либо они, благодаря определенным условиям и целенаправленным усилиям, последовательно развиваются, и тогда от вас зависит происходящее не только в настоящем, но и в будущем, либо, наоборот, сами отношения втягивают нас в водоворот происходящего, и мы, исходя из разных соображений, даже пытаюсь найти для себя оптимальное решение, никак уже не влияем на углубляющуюся негативность этих отношений. При этом я даже раскрыл перед педагогами и родителями процесс проявления первых симптомов, свидетельствующих о возникающих и при этом негативных изменениях в отношениях с учениками и родными детьми. И самое главное, что я старался донести, что, как и всякий объективно протекающий процесс, как он будет протекать — на нашей ответственности.

И мне думается, что такой подход может продуктивно сказаться и при выявлении сущностных особенностей воплощения в жизнь *патриотизма как идеологии*.

И я, чье детство пришлось на годы войны, испытавший ужас прямой бомбежки на мосту под Черкассами, пытавшийся от мучительного голода найти хлебные крошки в складках матерчатой сумки, члены большой семьи которого либо сложили свои головы на разных фронтах, либо были убиты немцами, впервые испытавший и бурно выразивший вместе с другими пацанами ни с чем несравнимую радость от взятия Киева, не могу не понимать, что пришлось испытать политическому лидеру страны, чья Родина буквально безнаказанно

кем угодно раздиралась на части, и вынужденно стояла перед всем миром с протянутой рукой. Не могу не понимать, что чувствует человеческая душа, которой буквально приходится, выражаясь словами поэта, не только «лепить из того, что было», но и мучительно корчиться от испытываемой боли. И он не только через все это сумел пройти, но и извлечь самый политически главный вывод — власть, не способная влиять на происходящие в стране события, вынужденная подчиняться внешним и внутренним неуправляемым влияниям, по сути своей, какие бы при этом от ее имени слова ни произносились, преступно антинародна. Что бы ни происходило, последнее слово должно принадлежать власти, если она живет не только сегодняшним днем, и не только близорукими откровенно эгоистическими интересами. И только в этом — концентрированное осознание исторической ответственности, воплощенной в самом слове «власть».

Я как педагог не могу не понимать, что самым великим проявлением творчества является политическое руководство страной, когда приходится руководить миллионами людей, у которых не только свои интересы и цели, но и которые не согласны с тобой, и даже в открытую борются против тебя. И когда вынужденно приходится искать «точки опоры», без которых о каком-либо достижении цели и говорить не приходится. Значит, невозможно не опираться на тех, кто, не только может тебя поддержать, но и способен навязать свою политическую волю всем остальным. Неслучайно, что в такой ситуации оказываются те, кто связывает свои интересы с «сильной рукой», способной не только привести их к власти, но и заставить ее служить себе. И, значит, без тех, кто любит свою Родину и связывает ее интересы с сильным государством, кто не только готов служить ему, но и именно в этом видит предназначенность своей жизни. В течение всех лет своего правления В.В. Путин как политический лидер государства опирался на *чувство патриотизма своих сторонников*, не особо считаясь с проявлениями патриотических чувств своих оппонентов. Самым главным для него была осознаваемая необходимость ни на мгновение не терять возможности управления страной, невзирая ни на что. При этом он не только опирался на своих сторонников, но при необходимости защищал интересы каждого из них.

Но, как оказалось, политический лидер В.В. Путин не служил и не служит ни своим политическим друзьям и единомышленникам, ни поддерживающей его партии, а служит только народам России, их настоящему и будущему. Масштаб его личности оказался значительнее статуса даже признанного политического лидера. И его признание о назревшей необходимости превратить патриотизм в государственную идеологию, по сути, и означает происшедшее изменение в политическом климате страны. И с этой минуты Президент Российской Федерации как гарант единой для всех

Конституции официально признает не только равное отношение власти к каждой политической партии и ко всей разногласице мнений и политических взглядов, если они продиктованы — пусть и с несовпадающих мотивационных установок — заботой о Родине, но и видит в этом основной резерв исторического развития России. Надо признать, что проявленная президентом способность использовать преобразующие возможности патриотизма как государственной идеологии — не просто очередное эффективное предложение, а реальная возможность решения, пожалуй, самой важной проблемы на основе каждодневно функционирующей системы отечественного образования. При этом Путин, призывающий уже в 2002 г. к единству, хорошо учел трагичный опыт либерального благодушия, приведшего, в конечном итоге, к развалу СССР. Наш Президент оказался очень хорошим учеником истории, способным учиться и — поэтому — способным учить. Настаивая на переходе к патриотизму как идеологии, он поступает как политик-педагог, для которого все дети одинаково дороги, которых нельзя и недопустимо противопоставлять друг другу. И мне как педагогу нельзя не признать продуктивности позиции, предоставляющей России возможность слияния воедино созидательной энергии народа и властных ресурсов государства.

Но, как выше отмечалось, воплощение в жизнь даже самой замечательной идеи напрямую зависит от тех людей, к кому она сутью своей обращена. Человек не должен, не рассуждая, не только принимать важные решения, но и некритично относиться к этой изначально новой идее. И, как мне представляется, ее сущностный смысл не только и не столько в том, чтобы бездумно не следовать за кем-либо или поклоняться чему-либо, сколько в необходимости осознания недопустимости *снятия с себя личной ответственности* за каждый свой поступок, конечно, при обязательности соблюдения одного исходного условия — *гражданской заинтересованности*.

Поэтому, как представляется, любые возражения, вплоть до упреков в «утопичности такой позиции» не только приемлемы, но и продуктивны. Неприемлема только самая страшная и губительная, но нередко проявляющаяся привычка «забалтывать» проблему, забывая, о чем с восторгом говорилось вчера. В связи с этим особую актуальность приобретает именно *педагогический аспект* выдвинутой идеи, превращающий поиск ответа на все вопросы в осознание необходимости отношения к этой идее как к совокупности социальных задач, требующих педагогической обеспеченности. Следовательно, патриотическое воспитание становится не просто историческим ориентиром для поступательного развития страны, но именно *конкретным и ежедневно выполняемым* для всего народа и государственной власти делом.

Идея превращения *патриотизма в общегосударственную идеологию* действительно способна выполнить консолидирующую миссию

в силу своей особенности — органической неразрывности знания, призванного формировать внутренний мир ценностей каждого из вступающих в жизнь поколений, и испытываемого каждым чувства любви к своей Родине. От педагогической науки и отечественного образования потребуются обосновать и раскрыть пути конкретного воплощения этой идеи. Необходимость превращения патриотизма в государственную идеологию отражает историческую востребованность трансформации светского государства из средства подавления интересов одних социальных групп ради интересов других в средство *гармонизации внутригосударственных отношений*, тем самым, цементируя понятия «народ» и «политическая нация» в средство преодоления существующих противоречий между государством и обществом.

Не заболтать бы, или от слов — к делу

Если такое сравнение уместно, то любая, даже самая замечательная идея схожа с родившимся ребенком, которому просто не выжить без неусыпной родительской заботы. И, наверное, не надо объяснять, как родителям, мягко говоря, непросто жить, ежеминутно прислушиваясь к его дыханию и малейшему всхлипу. Но именно любовь к этому беззащитному существу позволяет в течение не одного месяца и даже года *жить так*, испытывая при этом ни с чем несравнимую радость.

Но новая идея значительно более беззащитна, чем новорожденный малыш. Ведь надо не только донести ее суть до людей, доказывая, насколько для них же она важна, но и — что самое главное — найти и пути ее превращения из произнесенных, пусть и очень важных слов — в лично значимую мировоззренческую установку, которой они будут руководствоваться в повседневной жизни.

Естественно, что в обществе, раздираемом сложнейшими внутренними противоречиями, любая идея найдет не только своих сторонников, но и натолкнется на противостояние противников. Однако безудержное стремление постсоветского общественного сознания выдвинуть идею, способную преодолеть разрушительность социальных противоречий, не может не убеждать, что в жесточайших условиях глобализации без целенаправленного объединения властных возможностей государства и творческой энергетики социума России не выстоять.

Для этого придется решить две взаимообусловленные задачи.

Первая — необходимость оказания на социум просветительского и пропагандистского воздействия, призванного раскрыть представления о патриотизме как социально-политической основе для построения будущего верной своим духовно-нравственным ценностям и конкурентоспособной России.

Вторая, может быть, самая сложная задача — воспитание подрастающего поколения на основе идеологии, которую, по сути, только

еще предстоит разработать как **учебный предмет**. Ибо **патриотизм как идеология** это в то же время и **совокупность особых знаний**, призванных не только сформировать исходные мировоззренческие установки, но и придать им непреходящую значимость и ценность. И признание особой личностной значимости таких знаний является единственной основой, с позиций которой может исчезнуть противоречие «личность и государство».

Различие подходов государства к использованию патриотизма на Западе и в России проявляется в том, что у них он предлагается на «договорной основе», т.е. заранее оговаривается и официально утверждается «сколько» и «за что» получит от государства каждый, чьим патриотизмом оно — государство — воспользовалось. У нас же патриотизм, как и всякое используемое проявление любви, не оплачивается. И в результате получается, что нынешние, даже самые активные защитники гражданских свобод, в принципе, не возражают против использования властью патриотической любви, надо только строить отношения между гражданином и государством на «договорных началах».

И ведь действительно, потеря ноги — это одно, зрения — другое, а жизни, естественно, третье. И сам человек, и его семья не могут быть государством брошены, оставлены с бедой наедине. Но причем здесь патриотизм?! И разве наемник, заключающий договор, и видящий в заранее оговоренной сумме свою цель — патриот? Это совсем не риторическая постановка проблемы, а только одна из ее сторон. Ибо за ней как бы скрывается совершенно **другая**. Суть ее в том, что совершенно справедливое требование не бросать человека в беде, и на государственном уровне проявлять заботу о нем, поставленное на место испытываемой человеком любви к своей Родине, возводит «деньги», в духовную социальную ценность.

И все же, надо признать, что даже столь циничное отношение к патриотизму представляется не самой страшной бедой, вторгнувшейся в мир духовно-нравственных ценностей.

Любовь вообще, и, тем более, любовь к Родине — самое великое историческое обретение человека. Преображая его внутренний мир, оно не только влияет на его поступки, отношение к другому человеку и буквально ко всему, что его окружает, но и придает **самой его жизни особый смысл**, награждая счастьем, какое не мог испытать тот, кто так не любил. Любовь как ничто другое, избавляет человека от испытываемого одиночества, позволяя человеческой душе ощутить свою нерасторжимость с другим человеком и окружающим миром. Не страсть, не увлечение, не желание овладеть, а именно любовь раскрывает перед человеком возможность проявить себя в служении, ответственности и долге, но ощущаемых как жизненно необходимая потребность.

И, к сожалению, приходится признать, что нынешние дискутирующие и занимающие разные позиции теоретики, не признавая именно этой личностной значимости патриотизма, а только исходя из интересов государства, по сути, не поняли великого пушкинского откровения — «Не продается вдохновенье. Но можно рукопись продать» [Пушкин 1985, 311].

А не понимать, что чувство любви к Родине, в первую очередь жизненно необходимо самому человеку, значит по сути отрицать *необходимость* использования в воспитании этого великого в своей преобразующей мощи чувства *в интересах самого человека*. И это уже не философский, не социологический и не политический, а сугубо *педагогический вывод*.

Приходится признать, что наши идеологи, политологи, пропагандисты, теле- и радиоведущие, как правило, не зная или не признавая особенностей воспитания, не считаются с очень важным по своей неотвратимости законом — возникновению адаптации. И поэтому, стремясь к достижению выдвигаемой цели, они считают, что чем чаще говорить о том, что представляется важным, тем лучше и быстрее будут достигнуты результаты.

Но не столько для опровержения такого взгляда, сколько для обращения к незабываемому факту из моей учительской биографии, приведу пример. Не успел я войти в класс, как сразу же был встречен произнесенным моими семиклассниками речитативом: «А мы знаем, о чем Вы нам будете говорить!» И я, действительно, не понимая, что их побудило, так меня встретить, простодушно спросил: «О чем же?», И они, хохоча, перекрикивая друг друга, ответили — «О XXII съезде партии! До Вас на каждом из пяти уроков каждый учитель с этого начинал урок!» К такому ли результату стремился каждый из учителей, посчитавший необходимым начать урок с этого?

Если неотложность решения сугубо политических проблем изначально предопределяется сложившейся ситуацией, то в воспитании ни при каких обстоятельствах недопустимо игнорирование фундаментальных *педагогических* законов. В данном контексте — адаптации. И если решение политических проблем изначально призвано осуществляться с позиций требования «здесь и сейчас», то в педагогике все только и может быть достигнуто при обязательном понимании того, что образование — независимо от того признаем ли мы это или нет — это *будущее, не спонтанно возникающее, а целенаправленно создаваемое в настоящем*.

При этом, когда речь идет об образовании, очень важно, наконец, осознать, что столь нужный «результат» воплощается в конкретных людях, их отношениях, мировоззренческих установках и волевых устремлениях, и что именно *эти люди*, выйдя за порог учебного учреждения не только проявят свои профессиональные компетент-

ности, но и окажутся защитниками наших нравственных ценностей. Поэтому решение проблемы находится в прямой зависимости от того, насколько мы сумеем не только донести до каждого ребенка знания о патриотизме как нашей государственной идеологии, но и педагогически преобразовать эти знания в *особую эмоционально значимую ценность*. Поэтому преподавание патриотизма как программно *изучаемого предмета* станет эффективным, если будет находить в детской душе *эмоциональный отклик*. В этом — фундаментальная основа *педагогического решения* проблемы преподавания патриотизма. Любая эмоция, особенно любовь, изначально не является производным от логичности аргументов и, тем более, от частоты повторения произносимых слов. Ее источник — сюжетная динамика раскрываемых отношений, эмоциональное воздействие которых он не может не ощущать, единственное, что позволит педагогу связать воедино ощущение, испытываемое ребенком, и слово, его отражающее. Без этой опоры любые произносимые слова, даже понятые и уместные, к испытываемым ребенком чувствам никакого отношения, по сути, не имеют. Разве что приводят к возникновению нескрываемо циничной готовности произносить их, ничего при этом не чувствуя.

Учить патриотизму как государственной идеологии

Признание патриотизма государственной идеологией, призванной стать содержательной основой целенаправленного воспитания подрастающего поколения, требует, как отмечалось, выше решения двух взаимосвязанных задач — разработки содержания принципиально нового *учебного предмета*, т.е. того, чему изо дня в день *учить* и отбора средств и методов, способных сформировать личностное, *обязательно эмоциональное отношение* к этой идеологии.

При этом и методы, и формируемое содержание этого *учебного предмета* изначально должны быть подчинены только одной цели — *пробуждению в детских сердцах любви к своему отечеству*.

Для этого и содержание, и методы должны обеспечивать личностную эмоциональную заинтересованность ребенка в соответствии с его *возрастными особенностями*. Не лекции о значении патриотизма, не примеры проявления патриотизма со стороны известных героев, а стихи, сказки, песни, которые ребенку изначально будут нравиться, которые ему захочется еще и еще раз услышать, прочитать и спеть, и из которых он не только будет узнавать что-либо новое, но и *испытывать* определенные чувства, порождающие желание пожалеть, сострадать, прийти на помощь, восхититься или — наоборот — осудить. И тем самым создавать эмоциональный фундамент, на котором идеология патриотизма, *не претендуя на разрешение всех социальных противоречий*, объединит каждого молодого человека с интересами государства.

Великий Макаренко завещал всем, кому дорога страна, ее будущее — дети: воспитание, не сводимое к примитивной дисциплинированности, контролю и администрированию, не может и не должно строиться на отрицании, даже когда речь идет о запрете. «НЕ делай», «НЕ нарушай», «НЕ балуйся» и т.д. как распространенные и хорошо известные образцы запретительной педагогики изначально лишены позитивно формирующего начала. «Не делай» не отражает потребности ребенка в ответе, что *нужно делать*. Частица «не» не несет в себе той необходимой *определенности*, без которой воспитание лишается самого главного четкого *содержательного наполнения*. И только в слиянии такого наполнения в неразрывном единстве с испытываемым человеком чувством проявляется социальная предназначенность воспитания вообще, а *идеологического — в особенности*.

Воспитание как удивительное чудо превращения внешне оказываемых влияний в мир внутренних установок и волевых устремлений личности, только тогда будет соответствовать своей фундаментальной предназначенности, когда судьбоносные для бытия и развития социума ценности *перестают быть формально заученным знанием, а становятся основой мировоззренческих и эмоционально-волевых устремлений личности*. В объективно неразрывной связке «воспитание—знание» определяющим должно быть то, что, единственно, отражает *педагогический смысл государственно востребованного образования — формирование личностного отношения ко всей совокупности проблем*.

К сожалению, в постановке проблемы «*цели в образовании*» в научном и общественном сознании не вполне отрефлексирована ее глубинная *диалектичность*. Одного факта выдвижения в образовании определенной, требующей немедленной практической реализации цели, *не достаточно*. Отсутствие при этом системной проработанности для ее достижения не только не приведет к желаемому результату, но и неотвратимо скомпрометирует саму цель.

Цель, выдвигаемая в образовании, это, с одной стороны, формируемое *будущее*, которое без *прогностической обоснованности не может состояться*, с другой — *это последовательный процесс, эффективное воплощение которого напрямую зависит от готовности каждого структурного звена системы образования действовать согласованно*.

XXI век, на который возлагались такие грандиозные надежды, к сожалению, не только не оправдал их, а наоборот, все сильнее ввергает нас в водоворот разрушительных событий, происходящих во всем мире, что не может не отразиться и на России.

И когда президент предлагает превратить патриотизм в государственную идеологию, то в этом великая историческая прозорливость политического лидера, видящего именно в этом единственную возможность сохранения того, что дорого каждому сыну и каждой дочери России, поскольку единственной основой сознательного граждан-

ского объединения людей, придерживающихся разных политических взглядов, исходящих из разных исторических представлений и духовных ценностей, может быть только любовь к Родине.

Но для ее воплощения в жизнь школе придется самостоятельно сделать то, чего вместо нее никто сделать не может — ибо нужно не просто донести до ученика положения Конституции и остальное содержание учебной программы, а сделать это так искусно, чтобы они проникли глубоко в душу каждого ученика. И тем самым стали его духовным жизненным ориентиром.

И именно поэтому школа, ответственно относясь к призыву президента страны, реально становится основным средством практического осуществления столь необходимой для страны, для каждой семьи, каждого гражданина цели. Ибо формирование патриотизма как идеологии позволит не только обеспечить исторически востребованный уровень сплоченности всего народа, но и наполнить жизнь каждого поколения значимым духовно-нравственным смыслом.

Необходимое заключение

Эта статья, актуальность которой была определена идеей президента об исторической необходимости превращения великого чувства любви к своей Родине России — патриотизма — в востребованную временем государственную идеологию, была написана мною сразу же после ознакомления с нею в печати.

И все же, живя в реальной и безгранично конфликтно-противоречивой действительности, я долго не мог прийти к решению — опубликовать ее или нет. Тем более, что высказанная Президентом страны, и причем не единожды, идея не находила публично активной поддержки, не говоря уже о возможных путях ее конкретной реализации. К тому же, чем больше проходило времени, сама идея опоры на патриотизм как основу духовно-нравственного единения всего народа стала с разных, не столько идеологических позиций, сколько политически групповых пристрастий не только критиковаться, но и представляться как духовно разрушающая социум опасность.

Принципиально важным является другое, чего как бы не замечают или не хотят замечать эти критики — самого, как мне представляется, главного. Впервые в истории России на вершине политической власти оказался человек, осознавший свою личную ответственность и ответственность государства не перед абстрактным понятием «народ», а перед этот народ составляющими реальными людьми, перед *каждым человеком*.

Не могу не отметить и того, что В.В. Путин уже дважды обращался к обществу с призывом сделать отечественную школу лучшей в мире.

Я, более полувека своей жизни посвятивший отечественному образованию, несмотря на сложность реальной ситуации, сложившейся в мире и нашей стране, в конечном итоге принял непростое для себя

решение опубликовать эту статью не только потому, что полностью разделяю позицию президента страны, но и потому, что у всех нас, противостоящих друг другу в дискуссиях, и даже при недопустимом различии экономических условий своего социального бытия, просто нет другого выхода: только в объединении возможно поступательное развитие единой и единственной для всех нас страны.

PS. Как педагог, разработавший «Педагогическую аксиоматику» [Турбовской 2016], с позиций которой любое решение, адресованное массовой практике, будет априорно эффективным только при опоре на установленные педагогические закономерности, я не могу не порадоваться прозорливости политического лидера страны, увидевшего именно в патриотизме, основанном на Конституции, реальную возможность объединения всех ее граждан, независимо от их мировоззренческих взглядов и пристрастий, также как объединения государственной власти и творческого потенциала народа как основы для будущего России.

ПРИМЕЧАНИЯ

(1) Этатизм (от фр. *État* – «государство») – идеология, утверждающая ведущую роль государства в политической жизни, включая подчинение интересов как отдельных людей, так и групп интересам государства.

(2) Значение слова «Светский» по Т.Ф. Ефремовой: Не церковный, мирской. Свойственный мирским людям, мирянам, характерный для них [Ефремова 2000].

Значение слова «Светский» по словарю Даля: Светский – к свету (миру) в разных значениях, земной, мирской, суетный; или гражданский. Светская власть противоположна власти духовной [Даль 1978].

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Даль 1978 – *Даль В.И.* Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. – М.: Русский язык, 1978.

Ефремова 2000 – *Ефремова Т.Ф.* Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. – М.: Русский язык, 2000.

Пушкин 1985 – *Пушкин А.С.* Разговор книгопродавца с поэтом // *Пушкин А.С.* Сочинения. В 3 т. Т. 1. – М.: Художественная литература, 1985.

Турбовской 2016 – *Турбовской Я.С.* Педагогическая аксиоматика. – М., 2016.

PATRIOTISM AS A STATE IDEOLOGY: PEDAGOGICAL ASPECT

Ya.S. TURBOVSKOY

*Institute for Strategy of Education Development,
Russian Academy of Education, Moscow, Russia*

Summary

The article philosophically interprets patriotism and examines pedagogical, educational, and methodological aspects of patriotic education in general

schools as an important component of the modern educational process. The author gives an explanation, why a teacher, not having a professional right to introduce any political dissociation into children's environment, nevertheless has a duty to take the responsibility in the purposeful formation of each pupil's feelings and personal aspirations embodied in the patriotism, a concept of which is historically important for every nation. The author reveals the historical aspiration of teachers to find ways for increasing the effectiveness of the process of purposeful formation of patriotism as a social need, designed to serve the interests of certain social entities, connected by the unity of origin, culture, language and, certainly, realized necessity of self-protection and development. The article argues that the teaching of patriotism as a separate subject will become effective only when the emotional response will be found in a child's soul. That is the fundamental basis for the pedagogical solution for the problem of patriotic upbringing.

Keywords: patriotism, pedagogical axiomatics, constitution, mass practice, political dissociation, pedagogical norm, people potential, social need, self-protection, development.

Turbovskoy, Yakov – D.Sc. in Pedagogical Studies, Professor, Deputy Head of the Laboratory of Theoretical Pedagogy and Philosophy of Education, Institute for Strategy of Education Development; Head of the Council of School Principals of the CIS Countries.

turbovskoy@instrao.ru

Citation: *TURBOVSKOY Ya.S. (2017) Patriotism as a State Ideology: Pedagogical Aspect. In: Philosophical Sciences. 2017. Vol. 10, pp. 7-26.*

REFERENCES

Dal V.I. (1978) *Explanatory Dictionary of the Live Great Russian Language*. 4 volumes. Russkiy Yazyk, Moscow (in Russian).

Efremova T.F. (2000) *New Dictionary of Russian*. Russkiy Yazyk, Moscow (in Russian).

Pushkin A.S. (1985) Conversation of a Bookseller with a Poet. In: Pushkin A.S. Works. 3 volumes. Vol. 1. Khudozhestvennaya Literatura, Moscow (in Russian).

Turbovskoy Ya.S. (2016) *Pedagogical Axiomatics*. Moscow (in Russian).

ИЗ ИСТОРИИ
ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ФИЛОСОФИИ

Памятники древнерусской культуры.

Философский взгляд

СОФИЙНАЯ ТРАДИЦИЯ В РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ
И КУЛЬТУРЕ*

М.Н. ГРОМОВ

Институт философии РАН, Москва, Россия

Аннотация

Софийная традиция представлена как одно из важнейших направлений в истории русской мысли, искусства и культуры. Софийность проникла из Византии на Русь после ее крещения в результате воздействия южного цивилизационного вектора. Она проявилась в архитектуре, иконописи, литературе, богослужебном действе, формируя образно-символическое представление о мире. Образ Софии возник в результате контаминации античной покровительницы искусств и художеств Афины Паллады и девы Мудрости из ветхозаветной части Библии, которая воздвигла храм на семи столпах и призывала приходить насыщаться высшим знанием. Особое место отведено русской софиологии в лице Владимира Соловьева, Павла Флоренского, Сергея Булгакова. Отмечается возросший интерес к софийной тематике, к литературе и искусству, с ней связанными. Продолжаются споры по поводу генезиса и содержания Софии, в которой наряду с христианскими присутствуют дохристианские и внехристианские идеи, что делает ее еще более загадочной и притягательной.

Ключевые слова: София Премудрость Божия, византийское влияние, Кирилл Философ, древнерусская культура, софиология Нового времени, полемика вокруг Софии, философия и искусство.

Громов Михаил Николаевич – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН.

dr_gromov@mail.ru

Цитирование: ГРОМОВ М.Н. (2017) Софийная традиция в русской философии и культуре // Философские науки. 2017. № 10. С. 27–38.

После крещения Руси в отечественную культуру проникает целый комплекс идей и образов, связанных с Софией Премудростью Божией. Их транслятором явилась Византия, бывшая цивилизационной метрополией для православного славянского мира. Она

* Работа выполнена в рамках проекта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) «Софийная проблематика в истории русского искусства», грант 15-04-0229.

была хранительницей античного наследия, самой развитой страной раннего Средневековья, связующим звеном между европейской и ближневосточными культурами. Византийское влияние на Русь осуществлялось через города-полисы Причерноморья, важнейшим из которых являлся Херсонес, с ним связаны многие страницы нашей ранней истории.

Вплоть до падения Византийской империи в середине XV в. южный цивилизационный вектор был основным для нас, позднее он сменился западным, однако о его благотворном воздействии не следует забывать [Златоструй 1990].

Попробуем проследить становление и эволюцию софийной традиции в отечественной культуре. Неотделимым от образа Софии Премудрости является имя князя Ярослава, прозванного Мудрым. Рассказ о его обширной просветительской деятельности содержится в «Повести временных лет» под 1037 г., там же присутствует восторженное воспевание знания, мудрости, книжности.

В композиционный центр древнерусского панегирика умело вписаны слова из библейской похвалы горнему знанию: «Аз, премудрость, всем свет и разум и смысл аз призвах...» [Молдован 1984, 97].

Построение Ярославом Мудрым храма Святой Софии Киевской было воспринято как воздвижение «дома Премудрости». Он же укрепил город, поставил Золотые ворота в подражание аналогичным константинопольским. Соборный храм как духовное средоточие, как глава града, а град как единение живущих в нем людей имеют в средневековой семантике особый смысл. Образ города с крепкими стенами и вознесенными над ним храмами был символом устойчивого, защищенного от внешних сил, устроенного на благо бытия. Этот образ широко представлен в древнерусском искусстве, своеобразно накладываясь на изображения реальных городов, крепостей, монастырей Древней Руси.

Митрополит Киевский Иларион помещает в своем «Слове о Законе и Благодати» похвалу Ярославу Мудрому. Деяния сына князя Владимира, крестившего Русь и введшего ее в семью цивилизованных народов, сравниваются с деяниями мудрого царя Соломона, сына Давидова, и прежде всего с построением им Иерусалимского храма: «Акы Соломон окончил дела Давдва, иже дом Божии великыи святыи его премудрости създа».

Киевская София была полифункциональна, являясь и митрополичьим соборным храмом, и хранилищем рукописных книг, и местом проведения государственных церемоний, и почетным пантеоном, где в мраморном саркофаге упокоился ее создатель Ярослав Мудрый. Она играла роль сокровищницы искусств в их органичном синтезе и единстве с богословской и философской мыслью. То, что сейчас раздельно представляют библиотека, музей, театр, картинная галерея было

объединено действием храмового служения, своего рода сакральной мистерией и церковной драматургией.

Софийские храмы в Новгороде и Полоцке вместе с Киевской Софией представляли палладиумы имевшими высокое духовное и культурное значение. До сего дня они продолжают осуществлять важнейшую сакральную и общекультурную миссию, напоминая трем восточнославянским народам о их родстве и духовной близости, а также о связи с византийским наследием. В странах греко-славянского мира сохранилось много храмов во имя Софии Премудрости Божией. Они есть в Солуни (нынешних Салониках), Мистре, Никее, Трапезунде, Охриде. В честь древнего храма Света София получила свое имя новая столица Болгарии.

Иконы, фрески, произведения прикладного искусства, различные реминисценции на тему Софии Премудрости, которые присутствуют как внутри храмов, так и вне их, создают богатый культурный фон, точнее благотворную культурную среду, наполненную софийной одухотворенностью и творческим подъемом. София соединяет и гармонизирует различные виды творчества с глубоким богословско-философским содержанием, воплощая их в художественно-символической манере, столь присущей византийской и древнерусской традиции.

Помимо архитектурной основы, которая связывает Софийские храмы Руси с византийскими и в конечной ретроспективе с Иерусалимским храмом как первым домом Премудрости, необходимо учесть вербальную сторону софийной традиции. Обратимся к авторитетной канонической литературе. Апостол Павел называет Христа «Божией Премудростью» и говорит о сокровенном содержании евангельского учения: «Мудрость же мы проповедуем между совершенными, но мудрость не века сего и не властей века сего преходящих. Но проповедуем премудрость Божию, тайную, сокровенную, которую предназначил Бог прежде веков к славе нашей» (1 Кор 2 : 6–7).

Христианская интерпретация Премудрости восходит к античным и ветхозаветным истокам. Термин «София» впервые встречается у Гомера в «Илиаде» (песнь 15, ст. 410–413) как мудрость, проистекающая от Афины Паллады. Прекрасная богиня, родившаяся из головы Зевса, предстает как «мать художеств» и «градодержица». Божественной мудростью называет Софию Платон (Федр, 279). Ее осмыслили Аристотель, Демокрит, Пифагор, Прокл и другие античные мыслители. Как выразился С.С. Аверинцев: «В упорядоченном здании греческого языка и греческого мифа идея Софии и образ Афины стоят друг против друга, взаимно отражая, осмысляя и объясняя друг друга» [Аверинцев 1978, 44–45].

Кроме античного влияния на формирование образа возвышенной мудрости прослеживается ветхозаветное ее понимание. В премуд-

ростной части Библии проступает менее абстрагированный и более личный образ носительницы высшего знания, выстроившей храм на семи столпах и призывающей прийти к нему, чтобы приобщиться к ней. Именно так поступил царь Соломон, написавший Песнь песней и Екклезиаст, построивший Иерусалимский храм, прообраз будущих софийских храмов. Он стал персонифицированным олицетворением восточной мудрости. Недаром в барабане центральной главы Новгородского Софийского собора царь Соломон изображен на фреске XII в. в царском облачении со свитком в правой руке, где содержатся слова: «Премудрость създа себе храм и утврди стлпъ семь и посъла своя...» [Лазарев, 1978, 140–145].

Софийная традиция родилась в дохристианский период, она связана с гностицизмом, восточными верованиями и иными течениями мысли. Разделение на дохристианскую, внехристианскую и собственно христианскую софиологию сохраняется до сего дня. На Русь после крещения проникла софийная традиция в основном византийского, православного, канонического характера. Она опиралась на труды Афанасия Александрийского, Григория Нисского, Максима Исповедника и других признанных авторитетов.

Важен вклад Дионисия Ареопагита (по другой версии Псевдо-Дионисия) в выработку православного понимания Софии. Именно он обосновал необходимость добавления трансцендирующей приставки «сверх», в старославянском языке «пре». Мудрость человеческая и горняя Премудрость были ясно осознаны в своей соотнесенности. Перевод корпуса «Ареопагитик», законченный на Балканах в 1371 г., после своего появления на Руси стал одним из основных философско-богословских и софиологических трактатов. Переводы с греческого на церковнославянский сербскими и болгарскими учеными монахами воспринимались в древнерусской среде как часть общеславянской православной литературы, восходящей к деятельности равноапостольных просветителей Кирилла и Мефодия [Прохоров 1982, 90–96].

В житии Константина-Кирилла есть многозначительный эпизод обручения его с божественной мудростью, случившийся в пророческом сне (нечто похожее произошло с юным Соломоном, искавшим духовного просвещения). Кирилл возлюбил Софию всем сердцем и служил ей, будучи библиотекарем при храме Софии Константинопольской. Он дал первое определение философии на славянском языке, выработал терминологию отвлеченного мышления, создал вместе с братом Мефодием славянскую письменность на основе греческой.

Имя Кирилла Философа присутствует уже в самых ранних древнерусских рукописях: «Остромировом Евангелии» (под 14 февраля, днем его памяти), «Изборнике 1073 года» (в статье о чтении книг), «Повести временных лет» (в рассказе о моравской миссии). Он стал образцом мыслителя, характерным для региона *Slavia orthodoxa*—не

ученого схоласта, кабинетного затворника, но пламенного проповедника, просветителя, наставника, подвижника идеи. Через него на Русь проникло и утвердилось философствование в духе Платона, в то время как на Западе получило развитие философствование в духе Аристотеля [Громов 2013, 218–282].

Таким образом софийная традиция через храмовое искусство, через тяготение к образно-символическим возможностям мышления, через причастность к платоновской линии философствования повлияла на становление отечественного любомудрия и духовной культуры в целом, которые, развиваясь на родной почве, были вместе с тем открыты архетипам сознания, выработанным античной, византийской, восточными культурами. Сохраняя автохтонность, русская мысль стремилась к всечеловечности, что было заложено в самый ранний период ее становления, в том числе путем заимствования у Византии идеи софийности бытия.

Древнерусское понимание Софии Премудрости особенно выразительно представлено в иконографии. Существует несколько вариантов изображения Софии – киевский, новгородский, ярославский и композиция «Премудрость созда себе дом». Наиболее распространен новгородский вариант. Вербально он описывается следующим образом. В центре композиции на престоле восседает в царском одеянии огненнолицый и огненнокрылый ангел с венцом на главе, железом в правой руке и свитком в левой. Ему предстоят слева Богоматерь с круглым медальонным изображением Эммануила и справа – Иоанн Предтеча с хартией в левой руке и прижатой к груди правой. Темная со звездами иссиня-черная «слава», на фоне которой восседает София, придает ей космически-вселенский характер. Над головой ангела помещено поясное изображение Христа, над ним шесть ангелов со «свитком неба» в руках, а между ними на уготовленном престоле выделяется золотая книга с красным обрезом.

Каждая деталь имеет свою символику, которая толкуется согласно древнерусской рукописи XVII в. следующим образом. София имеет над собою Христа, поскольку Он суть «главо мудрости». Ее огненный лик означает, что огнем божественным она опаляет «страсти тленныя, просвещая же душу чисту». Венец царский знаменует, что божественная мудрость правит миром.

Одеяние и скипетр в правой руке означает «образ старейшинства» и «властительский сан». Свиток в левой, прижатый к сердцу, содержит «неведомые сокровенные тайны». Таково живописное иконографическое изображение Софии новгородского извода, символика которого трактуется вербальным способом [Фрагмент «София Премудрость Божия» XVII в.].

Это наиболее распространенное изображение Софии Премудрости присутствует на многих иконах, фресках, книжных миниатюрах, про-

изведениях прикладного искусства. Наиболее впечатляюще выглядит величественная большая наружная фреска главного храма России — кремлевского Успенского собора, расположенная в полукружии закомары над жертвенником. Многие посетители Кремля, стремящиеся к Царь-пушке и Царь-колоколу, проходят мимо этой выразительной фрески, художественным и символическим образом представляющей Софию Премудрость Божию, которая правит миром.

В XVI в. происходит широкое распространение Софии Премудрости на всей территории России. Строятся посвященные ей храмы. Иван Грозный, задумавший перенести столицу государства на север, повелел выстроить в Вологде грандиозный Софийский собор. Позднее подобный собор появится в Тобольске, духовном центре огромной Сибири, которая начинает постепенно осваиваться политически и культурно. Иконы и фрески с изображением Святой Софии разных изводов появляются во многих городах. Особенно много их присутствует в Великом Новгороде, центре софийной иконографии. Впечатляюще выглядит большой и выразительный образ в иконостасе Софийского собора. Иконы поменьше имеются почти во всех храмах. Редкие иконы искусного письма выставлены в городском музее. А над всем городом величественно возвышается Софийский собор. И вот уже почти тысячу лет он зримо свидетельствует о присутствии Софии Премудрости в нашей истории и культуре [Брюсова 2006].

В XVII в. больших софийских соборов на Руси не строили, но среднего размера возводили. В частности, в Москве на Софийской набережной напротив Кремля был выстроен подобный каменный храм, ранее рядом находился более древний — деревянный. А в середине XIX в. ближе к набережной возвели высокую колокольню с храмом в честь иконы «Взыскание погибших». Также вместо старого деревянного храма была построена каменная Софийская церковь на Лубянке близ Пушечного двора. В ней находятся две софийные иконы, одна новгородского, другая киевского извода. По наблюдениям В.Г. Брюсовой, известного реставратора и искусствоведа, во многих деревянных храмах Русского Севера в XVII—XVIII вв. устанавливались софийные иконы преимущественно новгородского извода.

В XVII в. в Россию проникает стиль барокко в польском исполнении через украинских и белорусских писателей, ученых монахов, художников. Главой латинствующих деятелей был Симеон Полоцкий, приближенный царем Алексеем Михайловичем. Ему принадлежит масса сочинений, написанных в цветистой манере, многие из них хранятся в рукописных отделах, будучи до сего дня не опубликованными. В сочинениях ученого монаха присутствует немало сюжетов, образов, символов, притч на философские темы, изложенных в вычурной барочной манере. В главе «Философия» приводятся высказывания Фалеса Милетского о мудрости как высшей ценности, к которой

нужно стремиться, Диогена о терпении душевном, Аристотеля о целительной роли знания: «Яко врачество болезнь исцеляет, философия нрав зол души исправляет» [Симеон Полоцкий 1953, 68–71].

Незадолго до своей кончины Симеон Полоцкий составил Привилей (уставную грамоту) для намечавшегося к открытию первого высшего учебного заведения в России. Его поднес царевне Софье Алексеевне Сильвестр Медведев. В поэтическом предисловии он обыгрывает созвучие имени царевны с мудростью и призывает учредить в Москве Славяно-греко-латинскую академию как «дом мудрости», что и было вскоре сделано. Приведем цитату из торжественной декламации Медведева, подражавшего своему учителю Полоцкому:

Мудрость бо ти имя подадешя
Богом София мудрость наречешя,
Тебе бо слично науки начати,
Яко премудрой оны совершати

[Памятники литературы Древней Руси 1994, 246].

В XVIII в. в Россию проникают интерпретации Софии в духе западной мистики и масонских учений. Поэзия доминиканца Сузо, христософия Беме, пансофия Коменского, теософия Сведенборга и другие учения, изложенные нередко в поэтической манере, распространились в образованных кругах, основное же население привычно внимало традиционным ценностям, в том числе ортодоксальной интерпретации Софии Премудрости Божией. Один из видных российских масонов И.В. Лопухин, пропагандировавший идеи Сен-Мартена, писал о «внутренней церкви», о познании самого себя, о любви к высшему благу: «Вся сотворшая премудрость, конечно, открыта любящим ее избранным тайну своего творения, являющую внутренний состав его и различные действия глубоко сокровенного духа природы, движимого духом Божиим в первом веществе, в той нетленной персти, из коей все сотворено» [Лопухин 1990, 297].

Большим достижением для развития образования в целом, и философского в том числе, было открытие Московского университета в 1755 г. В лекциях и трудах профессоров того времени часто присутствует идея о связи философии и мудрости, о пользе знания и необходимости просвещения, особенно в пылком юношестве, изучением нравственных ориентиров. И вне университета находились талантливые и достаточно подготовленные мыслящие люди. Среди них можно указать на Я.П. Козельского. Ученик М.В. Ломоносова, преподаватель Артиллерийского инженерного корпуса, переводчик с западных языков, в том числе латинского, он оставил заметный след в истории отечественного Просвещения.

Приведем некоторые его идеи из «Философских предложений», написанных под влиянием европейских просветителей, среди которых

он выделял Руссо, Монтескье, Гельвеция. Выступая против парадной, поверхностной, мелочной философии, он ратует за глубокую, целенаправленную, обращенную к познанию мира, мысль: «Что касается до пользы философии, то она приводит человека от познания мудро устроенных тварей к познанию Творца, учит его признавать бытие, величество, премудрость и всемогущество Божие, показывает ему должность его во всяком случае, наставляет его к прямой добродетели... Она направляет в юношестве волнуемые в них и кипящие страсти к общему добру, она утверждает мужество в постоянной добродетели, она утешает старость и заставляет ее смотреть на суету и преходимость вещей сего мира беспристрастными глазами» [Козельский 1990, 16–17].

В заключение автор подчеркивает важность недекларативного, действительного следования принципам добродетельной философии: «...но надлежит знать, что приобретение таких неоцененных преимуществ посредством философии зависит не от одного чтения философии, а от точного еще исполнения непорочных и святых ее правил». Следует заметить, что в XVIII в. философия в отдельности и культура в целом отличаются большим разнообразием идейных установок и творческих манер. Существует течения прозападного толка, которым противостоят ортодоксально настроенные круги. Возникает сциентистское направление, базирующееся на развитии наук. Его уравнивают иррационалистические идеи, тяга к оккультизму, увлечение мистикой. Верхи, низы и средние слои общества исповедуют те идеи, которые их наиболее всего устраивают. Древнерусское наследие уходит вглубь культуры под влиянием западного воздействия с тем, чтобы возродиться в XIX в.

После эпопеи 1812 г., победоносного похода российской армии, закончившегося в Париже, Россия утвердилась в качестве доминирующей державы на Европейском континенте. Произошли изменения в национальном самосознании, которое испытало сильный патриотический подъем. После чрезмерного увлечения Западом пробудился интерес к собственной истории, к культуре Древней Руси и ее духовным основаниям, среди которых была и софийная традиция.

Особую роль в ее возрождении сыграл Владимир Соловьев. У него было личностное, мистическое отношение к Софии. Она являлась ему, как некогда Кириллу Философу, ради нее он устремился сначала в Британский музей для чтения сокровенной литературы, а затем в Египетскую пустыню, где некогда подвизались анахореты. Соловьев в трактате «Sophia» и других сочинениях связывает Софию Премудрость Божию с философией всеединства, полагая ее «центральным персонажем теокосмического процесса, вечно-женственным началом в Боге» [Гайденко 2001, 595].

Философия Соловьева вызвала неоднозначную реакцию. Многие ею восторгались, особенно деятели Серебряного века, среди ортодоксальных кругов раздавались критические голоса, осуждалось влечение к католицизму, усматривалась связь с гностицизмом и каббалой. Эти мотивы были перенесены в общее поле дискуссий, которые сопровождали увлечение софийной тематикой в конце XIX — первой половине XX вв. Е.Н. Трубецкой понимал Софию как творческую божественную силу, он же считал древнерусскую иконопись «умозрением в красках». П.А. Флоренский в «Столпе и утверждении Истины» стремился отыскать платонические и патристические основания своей трактовки софиологии. Л.П. Карсавин, С.Л. Франк, В.В. Зеньковский, В.В. Иванов и многие другие философы, богословы, литераторы занимались темой божественной Премудрости.

На примере творчества и жизненного пути крупнейшего почитателя Софии Премудрости о. Сергия Булгакова можно увидеть, к каким сокровенным струнам души она прикасается. В исповедальном сочинении «Моя родина», написанном на склоне лет в эмиграции, он указывает на два сильнейших образа — родной земли и православного храма, которые привели его к Софии. Сакрализованный, мироустроенный, исполненный смирения и обращенный к небу пейзаж в своем панорамном величии подобен драгоценной иконе, где через земную, дольную, вещественную красоту проступает небесная, горняя, духовная, высшая красота Божественной Премудрости. На фоне этого бесконечного пейзажа Булгаков вспоминает Сергиевскую церковь в Ливнах.

Нельзя не привести сокровенные, смыслоуказующие слова мудрого старца, открывающего сердце и прозревающего на закате дней смысл своего земного существования: «Я не знал и не понимал, что это был столь же Софийный храм, как и Успенский собор в Лавре; я не знал тогда, что я получил имя, был крещен и духовно рожден в Софийном храме, причтен к миру служителя Софии Премудрости Божий преп. Сергия. Я не знал что все мои вдохновения, которым в будущем суждено будет развиваться в целую богословскую систему, в корне своем были всеяны в душу Промыслом Божиим в этом умильном храме» [Булгаков 1998, 14].

Попытки философской аргументации и богословской систематизации софиологии вызвали критику ортодоксально настроенных авторов. Архиепископ Серафим Соболев написал антибулгаковскую книгу «Новое учение о Софии Премудрости Божией» (София, 1935), выходили и другие публикации критического характера. О. Сергей Булгаков и его единомышленники, объединенные в парижском «Братстве св. Софии», пытались отстаивать свою позицию. Здесь в споре сошлись охранительное право Церкви защищать устои православной догматики и право мыслящих неординарно людей на свободу

творчества в философской и богословской области. Н.О. Лосский называет софиологию «учением чрезвычайно характерным для русской религиозной философии» [Лосский 1991, 473].

В наше время споры о Софии поутихли, но не прекратились вовсе. Тема Божественной Премудрости присутствует у современных философов и богословов, часть из которых ушла, другая часть продолжает трудиться. Их имена хорошо известны: А.Ф. Лосев, С.С. Аверинцев, А.П. Козырев, В.В. Кравченко, Г.Г. Майоров, С.М. Половинкин и др. Много внимания уделяют теме, иконографии, интерпретации образа Софии искусствоведы. Прошел ряд выставок, изданы прекрасные альбомы, проходят конференции на заданную тему [София премудрость Божия 2001]. Софийная традиция, существующая почти тысячу лет на родной почве, продолжает оказывать благотворное воздействие на отечественную философию, искусство и культуру.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Аверинцев 1978 – *Аверинцев С.С.* К уяснению смысла надписи над конхой центральной апсиды Софии Киевской // Древнерусское искусство. Художественная культура домонгольской Руси. – М.: Наука, 1978. С. 40–55.

Булгаков 1998 – *Булгаков С.Н.* Автобиографические заметки. Дневники-статьи. – Орел: Орловская гос. телерадиовещательная компания, 1998.

Брюсова 2001 – *Брюсова В.Г.* София Новгородская. Памятник искусства и истории. М.: Изд-во гос. телерад. компании, 2001.

Гайдено 2001 – *Гайдено П.П.* Соловьев В.С. // Новая философская энциклопедия. – М.: Мысль. Т. 3, 2001. С. 595–597.

Громов 2003 – *Громов М.Н.* Образ Софии Премудрости Божией как символ Древней Руси // *Громов М.Н.* Сборник 70. – Тверь: Альфа-пресс, 2003. С. 280–298.

Златоструй 1990 – *Златоструй.* Древняя Русь. X–XIII вв. – М.: Молодая гвардия, 1990.

Козельский 1990 – *Козельский Я.П.* Философические предложения // Русская философия второй половины XVIII века. – Свердловск; Изд-во Урал. ун-та, 1990. С. 15–31.

Лазарев 1978 – *Лазарев В.Н.* Византийское и древнерусское искусство. – М.: Наука. 1978.

Лопухин 1990 – *Лопухин И.В.* Рассуждения о бессмертии души // Русская философия второй половины XVIII века. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. С. 267–302.

Лосский 1991 – *Лосский Н.О.* История русской философии. – М.: Советский писатель, 1991.

Молдован 1984 – *Молдован А.М.* «Слово о законе и благодати» Илариона. – Киев: Наукова думка, 1984.

Памятники литературы Древней Руси 1994 – Памятники литературы Древней Руси XVII век. Книга третья. – М.: Художественная литература, 1994.

Прохоров 1982 – *Прохоров Г.М.* Сочинения Дионисия Ареопагита в славяно-русской рукописной традиции // Русская и армянская средневековые литературы. – Л.: Наука, 1982. С. 90–104.

Симеон Полоцкий 1953 – *Симеон Полоцкий*. Избранные сочинения. – М.; Л.: Наука, 1953

София Премудрость Божия 2000 – *София Премудрость Божия*. Выставка русской иконописи XIII–XIX веков из собраний музеев России. – М.: Радунница, 2000.

Фрагмент «София Премудрость Божия» XVII в. – *Фрагмент «София Премудрость Божия»* в рукописи // ГИМ. Син. №70/238. Л. 406-406 об.

TRADITION OF SOFIA IN RUSSIAN PHILOSOPHY AND CULTURE*

M.N. GROMOV

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Summary

Sophian tradition is presented as one of the most important areas in the history of Russian thought, art and culture. Sophia penetrated from Byzantium to Rus after its baptism in the impact of the vector of southern civilization. It manifested itself in architecture, iconography, literature, liturgical action, shaping figurative and symbolic view of the world. The image of Sophia arose as a result of contamination of the ancient patron of the arts and the arts of Athena Pallada and the virgin of Wisdom from the old Testament part of the Bible, which erected the temple on seven pillars, and called to come and get enough of the Supreme knowledge. A special place is given to Russian sophiology in the person of Vladimir Solovyov, Pavel Florensky, Sergius Bulgakov. The article notes increased interest in sophistic topics, literature and art related. There is ongoing debate about the Genesis and content of Sofia, which pre-Christian and beyond Christian ideas are present, which makes it even more mysterious and attractive.

Keywords: Sophia the Wisdom of God, Byzantine influence, Cyril the Philosopher, culture of ancient Rus, sophiology of modern times, polemic around Sofia, philosophy and art.

Gromov, Mikhail – D.Sc. in Philosophy, Professor, Main Research Fellow at the Department of the History of Russian Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

dr_gromov@mail.ru

Citation: *GROMOV M.N.* (2017) Tradition of Sofia in Russian Philosophy and Culture. In: *Philosophical Sciences*. 2017. Vol. 10, pp. 27-38.

REFERENCES

Averintsev S.S. (1978) The Elucidation of the Meaning of the Inscription Above the Conch of the Central Apse of St. Sophia Russian Art. In: *The Artistic Culture of Pre-Mongol Russia*. Nauka, Moscow (in Russian).

Bryusova V. (1998) *Sofia the Wisdom of God in Ancient Literature and Art*. Belyi Gorod, Moscow, 2006 (in Russian).

* The Research Was Carried Under the Project of Russian Humanitarian Scientific Foundation «Sophia Problems in the History of Russian Art», Grant No 15-04-0229.

Bulgakov S.N. (1998) *Autobiographical Notes. Diaries. Articles*. State TV and Radio Broadcasting Company, Orel, pp. 40-45 (in Russian).

Gaidenko P.P. (2001) Solovyev V.S. In: *New Philosophical Encyclopedia*. Vol. 3. Mysl, Moscow, pp. 595-597 (in Russian).

Gromov M.N. (2013) The Image of Sophia the Wisdom of God as a Symbol of Ancient Russia. In: Gromov M.N. *Izbornik 70*. The Alpha press, Tver, pp. 281-298 (in Russian).

Kozelsky P. (1990) Philosophical Suggestions. In: *Russian Philosophy of the Second Half of the 18th Century*. Ural State University Publ., Sverdlovsk, pp. 15-31 (in Russian).

Lazarev V.N. (1978) *Byzantine and Russian Art*. Nauka, Moscow (in Russian).

Literary monuments of Ancient Russia of the 17th Century (1994). Vol. 3. Khudozhestvennaya Literatura, Moscow (in Russian).

Lopukhin I.V. (1990) Arguments About the Immortality of the Soul. In: *Russian Philosophy of the Second Half of the 18th Century*. Ural State University Publ., Sverdlovsk, pp. 267-302 (in Russian).

Lossky N. (1991) *History of Russian philosophy*. Sovetskiy Pisatel, Moscow (in Russian).

Moldovan A.M. (1984) *Hilarion's "The sermon on law and grace"*. Naukova Dumka, Kiev (in Russian).

Prokhorov G.M. (1982) The Works of Dionysius the Areopagite in the Slavic-Russian Manuscript Tradition. In: *Russian and Armenian Medieval Literature*. Nauka, Leningrad (in Russian).

Simeon of Polotsk. (1953) Simeon of Polotsk Selected writings. Nauka, Moscow, Leningrad (in Russian).

Sophia The Wisdom of God (2000). Sophia The Wisdom of God Exhibition of Russian Iconography 13th – 19th Centuries from the Collections of Russian Museums. Radunitsa, Moscow 2000 (in Russian).

Zlatostruy (1990) *Ancient Rus. X-XIII Centuries*. Molodaya guardia, Moscow, (in Russian).

О ПРИРОДЕ МЫСЛИ. ПО МАТЕРИАЛАМ ДРЕВНЕРУССКОЙ КНИЖНОСТИ

И.А. ГЕРАСИМОВА

Институт философии РАН, Москва, Россия

Аннотация

В статье обсуждается вопрос о природе мысли по представлениям древнерусских книжников. В реконструкции текстов используется методология семиотического подхода. Приводятся параллели с идеями мыслителей неоплатонической традиции и практикующих аскетов. Согласно древнерусскому памятнику «Палея Толковая», сила мысли определяется мерой нравственной чистоты. Анализ текстов приводит автора к выводу: во внутренних пространствах познание и сознание – принципиально коммуникативны по своей природе. Мысль как живая сущность самоорганизуется, обретая значения (meaning) в процессах трансляции небесными обитателями архетипических смыслов (sense). В восприятии подвижника осознание смыслов достигается умом, а скрытая, внутренняя составляющая возвышенной мысли переживается как состояние духа. Проводятся параллели с пониманием природы мысли в русском космизме и в социальных коммуникациях в цифровую эпоху.

Ключевые слова: древнерусская книжность, Палея Толковая, аскетические практики, неоплатонизм, ангельская иерархия, смыслопорождение, семиотика, цифровые коммуникации.

Герасимова Ирина Алексеевна – доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник сектора междисциплинарных проблем научно-технического развития Института философии РАН.

homegera@gmail.com

Цитирование: ГЕРАСИМОВА И.А. (2017) О природе мысли. По материалам древнерусской книжности // Философские науки. 2017. № 10. С. 39–54.

Небесные обители и коммуникации

В восприятии архаичного и средневекового человека в зримой окружающей природе действовали незримые живые силы, которые в зависимости от символического языка конкретной культуры, имели разные имена и описывались по-разному. Жизнь человека мыслилась неотделимой от сил природы и небесных покровителей. Как же мыслилось общение между обитателями живого универсума? С помощью мысли. В ясной и простой форме эти идеи разясняются в памятнике древнерусской книжности «Палея Толковая» [Палея Толковая 2012] – своде текстов энциклопедического характера, источниками которого послужили труды византийских богословов и древнеиудейские апокрифы. Полемика с иудаизмом занимает в ней такое большое место, что иногда ее даже называют «Палея Толковая на иудея». Согласно

текстам Палеи, мысль играет исключительную роль в мироустройстве тварного мира: общение ангелов между собой, общение человека и ангелов, человека и Бога происходит благодаря мысли. Мысль ангелов и мысль человека различаются, но в глубинной природе мысли есть нечто общее, что делает возможным общение человека с существами духовного мира. В представлениях древнерусского книжника стоит различить понимание космоустройства и язык его описания.

Ортодоксальная точка зрения представлена в Полном церковнославянском словаре Григория Дьяченко. В статье «Небо» Дьяченко объясняет: описывая пространство вокруг земли, богословы выделяли небо воздушное, звездное и превыспреннее. *Небо воздушное* – пространство, или расстояние, от земли до звезд. *Звездное небо* простирается в границах астрономической Вселенной. *Небо превыспренное* – там, где престол Бога [Дьяченко 1993, 339–340]. В Палее находим примерно ту же структуру. В первый день творения Господь создает «небо небес» как обитель высших ангельских сил, выполняющих служебную функцию [Палея Толковая 2012, 13]. Есть описание ангельских сил, ответственных за управление звездным течением [Палея Толковая 2012, 33]. Небо воздушное отдано под управление ангелам природных стихий [Палея Толковая 2012, 16].

Ориген разъяснял, что греки называли обители сферами, божественное Писание называет их небесами [Ориген 1993, 158]. Кажется очевидным, что небес много, но палейному книжнику глубоко чужда идея многослойности небес, он объясняет множественное число особенностями древнееврейского и греческого языков [Палея Толковая 2012, 21]. Книжник мыслит «крупномасштабно», выстраивая довольно витиеватые построения в поддержку ортодоксальной точки зрения [Палея Толковая 2012, 34]. Подобно живописцу, он расписывает строе-ние земли и небес на плоскости иконы или стены храма. Различие между символическим и реальным ускользает, но крупномасштабный, плоскостной *способ изложения* создает энергичное ощущение единой жизни земли и неба. Обобщенная крупномасштабность описания обеспечивает интерсубъективность восприятия: каждый христианин мог сам мысленно достроить картину божественного творения.

«Небо небес» в проекции на плоское пространство представляется восприятию обычного человека как самое дальнее, третье небо. Видимая часть природного пространства имеет внешнее проявление действий внутренних сил, которые управляют природными процессами. Например, в отрывке «О громе» прямо указывается на внутреннее витальное начало: «Этот-то грохот люди называют громом, хотя грохочет облаками дух, который для того и предназначен» [Палея Толковая 2012, 105].

Вся Вселенная мыслится как живое существо, в котором действуют разумные силы. Рационализация представлений о «живой Вселенной» как

едином живом существе, заключающем в себе все остальные живые существа, как смертные, так и бессмертные» [Платон 1994, 475] обнаруживает себя в христианизированном неоплатонизме [Громов, Мильков 2001].

В описании духовного иномира палейный книжник прибегает к чувственным образам мира земного. Ангелы – существа бесплотные, духовные, но не бесстихийные – в Палее подчеркивается их огненная природа. Стихии описываются как составы земные, вместе с тем метафора света и огня используется при описании бесплотной ангельской природы. При передаче смыслов, выходящих за пределы чувственного опыта, в философской и богословской литературе придерживались риторических приемов «говорить по сознанию» и «говорить о неизвестном на языке известного». Что такое природные стихии земли, воды, воздуха, огня хорошо известно каждому человека по повседневному чувственному опыту, известны и их качества. Палейный книжник поясняет природу ангелов как огненную, световую, как то, что скрыто, но ощутимо через проявления [Палея Толковая 2012, 103–104]. Характеристика «бесплотность» дана относительно плотности телесного человека, «огненность» указывает на разреженную субстанцию небесных тел духовных существ. Природа ангелов в Палее передается через метафоры света [Палея Толковая 2012, 74], причем в иерархической лестнице различаются степени светоносности ангельских сил.

Сравним с текстами Платона. Согласно Платону, в живом космосе души бессмертных богов и гениев созерцают подлинное бытие – подлинную истину, справедливость, рассудительность, знание [Платон 1993, 156]. Ведомые умом-возничим, несовершенные души смертных созерцают лишь частицу истины [Платон 1993, 157].

В христианской монотеистической картине мира язык многобожия недопустим, тем не менее, описание сути коммуникаций в духовном мире можно рассматривать как реминисценции текстов античной философии. На языке христианизированного неоплатонизма ноуменальным можно назвать только сферу божественных первопричин (нетварная Троица). Можно предположить, что божественные ноумены в полной мере раскрываются лишь высшим ангельским чинам. В Палее нашло отражение описание ангельской иерархии, данное в сочинении неоплатонического характера «Ареопагитик» Псевдо-Дионисия (конец V – начало VI вв.). Согласно Псевдо-Дионисию, в ангельской иерархии божественная истина передается по лестнице от высшего к низшему, в соответствии со степенью светоносности [Макаров, Мильков, Смирнова 2002, 237].

Однако далекий от богословских тонкостей палейный книжник обходит трудные вопросы толкования божественной истины.

Пространственная природа мысли

Чтение текстов Палеи позволяет сделать вывод: на внутреннем плане все разумное-тварное общается с помощью мысли. Мысль — *пространственна*: она связывает внутренние пространства ангельских сфер, связывает человека и ангелов. В своей глубинной основе мысль имеет *огненную природу*, ведь человек общается со светоносными ангелами при средствах общения, сопряженных с их природой.

Относительно ангелов в Палее прямо говорится, что они общаются между собой, говоря современным языком, телепатически: «Ангелам по природе [свойственно] понимать смысл слов безмолвно и сноситься друг с другом только мысленно» [Палея Толковая 2012, 13].

В христианском понимании, Творящее Слово активно, оно творит смысло-предметно, приводя в бытие всю природу одним словом [Палея Толковая 2012, 86]. На философском языке можно сказать: Божественное Слово — идеально (смысл-первопричина, ноумен, закон), коммуникативно (со-мыслие, со-зерцание) и действенно (воля-энергия) одновременно.

В аспекте семиотического подхода, допустима следующая интерпретация. Человек воспринимает скрытый смысл речи через языковые формы внешней речи, язык как знаковая система играет роль проявителя внутреннего смысла. Значение выражения языка (англ. — meaning) играет роль оболочки смысла (англ. — sense). Значения порождаются своеобразием языка, культурными традициями и символическими картинами мира, коммуникативными ситуациями, индивидуальными особенностями мышления и восприятия. В социальных (горизонтальных) коммуникациях и практиках смысл каждый раз заново конструируется индивидуальными сознаниями, обретая новые оттенки в процессах смыслопорождения. В вертикальных коммуникациях, как пишет палейный книжник, ангелы, в отличие от земного человека, передают смыслы слов «без оболочек», без артикуляции в речи, если сравнивать их возможности с возможностями понимания и мышления человека. Если же принять во внимание степень светоносности (или умаленности света) ангельских чинов, то, скорее всего, чистый смысл (в Палее — «умный свет») облекается в энергийные оболочки («силы света») соответствующих внутренних пространств. Божественное Слово-Закон порождает смыслы-архетипы, отражаясь в умах светоносных существ, соразмерно с потенциями их восприятия, а далее — воплощаясь в формах земного бытия.

В аскетической и мистической литературе со-мыслие тождественно со-зерцанию. На языке Плотина все связано со всем через созерцание [Плотин 2004, 422–463]. Согласно Плотину, всякая жизнь в «некотором смысле есть мышление, но одно есть растительное мышление,

другое — чувственное, третье — душевное. Почему же они суть мышления? Потому что они суть логосы» [Плотин 2004, 436]. На современном языке мы бы сказали, что все в природе обменивается информацией, тогда как живое созерцание, в котором «созерцание и его предмет на этом уровне живы, и сами суть жизнь, и оба вместе суть одно» [Плотин 2004, 437], можно объяснить *эмпатией* как способностью сочувствия и проникновенного понимания. Процесс объективации мысли человеком в предметах Плотин объясняет влиянием телесной природы на разум: «Люди со слабыми душами хотят еще и увидеть предмет [глазами, это желание] несет их в деятельность, чтобы они могли увидеть то, что не способны увидеть умом» [Плотин 2004, 430].

Сравнивая мышление человека и ангелов, можно отметить, что человек чрезвычайно «медлительное» существо: ему необходимо выстраивать не только языковые оболочки смыслов, но и объективировать мысль, воплощать ее в предмете. Стремление к усовершенствованию предметного мира служит признаком того, что человек, проходя опыт жизни, только формируется как космическое существо, если мыслить в масштабах Вселенной и категориями ангельского менталитета.

В Палее ничего не говорится о созерцании, но проводится идея пространственной мысли как *живого существа*. Человеческий ум способен порождать мысли, которые могут уходить от земного притяжения, отлетать во внутренние пространства и достигать адовой или ангельской обителей. Во внутренних пространствах мысль беседует с духовными существами, обогащается новыми смыслами, возвращаясь к породившему ее человеку: «Душа наблюдает за телом — своим жилищем, а сердце и мозг в свою очередь наблюдают за душой, и в общей сокровищнице они рождают разумную мысль и отпускают ее от себя, как слугу и подчиненного, в невидимые и непроходимые места, которые невидимы телесными очами, но становятся видимыми износимой мыслью. Она обходит адские укывища, где содержатся нечистые души нечестивых до дня [Страшного] суда [и] принятия тех свирепых мук, которые ожидает плоть наших тел. Повидав все это, она возвращается в сосуд своего тела, где душа, сердце и мозг обсуждают [ее] вести. Потом они посылают мысль ввысь, в небеса. Она по воздуху, как по ступеням, проходит [воздушную] стихию, поднимается над планетами, минует светила, помещает себя в [небесной] тверди, предстает на небесах, ликуя с ангелами и чая явить себя Богу, — и снова быстро возвращается к душе, сердцу и мозгу» [Палее Толковая 2012, 127–128].

Получается, что человек имеет возможность духовного общения с ангельскими существами: получать советы, узнавать о воле Бога,

постигать божественные тайны устроения мироздания. Как это возможно в земной жизни?

Телесные и духовные способности души

Согласно ортодоксальной версии, в земном существовании душа человека неразрывно связана с телом, причем душа сотворена из «небесной субстанции», а тело – из «праха земного». В Палее проводится различие между чистым (бесплотным) умом и умом приземленным. Только мысль, пушенная чистым умом, достигает ангельских сфер, другими словами, речь идет о «возвышенной мысли». Природа ума двойственна – чистый ум отражает небесную природу души, а смешанный с земной природой ум подчинен телесным желаниям. Образ ума-владыки над душевными чувствами и телесными проявлениями был чрезвычайно популярен в древнерусской литературе. В Палее: «Ум – разумная и могущественная сила, бесплотная душа, – сидящий, словно царь, на высоком престоле» [Палея Толковая 2012, 92].

Восходящий к Платону образ ума-владыки передает «Слово о бельцах и монашестве» знаменитого проповедника, епископа и аскета Кирилла Туровского (XII в.). Ум называется царем и отцом, дочь которого – душа, «ведь она рождается от ума и имеет общее с ангельским чином, ибо сказано: “Творит ангелами своими духов и слугами своими огонь палящий”» [Кирилл Туровский, 1997]. В данном контексте смысловые оттенки образа ума совпадают с неоплатоническим логосом. Образы платоновского ума-кормчего души [Платон 1993, 157] находим в поучении Владимиру Мономаху киевского митрополита, неоплатоника Нифонта (XII в.) [Мильков 2007].

В духовной литературе ум-логос неразрывно связан с сердцем. В практиках различали сердце как телесный орган и духовное сердце (связанное с бесплотной душой). Через духовное сердце (средоточие, центр) осуществляется связь всего со всем во внутренних пространствах. Духовное сердце ответственно за первичное интуитивное распознавание сути вещей и ситуаций, а связанный с сердцем ум придает первичному пониманию разумное осознание.

Переводя на современный язык, базовые способности души можно представить в виде воображаемого креста: логике противостоят эмоции, а интуиции – ощущения. Рассудочная логика суха и холодна (на символическом языке стихий – элемент воздуха). Метафора воздушности в древнерусской книжности передавала качества подвижности, в крайнем выражении мечтательности, отрыве от реальной жизни. Связанная с языком логика осваивает мир путем анализа и синтеза. Эмоциям мир дан непосредственно, эмоциональный человек воспринимается как страстный, горячий (элемент

воды). Благодаря физическим ощущениям человек распознает качества предметов (элемент земли). Если первые три способности души «привязаны к телу» и ответственны за адаптацию к земной жизни, то в потенциале интуиции заложена связь с небом. Интуиция (элемент огня) направлена в скрытые измерения бытия, благодаря проникновенному пониманию возможно первичное, непосредственное распознавание сути вещей. В современном понимании, сочетаясь с остальными способностями души, интуиция имеет много разновидностей: различают интеллектуальную интуицию, чувственную интуицию, мистическую интуицию и пр. Целостность постижения мыслилась возможной благодаря отрыву небесного компонента души от земных притяжений, что отводилось роли духовного сердца. В 50 псалме Давид просит Бога: «Сердце чистое сотвори во мне, Боже, и дух правый обнови внутри меня» (Пс. 50 : 12).

Согласно аскетической литературе, достичь чистоты ума и сердца непросто. Истоки страстей многочисленны: их порождают ум (интеллект, воображение), язык, эмоции, первичные потребности тела, а также отягощенная страстями интуиция. Согласно Григорию Синаиту (XIV в.), «В мыслительной силе души рождаются и действуют помыслы, в раздражительной — зверские страсти, в вожделетельной — скотские похоти, в уме — мечтательные воображения, в рассудке — мнения» [Григорий Синаит 1992, 190].

В словах Григория Синаита телесные ощущения, эмоции, язык и рассудок относятся к способностям души, ответственным за социальную и природную жизнь человека, тогда как мыслительная способность души (разумная) может быть устремлена к созерцанию причин, к распознаванию добра и зла. Помыслы зарождаются на границе осознаваемого и неосознаваемого. Согласно Палее, мысли приносят вести из внутренних пространств, которые могут исходить как от добрых, так и от злых духов. За зарождение и восприятие мысли несет ответственность сам человек, наделенный свободой воли. Рассуждая о влиянии на помыслы человека духовных существ различной природы, Ориген вводит нравственный критерий: «Когда человек побуждается и призывается к добру и вдохновляется к небесному и божественному, тогда он воспринимает энергию, т.е. воздействие доброго духа... под влиянием вдохновения она [душа. — *И. Г.*] не подвергается возмущению или повреждению ума и не лишается свободного решения своей воли» [Ориген 1993, 222].

Ответственность человека перед высшими силами растет по мере развития сердечной интуиции, нравственности человека, контроля над мыслями, словами, действиями, управления энергиями эмоций. Мысли не должны быть праздными; эмоции не должны захлестывать;

сдержанность в слове предполагала точность, емкость и краткость выражения, своевременность (слово-действие); действие должно совершаться во благо.

В древнерусском источнике взаимоотношения ума и сердца — диалектичны. Сердце человеческое представлено ареной, на которой разыгрывается борьба страстного и разумного начал, ум играет роль бесстрастного судьи, о чем читаем в Палее: «Так как [ум] находится в голове, он возносит к себе наверх сердечные желания, и когда одни помыслы борются с другими, отчего и появляются греховные помышления: “из сердца исходят злые помыслы” (Мф. 15 : 19), и всему тому злumu противостоят помыслы ума» [Палея Толковая 2012, 93].

В древнерусском тексте употреблено выражение «*сердечные советы*», что указывает на тесную связь сердца и ума, этот оттенок пропал при переводе «советов» как «желаний» в русском переводе. В земной жизни и сердце, и ум омрачены страстями, но в управлении внутренней жизнью оба начала взаимно дополняют друг друга, хотя ум — владыка, его природа — смешанная, что поясняется в тексте Палеи: «Часть ума от сердца, часть от мозга и часть от души, но они содержат ум для общего совета в едином хранилище» [Палея Толковая 2012, 129].

В жизни подвижника, устремленного к созерцанию (высшему состоянию разума), не чистый ум (чистый от душевных чувств земного свойства, но еще не бесплотный), а чистое сердце создает основу божественного созерцания. На вопрос о разнице между чистым умом и чистым сердцем, молитвенник и писатель Исаак Сирий (начало VIII в.) пояснял: «Ум есть одно из душевных чувств, а сердце обнимает в себе и держит в своей власти внутренние чувства. Оно есть корень, а если корень свят, то и ветви святы, т.е., если сердце доводится до чистоты, то ясно, что очищаются и все чувства» [Исаак Сирий 1993, 24].

«Сведение ума в сердце», организация целостности телесного и духовного в аскетической практике предполагало этап борьбы со страстями и достижение бесстрастия [Исихазм, 2004]. В аскетической литературе «бесстрастность» не тождественна «безчувственности», а означает лишь контроль над телесными чувствами. Бесстрастием называют состояние неподвижности как глубинной мощи спокойствия при внешней подвижности. О бесстрастии переводчик и интерпретатор святоотеческой аскетической литературы, вошедшей в состав Добротолюбия, архимандрит Паисий Величковский (XVIII в.) писал так: «Бесстрастен тот, кто, страдая от бесов и от лукавых людей, не обращает на то внимания и не считает это за зло, как будто иной кто страдает; прославляемый он не превозносится и оскорбляемый — не гневается... бесстрастие не есть какая-либо

добродетель, но собирательное наименование всех их» [Величковский, 2016].

Чистый ум – бесстрастное и одновременно тонко-чувствующее начало, отсюда и понимание ума как «ока души». В древнерусском тексте о бесстрастности ума сказано как о неотягощенности телесными чувствами, что точнее перевода, передаваемого фразой «чувственные ощущения»: «Ум не нуждается ни в каких чувственных ощущениях; напротив, [только] выступая за их пределы, он приходит к созерцанию блага всякой [вещи], как и [думали] первые философы, называвшие ум оком души» [Палея Толковая 2012, 94].

Итак, стоит различать чистый (бесплотный) ум как начало высшего разума, связанного с чистым сердцем (сердечной интуицией) и «отелесненный» ум (интеллект) – способность, позволяющую ориентироваться в земной жизни. В этом смысле выражение Оригена «видеть очами сердца» [Ориген 1993, 47] и выражение «ум как око души» передают разные оттенки одного смыслового поля. Есть простой критерий различения ума души и ума тела, его передают слова святого Антония (251–356): «Люди обычно именуется умными, по неправильному употреблению слова. Не те умны, которые изучали изречения и писания древних мудрецов, но те, у *которых душа – умна*, которые могут рассудить, что добро и что зло» [Антоний Великий 1993, 62].

Мысль души, оплодотворенная ангельскими советами, несет волю неба, в человеческом восприятии она предполагает «широту души», пронизательное видение целого за очевидным скрытого, нитей будущего в настоящем. Однако мерило добра и зла может оказаться за пределами человеческого понимания.

Смысловые оттенки мысли, порождаемой умом-интеллектом, и собственно мысли души передает различение духа и ума в молитвенном состоянии. В палейном отрывке «О частях и членах тела» приводятся слова апостола Павла: «Как сказал божественный Павел, “пою духом, пою и умом” (1 Кор. 14 : 15), – говоря о духе и душе, ум называя Владыкой, которому она повинуетя, словно царю» [Палея Толковая 2012, 93]. Воспроизведем полностью цитату из послания Павла коринфянам.

«Когда я молюсь на *незнакомом* языке, то хотя дух мой и молится, но ум мой остается без плода. Что же делать? Стану молиться духом, стану молиться и умом; буду петь духом и умом» (1 Кор. 14 : 15).

Для человека, достигшего святости, и простого человека обращения к высшему различаются. Разум человека призван соединять человеческое с божественным через понятое слово, произнесенное на знакомом языке. Но святые могут молиться в духе, без слов. Молитвенное состояние святого возносит его дух в ангельские сферы, в которых «общаются мыслью, без слов». Синергию святой

и ангельской мысли передают слова «созерцание» и «духоразумение» – непосредственное отражение внутреннего слова-смысла в духе (состоянии созерцания). Сотрудничество обычного человека с ангелами возможно при одухотворении его сознания. Развитие осознанности – своеобразный долг человека перед высшими силами, но осознанность развивается в земном опыте (путем проб и ошибок, осознания грехов и нравственных ориентиров в свободном выборе, борьбы со страстями в житейских и аскетических практиках). Получается, что обращенная к ангелам возвышенная мысль являет собой плод интуиции (духовного состояния) и интеллекта, благодаря которому возможно понимание смысла.

Состояния озарения могут проявляться в исключительных ситуациях, в христианской литературе они поясняются через «сошествие Духа Святого» на человека и обретение им даров прозорливости, проницательности, духоразумения. О прямой – через внутреннюю речь и психическое «осязание» (которое на русском языке емко передается через слово «чутье»), и косвенной – через символы, передаче воли Божьей упоминается в следующем отрывке из Палея: «Или потом, когда Спаситель крестился в Иордане от Иоанна, то – о чудо! – Иоанн осязал Сына Божия и слышал голос с небес: “Сей есть Сын Мой возлюбленный” (Мф. 3 : 17; Мк. 1 : 11; Лк. 3 : 22), а Дух сошел на Него с небес в образе и виде голубя» [Палея Толковая 2012, 86–87].

Представляет интерес описание опыта визионеров. В Палее приводятся слова апостола Павла в обращении к коринфянам: «Знаю человека во Христе, который 14 лет тому назад (или в теле, или вне тела – не знаю, Бог ведает) восхищен был до третьего неба и слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать, и был перенесен в рай» (2 Кор. 12 : 1–4)». [Палея Толковая 2012, 33–34].

Как же Павел общался с ангелами? В духе. Апостол «слышал неизреченные слова, которых человеку нельзя пересказать», но их смыслы можно передать в «оболочках» человеческого языка.

«Душа праведных пребывает в райской благодати, оберегаемая невидимыми силами с усердием и со всяким благочестием; и, пребывая в той благодати, ожидает еще большей – жить с Богом в Его неизреченной тайне. И неизреченные слова слышав, дерзну сказать: того, кто путь жизни совершит и веру сохранит, ожидает венец правды от Бога» [Палея Толковая 2012, 34].

Ответственность за помыслы

Если мысль может воспарять во внутренние пространства, то становятся важными моменты ее зарождения и восприятия. В зарождении мысли в неоплатонической литературе особое значение прида-

валось вопрошанию. Если в социальных коммуникациях заданный вопрос предполагает известное и неизвестное, направляет на поиски ответа, то в духовных упражнениях вопрошание становится искусством духовного общения: в зависимости от *чистоты* посылаемой во внутренние пространства мысли приходит и соответствующий ответ. Чистота становится символом энергии, позволяющей достигать высот ангельских сфер или оседающей в адских пространствах. *Чистота* мысли неотъемлема с различением добра и зла, а *сила* чистой мысли проявляется в способности преобразования ситуации по линии общего блага, совершенствования человека и общества (в соответствии с божественным промыслом).

В отношении повседневной жизни современного человека напрашивается вывод: жизнь — это постоянное вопрошание: профессиональная деятельность связана с познанием и усовершенствованием отдельного аспекта жизни, обыденные коммуникации способствуют приобретению опыта распознавания качеств людей и развития способности общения. Представляет интерес мнение Оригена. Ответы на вопросы, которые человек задает в течение своей жизни, могут быть даны в посмертном существовании при освобождении от уз плоти и очищении мыслительных способностей души. Ориген называет путь познания человека двояким: на земле он исследует и изучает все разнообразие вещей и их связей, в посмертном существовании продолжается обучение душ, которые «будут научиться о всем том, что они видели на земле, а также будут получать некоторые указания о последующем и будущем» [Ориген 1993, 158], по мере восхождения по небесным обителям им откроются причины вещей. В описании иномира Ориген следует традиции неоплатоников, восходящей к текстам Платона [Платон 1993, 157–159].

Нравственное начало имеет значение не только при зарождении мысли, но и при ее восприятии на осознанном уровне. Не у всех людей душа светла, но, устремленная к Богу, она может преодолеть козни темных сил: «Если же душа разгорится божественной любовью, пронзит сердце и разожжет свой мозг и прилепится к Богу разгоревшейся любовью, то злой дух ничего не сможет поделать с человеком, ибо его козни обличаются умным светом» [Палея Толковая 2012, 128–129].

Из сказанного можно сделать вывод, что мудрецы и святые обладали тайной возвышенной мысли, интуитивным разумом. Гармоничное сочетание телесного и душевного начал в человеке можно понимать как синтез интеллектуальной, интуитивно-сенсорной, интуитивно-эмоциональной и интуитивно-разумной мысли. Мироотречный путь аскета — для немногих, но и обычный человек может продвинуться

в своем совершенствовании, очищая душу, сердце и мозг по советам палейного книжника: «Когда же они “оттерты” и “выглажены” духовными мужами и книжными беседами» [Палея Толковая 2012, 128].

Исключительное значение в созерцательном общении с природой, а тем более с ангельскими существами, имела наивность и простота, незамутненность внешними, надуманными социальными и культурными изысками, что звучит в словах Христа: «...истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф. 18 : 3).

Русский космизм и цифровые коммуникации

Русский космизм выростал на плодородной почве древнерусской книжности. О пространственной живой мысли писали С.Н. Трубецкой, Н.О. Лосский, П.А. Флоренский, Н.К. и Е.И. Рерихи, В.И. Вернадский. Осмысление возможностей синтеза интуитивно-духовного, интеллектуального и эмоционального в русском космизме привело к созданию особого языка говорения о высших возможностях человеческого разума. Сущность мысли как живого существа передавалась через понятия «вчувствующего постижения», «цельного знания», «живознания», «сердечного созерцания», «разума сердца», «мыслящего переживания», «чувствознания» [Мороз, 2006]. Не только святые, но и подвижники культуры могли проявлять проницательность. Не без идейных веяний неоплатонической традиции художник Святослав Рерих писал: «Сферы причин – Ноумена – могут достигать очень немногие люди – в моменты внезапного озарения. За пределами этой жизни, которую мы видим перед собой, лежит бесконечно более великая жизнь, жизнь которую мы способны узреть лишь изредка... Эта высшая реальность мира возвышенного нисходит к нам с полотен великих художников, чье высшее “Я” прикоснулось к тем сферам, которые обычный человек может лишь изредка инстинктивно ощутить» [Рерих 2004, 109]. Сегодня в ситуации глобального кризиса идея пространственной живой мысли составляет одну из основ проекта духовно-экологической цивилизации [Иванов, Фотиева, Шишин 2010; Иванов, Фотиева 2016].

Идея пространственной мысли начинает осознаваться гуманитариями при исследовании феноменов техноцивилизации. Поставленные неоплатониками проблемы коммуникативного разума обсуждались в контексте возможностей сопряжения человеческого и божественного логоса, объективной и духовной реальностей, а сегодня они получают новое звучание в дискуссиях по новым типам социальных реальностей. Вводятся в научный оборот понятия коммуникативной реальности, коммуникативного разума, коммуникативной природы

познания. Интересно, что философское обсуждение этих проблем было подготовлено самим развитием цивилизации. Фундаментальные открытия и изобретения технических средств связи — телеграфа, радио, телефона, гаджетов, Интернета, их усовершенствование в цифровую эпоху с задействованием околоземных спутников создают возможности быстрого обмена информацией, создания эффекта личного присутствия в телемостах, коллективного обсуждения и решения проблем онлайн. Благодаря постоянно совершенствующимся цифровым технологиям создается электронная ноосфера, вбирающая в себя коллективный и индивидуальный, научный и обыденный опыт познания. Коллективная мысль приобретает пространственные характеристики, понятие со-знания начинает отвечать своим этимологическим истокам как совместного знания. Аудиовизуальные технологии позволяют приблизить со-знание к со-зерцанию. Полуосознаваемые замыслы в процессах смыслопорождения в коммуникативных средах приобретают черты конкретных вещей, живых существ и реалий, могут развиваться и жить своей жизнью, во многом благодаря анимационным технологиям мысль приобретает черты живого существа [Аршинов, Буданов 2016].

Набирает силу тенденция стирания границ субъективных миров, личные переживания становятся публичными, доступными для других в социальных сетях. Расширяющаяся доступность результатов интеллектуального труда в электронной цивилизации ведет к «прозрачности мысли», открытости одного сознания для другого. Входит в повседневную жизнь краудсорсинг — спонтанно-коллективное обсуждение и решение проблем, конструирование новых реалий. По характеру проявления краудсорсинг напоминает коллективное творчество-процесс с активным задействованием интуитивных способностей. Как ни покажется странным, но в краудсорсинге востребована чуткость к нравственным основам духовного общения — искренности, заинтересованности в общем благе, доброжелательности, эмпатическом единении. Стремление к нравственной чистоте, о которой писали аскеты, становится условием работы плодотворной коллективной мысли, ведь при межличностных трениях свободный поток порождения интуитивных ассоциаций невозможен.

Ускорение научно-технического развития обнажает несовершенство мысли, проявляющееся в неспособности предусмотреть дальнейшие последствия социальной и природной инженерии и инноваций. «Накопленный экологический ущерб» от проблемы отдельных государств разрастается до планетарного масштаба. В ситуации неопределенности и глобальных рисков назревает потребность формирования планетарного мышления как воплощения коллективного разума

человечества: глобальные проблемы востребуют глобальные усилия коллективной мысли.

Вопрос о природе мысли остается открытым для философии и науки, но с развитием высоких технологий наши познания углубляются. Подводя краткий итог исследованию природы мысли по текстам средневековой Палеи, можно сказать, что для разума человека, смысл раскрывается через язык и логику (в широком смысле – рациональность), а сила мысли достигается нравственной чистотой. Возвышенная мысль, обретая смыслы во внутренних измерениях бытия, подсказывает ориентиры в понимании целого и направлений коэволюции человека и планетарной природы.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Антоний Великий 1992 – *Антоний Великий*. Наставления св. отца нашего Антония Великого о жизни во Христе // Добротолюбие. В 5 т. Т. 1. – Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1992. С. 17–138.

Аршинов, Буданов 2016 – *Аршинов В.И., Буданов В.Г.* Парадигма сложности и социо-гуманитарные проекции конвергентных технологий // Вопросы философии. 2016. № 1. С. 59–70.

Величковский 2016 – *Паисий Величковский*. О бесстрастии // Крыны Сельские. – URL: <http://predanie.ru/paisiy-velichkovskiy-prepodobnyu/book/217235-tvorenija/> (дата обращения – 24.12.2016).

Григорий Синаит 1992 – *Григорий Синаит*. Главы о заповедях и догматах // Добротолюбие. В 5 т. Т. 5. – Свято-Троицкая Сергиева Лавра, 1992. С. 177–237.

Громов, Мильков 2001 – *Громов М.Н., Мильков В.В.* Идеиные течения древнерусской мысли. – СПб.: РХГА, 2001.

Дьяченко 1993 – *Дьяченко Г.* Полный церковно-славянский словарь. – М.: Изд. отд. Моск. Патриархата, 1993.

Иванов, Фотиева, Шишин, 2010 – *Иванов А.В., Фотиева И.В., Шишин М.Ю.* Духовно-экологическая цивилизация: устои и перспективы. – Барнаул: Изд-во Алтайского гос. агр. ун-та, 2010.

Иванов, Фотиева 2016 – *Иванов А.В., Фотиева И.В.* Философия мысли Павла Флоренского // Философский журнал. 2016. Т. 9. № 4. С. 92–110.

Исаак Сирин 1993 – *Исаак Сирин*. Слова подвижнические. – М.: Православное изд-во. Репр. изд., 1993.

Кирилл Туровский 1997 – Слова и поучения Кирилла Туровского / подг. текста, пер., комм. В.В. Колесова, Н.В. Поньрко. – СПб.: Наука, 1997. Т. 4: XII век. – URL: <http://lib2.pushkinskiydom.ru/tabid-4936> (дата обращения 16.01.2017).

Макаров, Мильков, Смирнова 2002 – *Макаров А.И., Мильков В.В., Смирнова А.А.* Древнерусские ареопагитики. – М.: Кругъ, 2002.

Мильков 2007 – *Мильков В.В.* Митрополит Никифор. – СПб.: Мир, 2007.

Мороз 2006 – *Мороз Т.И.* Чувствознание и его роль в познании. – Кемерово: Кемер. гос. ун-т культуры и искусств, 2006.

Ориген 1993 – *Ориген*. О началах. – Самара: Изд-во «РА», 1993.

Палея Толковая 2012 – Палея Толковая / пер. А.М. Камчатнова. – М.: Согласие, 2012.

Платон. Федон – *Платон. Федон* / пер. С.П. Маркиша // *Платон. Соч.* В 4 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1993. С. 7–80.

Платон. Федр – *Платон. Федр* / пер. А.Н. Егунова // *Платон. Соч.* В 4 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1993. С. 135–191.

Платон. Тимей – *Платон. Тимей* / пер. С.С. Аверинцева // *Платон. Соч.* В 4 т. Т. 3. – М.: Мысль, 1994. С. 421–500.

Плотин 2004 – *Плотин. Третья эннеада* / пер. с др. греч. Т.Г. Сидаша. – СПб.: Изд-во Олега Абышко, 2004.

Рерих 2004 – *Рерих С.Н. Искусство и жизнь* / пер. с англ. Т.В. Кожевниковой, И.И. Нейч. – М.: Международный Центр Рерихов, 2004.

Хоружий (ред.) 2004 – *Исихазм. Аннотированная библиография* / под общ. и научн. ред. С.С. Хоружего. – М.: Изд. Совет Русск. Правосл. Церкви, 2004.

ON THE NATURE OF THOUGHT ON THE BASIS OF ANCIENT RUSSIAN LITERATURE

I.A. GERASIMOVA

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Summary

The article discusses the nature of thought according to the views of Old Russian scribes. The reconstruction of texts is carried out with the use of the methodology of the semiotic approach. The author draws parallels with the ideas of the thinkers of the Neoplatonic tradition and practicing ascetics. According to the ancient Russian code of texts "Palea Tolkovaya" (Explanatory Paleia) the power of thought is determined by the measure of moral purity. In the perception of archaic and medieval man in the visible surrounding nature, invisible living forces acted, which, depending on the symbolic language of a particular culture, had different names and were described in different ways. Human life was thought of as inseparable from the forces of nature and heavenly patrons. How was the communication between the inhabitants of the living universe understood? With the help of thought. In a clear and simple form, these ideas are explained in the Explanatory Paleia, which in the style of presentation can be attributed to the so-called folk science, at the same time, the analysis of the contexts of the Christian spiritual tradition reveals the connection of the text with the creations of Christian theologians and practicing ascetics. In a wider context, the article compares with the understanding of the nature of thought in Russian cosmism and in social communications in the digital age.

Keywords: old Russian book-learning, Explanatory Paleia, ascetic practice, neoplatonism, angelic hierarchy, generating, semiotics, digital communications.

Gerasimova, Irina – D.Sc. in Philosophy, Professor, Main Research Fellow of the Sector of Interdisciplinary Problems of Scientific and Technical Development at the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

homegera@gmail.com

Citation: GERASIMOVA I.A. (2017) On the Nature of Thought on the Basis of Ancient Russian Literature. In: *Philosophical Sciences*. 2017. Vol. 10, pp. 39–54.

REFERENCES

Anthony The Great (1992) The Instructions of Our Father, St. Anthony the Great on Life in Christ. In: *Dobrotoljubie*. Vol. 1. Svjato-Troickaja Sergieva Lavra Publ., Moscow, pp. 17-138 (Russian Translation).

Arshinov V.I., Budanov V.G. (2016) Paradigm of Complexity and Socio-Humanitarian Projections of Convergent Technologies. In: *Voprosy Filosofii*. 2016. Vol. 1, pp. 59-70 (in Russian).

Dyachenko, G. (1993) *The Full Church Slavonic dictionary*. Moscow: Izdatel'skij otdel Moskovskogo Patriarhata, 1120 pp. (In Russian).

Gregory The Sinaite. Chapters on Commandments and Dogmas. In: *Dobrotoljubie*. Vol. 5. Svjato-Troickaja Sergieva Lavra Publ., pp. 177-237 (in Russian).

Gromov M.N., Milkov V.V. (2001) *Ideological Currents of Old Russian Thought*. Russian Christian Academy of Humanities, Saint Petersburg (in Russian).

Ivanov A., Fotieva I. (2016) Philosophical thought of Pavel Florensky. In: *Filosofskij zhurnal*. 2016. Vol. 9, No 4, pp. 92-110 (in Russian).

Isaak The Syrian (1993) *The Ascetic Words*. Pravoslavnoe Izdatel'stvo, Moscow (Russian Translation).

Khoruzhy S. (ed.) (2004) *Hesychasm*. Izdatel'skij Sovet Russkoj Pravoslavnoj Cerkvi, Moscow (in Russian).

Kolesov V., Ponyrko N. (ed.) *The Lessons and Sermons of Kirill of Turov*. Available at: <http://lib2.pushkinskijdom.ru/tabid-4936> (accessed on 16.01.2017) (in Russian).

Makarov A., Milkov V., Smirnova A. (2002) *The Old Russian Areopagium*. Krug, Moscow (in Russian).

Milkov V. (2007) *Metropolitan Nikifor*. Mir, Saint Petersburg (in Russian).

Moroz T. (2006) *Straight Knowledge and Its Role in Cognition*. Kemerovo State University of Culture and Art (in Russian).

Orige (1993) *De Principiis*. RA Publ., Samara (Russian Translation).

Paleia Explanatory (2012) (Russian Translation by Kamchatnov, Soglasie Publ., Moscow).

Plato Dialogs (1993-1994) (Russian Translation: Plato Works. Vol. 2-3. Mysl, Moscow).

Plotinus (2004) The Third Ennead (Russian Translation by T. Sydash. Oleg Abyshko Publ., Saint Petersburg).

Roerich S. (2004) *Art and Life* (Russian translation by T. Kozhevnikova, I. Neich. International Center of the Roerichs, Moscow).

Velichkovsky P. Slovo 20. *About Dispassion*. In: Kriny Sel'skie. Available at: <http://predanie.ru/paisiy-velichkovskiy-prepodobnyy/book/217235-tvoreniya/>, accessed on 24.12.2016 (in Russian).

ПАЛЕЯ ТОЛКОВАЯ – УНИКАЛЬНЫЙ ПАМЯТНИК РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЙ МЫСЛИ ДРЕВНЕЙ РУСИ

В.В. МИЛЬКОВ

Институт философии РАН, Москва, Россия

Аннотация

Автор статьи анализирует специфику выражения философских смыслов в тексте, представляющем жанр христианской экзегезы. Показано, что к кругу философских проблем Палеи относится объяснение концептуальных оснований мироустройства и детальное истолкование сущности сфер бытия. На основе доктринальных установок автор Палеи выстраивает трехуровневую картину мира: 1) область трансцендентной божественной глубины; 2) ноуменальная ангельская сфера на границе божественной бесконечности и физической части мироздания; 3) природный мир, глубинной частью которого является преисподняя. Каждый уровень отличается присущими ему онтологическими признаками: 1) безначальный и бесконечный Абсолют как находящаяся выше всего причина причин; 2) обладающие тонкими духовными телами ангельские иерархии, сотворенные, но вечные, предназначенные для осуществления связи Бога с миром; 3) физическая действительность – несовершенная онтологическая сущность, нижняя часть которой достойна быть антиподом ноуменальному миру. На основе дуальности и иерархизма выстраивается палейная концепция космоустройства. Палейная космосхема является разновидностью плоскостно-комарной космологии. Составитель Палеи заимствует идеи предшественников, но при этом он строит собственную космосхему, в которой земля представлена плоским кругом, а ледовая твердь плоским перекрытием сотворенного мира. Такая концепция называется безопорной. Она имеет общие черты с антиохийской моделью космоса-дома, стены которого опираются на окраинные части земного пространства. В рамках дуальной онтологии анализируются антропологические воззрения Палеи. Показано влияние античных идей на трактовку человека как творения Божьего. Огромное количество списков Палеи оценивается как свидетельство распространения идей Толковой Палеи в общественном сознании Древней Руси.

Ключевые слова: Древняя Русь, Палея Толковая, онтология, ангелология, оригинальная концепция мироустройства, антропология, дуальный принцип.

Мильков Владимир Владимирович – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора истории политической философии Института философии РАН.

dr_milkov@mail.ru

Цитирование: *МИЛЬКОВ В.В.* (2017) Палея Толковая – уникальный памятник религиозно-философской мысли Древней Руси // Философские науки. 2017. №. 10. С. 55–67.

Палея Толковая — оригинальный труд, созданный в Древней Руси на компилятивной основе в XIII столетии. Она с полным правом может быть отнесена к разряду ключевых памятников древнерусской книжности, в котором формулировались основы православного мировоззрения. Доктринально-установочное содержание сочинения сопряжено с решением проблем онтологического, антропологического, историософского и космологического характера. Это обусловлено обобщающе-установочным, общемировоззренческим назначением произведения. Богословский контекст произведения насыщен естественнонаучной, астрономической, календарной, медицинской, географической, климатологической, исторической и другой информацией.

Текст Палеи Толковой дошел до нас в составе нескольких палейных редакций в списках XIV—XVIII вв. (Толковый тип, Палея Хронографическая и Краткая Хронографическая Палея). Поскольку все редакции имеют общую основу, которую образуют бытийные разделы и история царств до Соломона включительно, то им присущи одинаковые религиозно-философские особенности.

Ученые обращались к памятнику прежде всего в целях текстологического и литературоведческого анализа, а богатейшее проблемное поле Палеи мало интересовало аналитиков [Тихонравов 1863, 17—18, 24—25, 254; Истрин 1907; Адрианова 1910; Жданов 1904, 445—483]. После некоторого спада интереса к памятнику после революции наблюдается своего рода бум в палеистике, хотя по-прежнему Палея находится в поле интересов филологов [Водолазкин 2007, 2—21; Славова 2002; Баранкова 1982, 262—277; Викул 2007, 48—50, 56—59; Бондарь 2011]. Литературоведы и текстологи последовательно обходили своим вниманием религиозно-философские смыслы произведения. Исключением являются работы А.Ю. Козловой, которую наряду с глубоким лексическим и грамматическим анализом памятника интересуют языковые способы выражения смысла [Козлова 2005, 83—86; Козлова 2009] и философские интерполяции в Палею [Козлова 1994. 26—27; Козлова 2005а, 225—230].

Без выяснения идейно-философской специфики произведение понято быть не может. Религиозно-философская аналитика текста, открывающая пути к реальной интеграции наработок представителей различных научных дисциплин, делает самые первые шаги в накоплении позитивного опыта [Шеглов 1991; Мильков 2000, 108—113; Мильков 2006, 502—514; Мильков 2014, 21—36; Герасимова 2013, 178—194]. В целом же, несмотря на уникальность содержания, значение Палеи Толковой как памятника религиозно-философской мысли Древней Руси, далеко не в полной мере охарактеризовано и есть основание для обсуждения философских граней произведения.

Но сначала несколько слов об особенностях философской трактовки бытия в средневековом произведении. Для автора Палеи прежде всего имели общемировоззренческое значение вероучительные постулаты и их толкования из переводных трудов христианских экзегетов, которые давали догматически выверенное объяснение мира. В контексте концептуально установочных постулатов в Палее рассматриваются философские по сути аспекты бытия мира и человека: космогенез, материальные первоначала, формы духовных сущностей, объяснение природы и закономерностей физических явлений.

Составителем Палеи Толковой, как, впрочем, и вообще в экзегезе, онтологические принципы специально не оговариваются. Как таковые они не прописаны нигде специально, но присутствуют в смысловом поле произведения, формируя программные мировоззренческие установки понимания Бога, мира и человека. Соответствующие установки главным образом концентрируются в тех частях текста, в которых речь идет о началах мироздания.

В палейной картине мира выделяются два уровня: общеустановочный (описание предельных оснований бытия, которыми задавался самый общий взгляд на действительность) и конкретно-образный (космоустройство как гипотеза эмпирически не проверяемой модели мироустройства). Соответствующие смыслы являются программными для произведения, поскольку ими задавался способ восприятия действительности.

Составителем Палеи Толковой начало мира описывается в категориях и понятиях творения. Повествование начинается с рассказа о сотворении ангелов: «Сначала сотворил огненных духов» [Палея 2009, 582]. Они создаются как духи-светы. Будучи первотворением, имеющим единую природу с первозданным светом, ангелам определено местопребывание за пределами материальности – в метафизическом пространстве «превысшего неба» – (так называемый ноуменальный континуум). Это особая ноуменальная сфера еще не принявшего свой облик мироздания. Признаками ноуменальности творения является недоступность чувствам. Так постулируется создание сущности высшего (сверхчувственного) порядка, которую словами Аристотеля можно назвать «в большей мере существующим». Хотя в Библии о подобном палейному миропорядке творения не говорится, но к мысли, что ангелы были созданы прежде всякого творения склонялись многие крупные богословы.

Онтологическая специфика неба первого дня творения рассматривается в контексте принятой в христианстве дифференциации разных небес. В трехслойной небесной стратиграфии это «превысшее небо», или небо-небес. Оно соответствует третьему небу, которое было описано в Вознесении Павла как неопишемое место чаемого рая. Все это позволяет считать, что сотворенная в первый день ноуменаль-

ность — это сфера инобытия по отношению к будущему физическому миру. В иерархии и последовательности творений небо-небес представляет собой зону подступа к физической реальности со стороны глубин божественной бесконечности. Она обладает качествами безграничности, неизменности, вечности, но при этом не безначальна. «Превысшее небо», населенное ангелами-светами, в онтологическом смысле отлично от божественной повсеместности. Условно его можно назвать зоной ноуменального пограничья, сферой максимального приближения тонкого творения к Творцу.

Составитель Палеи в трактовке ноуменального мира исходил из того, что всякое творение должно обладать сущностной определенностью. Признак светлости указывает на то, что небо небес — это сущность тонкая и максимально дематериализованная, которую можно уподобить почти нематериальной реальности. Как творение высшего порядка светоносное «превысшее» небо мыслилось в таком качестве особым тонким телом. Его экзегеты не без основания сближали с эфиром, отличая от вечного пятого элемента аристотелевских первоначал. Привычной терминологией в данном случае обозначается нечто отличное от традиционного античного понимания эфирности.

Такое качество как непомерная светлость неба первого дня творения позволяло ставить вопрос не просто об эфирной природе первотворения (Феодорит Киррский, Василий Великий), но еще и о том, что эта особая нематериальная светоносная субстанция обладает «духовной телесностью». Подобно небу-небес тем же качеством наделялись ангелы-светы, имеющие с небом первого дня творения онтологическое родство. Вся сотворенная в первый день ноуменальность — это своего рода тонкое эфирное творение, которое по своим ноуменальным свойствам являет противоположность творениям с качеством физической плотности.

Ноуменальная сфера, несмотря на отдельные из присущих ей ноуменальных качеств, является сущностью производной и не самодостаточной. Для Составителя Палеи Толковой, как и для любого христианского мыслителя, высшей и не от чего не зависящей реальностью является вечный, бесконечный и всемогущий Бог-Творец. В контексте развития темы креационизма он описывается как причина причин и начало начал. Бог для Составителя — прежде всего преблагой и всемилостивый Творец. В шестодневной части Палеи он предстает пред читателем как причина бытия, а каждое очередное творение является воплощением его воли и замысла, результатом проявления его божественной силы. В креационистском контексте акцентируется внимание на извечности Творца, на противопоставлении его временному и подлежащему гибели творению. Он дает существование ранее не бывшему, выступает творцом и преобразователем материи. В палейных сюжетах о Боге прежде всего подчеркивается

христологический аспект тринитарности [Палея 2009, 271 – 281]. Эта всемогущая, творящая, трансцендентная сущность в Палее наделяется всеми признаками абсолютного бытия.

Истолкование сущности материальных оснований бытия – особая тема палейного повествования. В последовательности творений вместе с небом и землей появляется «вещество созидания». Так названы первичные вещественные образования, которые Составитель Палеи представлял материалом для последующих творений: «Сначала, в первый день, сотворил Бог все не бывшее, то есть, как сказано в Писании, небо и землю, и вещество созидания. Сотворил Бог в тот день превысшее небо, во-вторых, землю, в-третьих, бездны, в-четвертых, ветер, в-пятых, воздух, в-шестых, воды, из которых происходят снег, лед, иней, роса, град, изморозь, пар, тучи и все стихии и составы земные» [Палея 2009, 173].

Можно было бы предположить, что очередность творений в Палее указывает на четыре стихийных первоначала, подобно тому, как тот же сюжет толковали представители антиохийского богословия, пытавшиеся отождествить первотворения с четырьмя стихиями. Представители буквалистской школы богословия каждому элементу четверицы подыскивали непосредственные соответствия среди библейских реалий: земля отождествлялась со стихией земли, бездны – со стихией воды, первозданный свет – с огнем, а воздушная стихия отождествлялась с движением ветра от Духа, носившегося над водами. Именно так интерпретировал появление четверицы материальных первоначал хорошо известный Составитель Палеи Севериан Габальский, «Шестоднев» которого широко представлен в палейной компиляции. Севериан в своем «Шестодневе» четыре стихии связывал с землей, светом превысшего неба, водными безднами и Духом, т.е. с обозначенными в Св. Писании реалиями первого дня творения.

Однако палейный перечень творений первого дня, в связи с трактовкой «вещества созидания», отнюдь не повторяет ход мысли Севериана Габальского, а весьма близко напоминает перечень из «Космографии» Козьмы Индикоплова, где к числу первотворений отнесены небо, земля, бездны, ветер, воздух, воды [Голышенко, Дубровина (ред.) 1997, 273]. Речь идет о последовательности космогенеза, который автор не вполне гармонично пытается согласовать с концепцией четверицы, когда шесть первоначал позиционируют четыре стихии (с учетом дублирования). На первый взгляд общие черты при трактовке первотворений отвечают установкам буквалистской методологии. Если же сравнивать содержание Палеи Толковой с образцами антиохийской экзегезы, можно видеть, что перечень материальных образований в сравнении с ними несколько иной. В Палее Толковой, как и в «Космографии», наряду с ветром фигурирует воздух, а рядом с бездной названа еще и вода. Оба текста сближает наличие дублирующих пар: бездны – воды, ветер – воздух.

Другими словами, дается пояснение, что ветер имеет воздушную природу, а бездны водную. Из этого следует, что в палейной интерпретации речь идет вовсе не о тождестве первотворений четверице стихий. Дублирующие пары показывают, что внимание акцентируется на воздушной и водной средах, причастных к перечисляемым далее в Палее природным явлениям: снег, дождь, роса, пар, тучи. Дух, в отличие от Библии и Севериановской экзегезы, в Палее не фигурирует вовсе. В общем ряду не назван огонь, что, судя по всему, отвечает пониманию Составителем огненного неба-небес как образования невещественного. Тем более, что в составе Палеи Толковой читается отдельный раздел «О природе огня». В нем огонь рассматривается как субстанция, содержащаяся в разных вещах [Палея 2009, 284]. Вывод из сопоставления пассажей о первотворениях однозначен: ни одно из перечисленных творений первого дня первоначалами в понимании Составителя Палеи не являются. По логике изложения «вещество созидания» сотворено вместе с первотворениями. Такой ход мысли выявляет имманентность материальных первоначал («вещества созидания») всем физическим творениям первого дня.

В разных богословских школах имелись различия в толковании христианскими экзегетами конкретных креативных процессов. Встает вопрос: к какой трактовке склонялся Составитель Палеи, учитывая, что в его компиляции присутствуют заимствования из произведений, относящихся к разным богословским традициям?

В интерпретации представителей теолого-рационалистического направления (каппадокийское богословие), та же самая проблема решается логичнее, чем в антиохийском богословии, ибо снимается противоречие между феноменальными и ноуменальными реалиями первого дня творения. Создание четверицы рассматривается как акт одномоментный первотворению. Василий Великий, как и другие представители каппадокийской школы, считал четверицу стихий имманентным свойством появившейся в первый день материальности. Иоанн Дамаскин склонялся к мысли о непосредственном сотворении Богом четырех корней всех вещей, в одном ряду с которыми ставит небо — сотворенную ноуменальную сферу. Оказавший большое влияние на Палею Толковую Иоанн экзарх Болгарский стоял на той же позиции. Он оперировал аристотелевскими категориями материи и формы и последовательно применял разные примеры сочетания материальных первоначал к истолкованию сотворения морей, светил, животных, человека. В трактовке сотворенного света он недвусмысленно интерпретирует последний как сущность ноуменальную и отличную от материальности [Палея 2009, 595]. Автор Палеи Толковой принял христианизированную переработку античной по своему происхождению теории четырех стихий в редакции, характерной для каппадокийской школы богословия. Согласно Палее четверица заключалась в земле, в

смешении с которой находились все первоэлементы – материал для последующего творения.

Важным принципом палейной концепции бытия был иерархизм. В соответствии с этой установкой строилась картина мира. Над вершиной пирамиды мироздания возвышается Бог, а сотворенная им действительность предстает в виде иерархически упорядоченных сегментов реальности. Сонмы ангельские рассматриваются как подчиненное Богу жестко структурированное творение из трех соподчиненных уровней [Палея 2009, 167–168], порядок которых восходит к триадной классификации Псевдо-Дионисия Ареопагита через посредство раннего славянского перевода «Богословия» [Мильков, Полянский (ред.) 2008, 54–59, 93–96; Славова 2002, 182].

В структуре наличного бытия ноуменальная ангельская сфера представляет срединный слой, которому предназначено пребывать близ Бога и по его воле проникать в физическую сферу сотворенной реальности. Находясь в иерархическом подчинении у Бога, они действуют как «служебные ангелы» и в этой исполнительной функции выполняют роль связующего звена между Богом и миром [Палея 2009, 175].

Иерархическая схематика базируется на принципах удвоения бытия. Разворачивающееся творение по отношению к Богу названо «иным миром», чем кладется начало параллельному существованию природного и надприродного (трансцендентного) миров. Сферы мироздания наделяются разным онтологическим статусом и согласно палейным описаниям живут по своим законам. Феноменальный полюс – это физическое пространство текучей и изменчивой природной реальности, сущность чувственного порядка, низшая ступень бытия, соприкасающаяся с ноуменальностью только благодаря проникновению в нее служебных ангелов. Ноуменальный полюс – это извечная бесконечность недоступного чувствам особого сверхпространства, потусторонняя, неизменная и высшая ступень бытия. К Богу приближено только творение высшего порядка – ангельская сфера неба-небес, имеющая начало своего бессмертного существования и особую духовно-материальную сущность (так называемый срединный слой мироздания).

Положение Бога по отношению к этой ноуменальной сфере мыслится выше, но по отношению к физической сфере мироздания – это два онтологически неравнозначных уровня трансцендентности. Получается своего рода эшелонированная дуальность, которая по общей модели поляризации действительности присутствует на разных срезах бытия: Творец – все творение, Бог – ноуменальная сфера, Бог – природный мир, ноуменальная сфера – феноменальная сфера, душа – тело.

Онтологическая дуальность является основой для построения палейной космосхемы. В духе антиохийской традиции мироздание

мыслится большим вселенским домом. Потолку этого дома-космоса уподоблена ледовая твердь. За ней находится небо-небес – ноуменальная ангельская сфера, небо первого дня творения [Палея 2009, 178]. В отличие от богословов-антиохийцев Составитель Палеи нигде не говорит об опорах космического дома. В его понимании плоская округлая в своих очертаниях земля и плоская твердь удерживаются не какими-либо материальными опорами, а только силою Божиею (так называемая безопорная версия космоустройства). Перемещаемые ангелами светила локализируются в материальной (воздушной) сфере неба. Смена дня ночью объясняется в Палее перемещением Солнца в горизонтальной плоскости, которое на своем пути суточного обхождения пространства скрывается за туманами в северной части земной поверхности. Как сторонник плоскоотно-комарной космологии, Составитель Палеи Толковой включает в свой труд полемический выпад против геоцентризма.

В соответствии с христианскими дуально-креационистскими установками написаны антропологические разделы Палеи Толковой. Это одна из самых насыщенных античными реминисценциями и философизированная часть текста. Человек представлен здесь дву-природным и самым совершенным творением Божиим. Телесность человека, как и всех других материальных образований, рассматривается с точки зрения комбинации четырех стихий. Главными признаками, отличающими человека от животных, как у Аристотеля и других античных философов, названы прямохождение и обладание бесплотной и бессмертной душой, отличной от смертных душ скотых, отождествляемых с кровью [Палея 2009, 595].

Большое количество медико-биологических и анатомо-физиологических сведений заключается в «Слове о частях и членах тела». Его непосредственным источником были заимствования из VI Слова «Шестоднева» Иоанна экзарха Болгарского. В свою очередь в «Шестодневе» воспроизводился небольшой трактат по анатомии и физиологии человека, автором которого, по мнению некоторых исследователей, был Мелетий. В Палее присутствует значительный объем научных данных и обобщаются антропологические идеи Аристотеля, Платона и Галена. На основе данных Аристотеля читатель информируется о строении внутренних органов и работе сенсорных механизмов. Восприятие звуков связывается с действием слухового нерва и внутренним ухом, откуда раздражения поступают к губам и глотке, а оттуда по жилам слова воспринимаются мозгом. Зрение описывается как передача видимого глазами через жилы, которые соединяют очи с бескровным и холодным мозгом [Палея 2009, 597].

В Палее Толковой мозг рассматривается как место локализации ума, а ум понимается как разумная и могущественная («державная») сила бесплотной души. Умная сила души представлена сидящей на

высоком престоле («как царица на высоком месте»). Ум уподоблен владыке, которому душа повинется как царю [Палея 2009, 598]. Концепция царя-ума, локализованного в мозгу, основывается на идеях Платона.

Раздел «О душе, уме и мысли» повествует о душевной субстанции и об особенностях ее взаимодействия с телом. Повествование ведется в доктринальном ключе, объясняющем соединения тленной и бессмертной природ в человеке. Душа трактуется как сущность, которая животворит тело, управляет им и проявляет умственные способности. Автор демонстрирует компромисс, увязывая мыслительную деятельность одновременно с умом (по Платону) и с сердцем (по Аристотелю), которые совместно рожают «умныя съвести» (т.е. разумную деятельность). Сердце и отходящие от него жилы питают тело. Они же передают ощущения царствующему уму. Мозг при помощи мыслей контролируется сердцем и управляет душевными движениями [Палея 2009, 645]. Согласно Палею, именно деятельность этих телесных органов рождает духовные образы. Если эти органы не находятся в согласии друг с другом, то человек поработается грехами [Палея 2009, 639–640].

Здесь же формулируется весьма своеобразная гносеологическая концепция, постулирующая возможность осуществления познавательной деятельности души помимо участия органов восприятия. В этом палейном пассаже говорится, что бесплотный ум способен окрылиться, вознестись на безмерную высоту и прикоснуться к за-небесному [Палея 2009, 599]. В этой своей способности восприятия вневещного ум сравнивается с душевным оком, которое способно вневещно созерцать высшие блага [Палея 2009, 600]. В данном случае воспроизводится платоновская идея о возможности созерцания при помощи рассудка, а не посредством ощущений. Подобная гносеология восходит к платонической теории припоминания, которая в данном контексте смыкается с христианскими представлениями об откровении.

Частью антропологических разделов является «Сказание о семени», посвященное проблемам эмбриологии и диетологии материнства. В энциклопедическом составе Палеи это вполне законченный блок медико-биологического содержания. В палейном «Сказании о семени» научно-философская трактовка зачатия жизни едва ли не преобладает над богословской. Изложено восходящее к Александру из Афродиксии (III в.) мнение о единовременном возникновении души и тела в зародыше человека. Зачатие объясняется смешением одушевленного семенного извержения с женской кровью, в результате чего бесплотное и плотское начала становятся единым целым (невидимым воплощением будущего человека) [Палея 2009, 633]. Наряду с этим изложена также концепция Аристотеля о вхождении души только

в сформировавшегося во всех основных антропоморфных чертах младенца. Это происходит на пятый месяц, когда оформившееся тело оживотворяется душевной силою [Палея 2009, 635]. В последней трактовке душа выступает как энтелехия тела.

На примерах рассмотренных сюжетов можно убедиться, что Составитель Палеи Толковой принимает каппадокийскую концепцию материальных первооснов, сочетаниями которых объясняется многообразие мира. Возникшая в процессе творения стихийная материальность была представлена в текстах Палеи вторичной онтологической реальностью. Эта реальность – низшего порядка, поскольку она является творением Бога, сущностью изменчивой, временной и несовершенной. В рамках библейского креационизма четверица Составителем Палеи Толковой рассматривалась как материальная потенция последующих творений, становящаяся вещами в результате реализации замысла и воли Творца. Такая интерпретация позволяла трактовать творение (и вообще все существующие вещи) как бесчисленное множество комбинаций первоэлементов. Палеей Толковой транслировались христианизированные античные понятия о первоматерии. Трактовка души, био-физиологические характеристики человека, а также разъяснение механизма нервно-психологической деятельности в Палее выходят далеко за рамки Писания и являются результатом ассимиляции христианских идей с идеями Платона и Аристотеля.

Обобщая наблюдения, можем констатировать хорошее знание Составителем Палеи различных религиозно-философских интерпретаций бытия. Комбинируя различные источники, он не являлся апологетом какой-то одной богословской традиции, а проводил линию собственных предпочтений и формулировал достаточно оригинальные идеи. Все эти философизированные идеи синкретически слиты с богословским текстом, присутствуя в нем имплицитно. В этом своем качестве Палея Толковая представляет собой типичный для восточно-христианской письменности образец философизации богословия с привнесением в экзегезу дополнительных сведений из разных областей знания. Присущий произведению концептуальный замес, признаки которого рассмотрены выше, цементирует идейную специфику произведения и придает ему черты своеобразия в рамках христианской доктрины.

Значение Палеи Толковой, как памятника религиозно-философской мысли Древней Руси, еще не в полной мере оценено по причине синкретичности содержания. Палея Толковая отразила становление начальных форм философизированного мышления, обособление которых внутри религиозно-богословского контекста напрямую связано с обобщающе-установочным, общемировоззренческим назначением текста. Четкое понимание философско-мировоззренческой

специфики произведения имеет важное значение, поскольку влияние его на общественное сознание, судя по истории бытования текстов, было весьма значительным. Пример Палеи Толковой показывает, что русская мысль слишком быстро осуществила тот шаг, который отделяет робкое ученичество от самостоятельного оригинального творчества.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Адрианова 1910 – *Адрианова В.П.* К литературной истории Толковой Палеи. – Киев, 1910.

Баранкова 1982 – *Баранкова Г.С.* О взаимоотношениях «Шестоднева» Иоанна экзарха Болгарского и «Толковой Палеи» (текстолого-лингвистический аспект) // История русского языка. Исследования и тексты. – М., 1982.

Бондарь 2011 – *Бондарь К.В.* Повести Соломонова цикла: из славяно-еврейского диалога культур. – Харьков: Новое слово, 2011.

Водолазкин 2007 – *Водолазкин Е.Г.* Новое о палеях (некоторые итоги и перспективы изучения палейных текстов) // Русская литература. 2007. № 1.

Викул 2007 – *Викул Т.* Толковая Палея и Повесть временных лет. Сюжет о «разделении языка» // *Ruthenica*. 2007. № 6.

Жданов 1904 – *Жданов И.Н.* Палея // *Жданов И.Н.* Сочинения. Т. I. – СПб., 1904.

Истрин 1907 – *Истрин В.М.* Редакции Толковой Палеи. – СПб., 1907.

Герасимова, Мильков 2013 – *Герасимова И.А., Мильков В.В.* Толковая Палея о мироздании и познании // Эпистемология и философия науки. Т. 36. № 2. – М.: Институт философии РАН, 2013.

Козлова 1994 – *Козлова А.Ю.* К вопросу о судьбе одного из сочинений Аристотеля в книжности Древней Руси // Язык и культура. Третья международная конференция. Тезисы докладов. – Киев, 1994.

Козлова 2005 – *Козлова А.Ю.* Особенности передачи трактата Аристотеля «*Historia animalium*» в древнейших списках Толковой Палеи // Международная коммуникация в современном мире. Материалы первой международной научной конференции. – Тверь, 2005.

Козлова 2005а – *Козлова А.Ю.* Отражение категории одушевленности в Коломенском списке Толковой Палеи 1406 г. // Грамматические категории и единицы: синтагматический аспект. Материалы шестой международной конференции. – Владимир, 2005.

Козлова 2009 – *Козлова А.Ю.* Лексические единицы, используемые для обозначения Высших сил, в коломенском списке Толковой Палеи 1406 года // Коломна и Коломенская земля: история и культура. – Коломна, 2009.

Мильков, Полянский (ред.) 2008 – Космологические произведения в книжности Древней Руси. Ч. I: Тексты геоцентрической традиции / изд. подгот. В.В. Мильков и С.М. Полянский. – СПб.: Мирь, 2008.

Голышенко, Дубровина (ред.) 1997 – Книга нарицаема Козьма Индикоплов / изд. подгот. В.С. Голышенко, В.Ф. Дубровина. – М.: Индрик, 1997.

Мильков 2000 – *Мильков В.В.* Религиозно-философское значение «Палеи Толковой» // Философские и богословские идеи в памятниках древнерусской

мысли (Серия «Памятники религиозно-философской мысли Древней Руси»). – М.: Наука, 2000.

Мильков 2006 – *Мильков В.В.* Палея Толковая и ее религиозно-философские особенности (о расширении проблемного поля памятника в свете традиции его изучения) // Судьба России в современной историографии. Сб. научных статей памяти доктора исторических наук, профессора А.Г. Кузьмина. – М.: Прометей, 2006.

Мильков 2014 – *Мильков В.В.* Палеиная антропология и ее источники // История философии. 2014. № 19.

Палея 2009 – Палея Толковая и содержащаяся в ней проблематика космологического характера // Космологические произведения в книжности Древней Руси. Ч. II: Тексты плоскоотно-комарной и других космологических традиций / Изд. подгот. В.В. Мильков, С.М. Полянский. – СПб.: изд. дом «Мирь», 2009.

Славова 2002 – *Славова Т.* Тълковната палея в контекста на старобългарската книжнина. – София, 2002.

Тихонравов 1863 – *Тихонравов Н.С.* Памятники отреченной литературы. Т. I. – М., 1863.

Щеглов 1991 – *Щеглов А.П.* Философско-религиозное содержание Толковой Палеи // Сборник Историко-богословского общества. – М., 1991.

THE EXPLANATORY PALEIA – UNIQUE MONUMENT OF RELIGIOUS AND PHILOSOPHICAL THOUGHT OF ANCIENT RUSSIA

V.V. MILKOV

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Summary

The author of the article analyzes the specificity of philosophical meanings in the text, representing the genre of Christian exegesis. Philosophical problems of Paleia connected with the explanation of the conceptual basis of the world with detailed characteristic spheres of life. The author of Paleia creates a three-level picture of the world on the basis of doctrina: 1) the scope of transcendental divine depth; 2) noumenal sphere of angels on the border of the divine infinity and the physical part of the universe; 3) the natural world, the lower part of which is the hell. Each level has its own ontological characteristics: 1) Absolute has signs of beginningless and endless, it is above all things; 2) angels have spiritual bodies, they are created, but eternal. Angels perform service functions such as connected to the world of God; 3) nature is rough and disintegrating ontological essence, its lower part is worthy to be the antithesis of the noumenal world. There are some ideas of cosmology in Paleia Explanatory. But the author builds his own and original cosmological conception. In opinion of author, earth has a flat and round form, and ice hard above it holds out only due to God's power. This concept is called unsupported. A space model is similar to the space-house in antiochian conception. The walls of this space-house rest on the edge of the land and keep the ice hard. Anthropological views are analyzed in Paleia on the basis of the dual ontology. The article shows the influence of the antique ideas on

the interpretation of human nature. A lot of copies reflect the influence of Paleia's ideas in the public consciousness in Ancient Rus.

Keywords: Ancient Russia, Explanatory Paleia, ontology, angelology, the original concept of the world order, anthropology, the principle of dual in the world picture.

Milkov, Vladimir – D.Sc. in Philosophy, Leading Research Fellow at the Department of History of Political Philosophy, Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

dr_milkov@mail.ru

Citation: MILKOV V.V. (2017) The Explanatory Paleia – Unique Monument of Religious and Philosophical Thought of Ancient Russia. In: *Philosophical Sciences*. 2017. Vol. 10, pp.

REFERENCES

Adrianova V.P. (1910) *To the Literary History of the Explanatory Paleia*. Kiev (in Russian).

Barankova G.S. (1982) The Relationship of «Hexaameron» by John the Exarch of the Bulgarian and «Explanatory Paleia» (Textlogo-Linguistic Aspect). In: *The History of the Russian language. Studies and Texts*. Moscow, pp. 262-277 (in Russian).

Bondar K.V. (2011) *The Stories of Solomon's Cycle: from the Slavic-Jewish Dialogue of Cultures*. A New Word, Kharkov (in Russian).

Gerasimova I.A., Milkov V.V. (2013) Explanatory Paleia about the Universe and Cognition. In: *Epistemology and Philosophy of Science*. 2013. Vol. 36. No 2, pp. 178-194 (in Russian).

Golyshenko V.S., Dubrovina V.F., eds. (1997) *The Book Named Kozma Indikoplov*. Indrik, Moscow (in Russian).

Istrin V.M. (1907) *The Explanatory Paleia: Versions*. Saint Petersburg (in Russian).

Kozlova A.Yu. (1994) To the Question of the Fate of One of Aristotle's Compositions in the Literature of Ancient Russia. In: *Language and Culture. The Third International Conference. Theses of Reports*. Kiev, pp. 26-27 (in Russian).

Kozlova A.Yu. (2005) Features of Transfer of Aristotle's Treatise «Historia animalium» in the Most Ancient Version of the Explanatory Paleia. In: *The International Communication in the Modern World. Materials of the First International Scientific Conference*. Tver, pp. 225-230 (in Russian).

Kozlova A.Yu. (2005a) Reflection of an Animation Category in the Kolomna Version of the Explanatory Paleia 1406. In: *Grammatical Categories and Units: Syntagmatic Aspect. Proceedings of the Sixth International Conference*. Vladimir, pp. 83-86 (in Russian).

Kozlova A.Yu. (2009) Lexical Units Used for Designation of the Highest Forces in the Kolomna Version of the Explanatory Paleia 1406. In: *Kolomna and the Kolomna Land: History and Culture*. Kolomna, pp. 17-21 (in Russian).

Mil'kov V.V. (2000) Religious and Philosophical Value of the «Explanatory Paleia». In: M.N. Gromov, V.V. Milkov, eds. *Philosophical and Theological Ideas in the Monuments of Old Russian Thought*. Nauka, Moscow, pp. 108-114 (in Russian).

Mil'kov V.V. (2006) Explanatory Paleia and Its Religious and Philosophical Features (Extension of the Problem Field of the Monument in the Light of Tradition of Its Study). In: V.L. Matrosov, ed. *The Fate of Russia in Modern Historiography. Collection of Scientific Articles in Memory of Professor A.G. Kuzmin*. Prometheus, Moscow, pp. 502-514 (in Russian).

Mil'kov V.V. (2014) Cosmological Views of the Compiler of the «Explanatory Paleia». In: «*Paleia Explanatory*» in the Context of the Ancient Russian Culture of XI-XVII Centuries. *Materials of the First International Scientific Conference*. Soglasie, Moscow, pp. 39-68 (in Russian).

Milkov V.V. (2014a) Anthropology in Paleia and Its Sources. In: *The History of Philosophy*. 2014. Vol. 19, pp. 21-36 (in Russian).

Milkov V.V., Polanski S.M., eds. (2009) *Cosmological Works in the Literature of Ancient Russia*. Part II: Texts Flatness-Komarno and Other Cosmological Traditions. Mir, Saint Petersburg (in Russian).

Slavova T. (2002) *Explanatory Paleia in the Context of Old Bulgarian Literature*. Sofia (in Bulgarian).

Shcheglov A.P. (1991) The Philosophical and Religious Content of the Explanatory Paleia. In: *Collection of Historical and Theological Society*. Moscow, pp. 27-39 (in Russian).

Vikul T. (2007) Explanatory Paleia and Story of Bygone Years. A Plot about «Division of Languages». In: *Ruthenica*. 2007. Vol. 6, pp. 37-85 (in Russian).

Vodolazkin E.G. (2007) New about Paleia (Some Results and the Prospects of Studying). In: *The Russian Literature*. 2007. Vol. 1. Moscow, pp. 2-23 (in Russian).

Zhdanov I.N. (1904) Paleia. In: Zhdanov I.N. Works. T. I. Saint Petersburg, pp. 445-483 (in Russian).

ФИЛОСОФСКОЕ РЕГИОНОВЕДЕНИЕ

Социокультурный мониторинг

*Круглый стол «Основания, смыслы, способы
социокультурной эволюции России в XXI столетии».*

Москва, ИФ РАН, 6 апреля 2017 г.

Продолжаем публикации материалов Круглого стола, организованного Центром изучения социокультурных изменений (ЦИСИ) Института философии РАН.

Первый этап круглого стола, посвященный теме «Социокультурный эволюционизм. Модернизация как способ эволюции современной России», состоялся 6 апреля 2017 г.

Модераторами Круглого стола являлись руководитель Центра член-корреспондент РАН Н.И. Лапин и доктор социологических наук Л.А. Беляева.

Редакция журнала «Философские науки» совместно с организаторами и участниками КС подготовила серию публикаций, ознакомиться с которыми можно в ФН-7, ФН-10 и ФН-11 за 2017 г.

ТВОРЧЕСТВО КАК АЛЬТЕРНАТИВА ЛИБЕРАЛЬНОМУ ПУТИ МОДЕРНИЗАЦИИ

Г.И. ГЕРАСИМОВ

Москва, Россия

Аннотация

В статье на основе осмысления исторического пути современной России делается вывод об отсутствии возможности ее глубокой модернизации вследствие невозможности в полном объеме реализовать либеральный проект, поскольку это приведет к распаду единого государства. Страна вновь вступила на традиционный для России путь периодической смены неглубоких либеральных реформ консервативными контрреформами. Разорвать эту циклическую последовательность может только создание собственного привлекательного проекта будущего, основанного на новых мировоззренческих началах. В качестве такого проекта в статье предлагается создание общества, основанного на творческом мировоззрении, которое будет более эффективным, чем либеральное. Главной его целью станет создание новых идей и основанной на них новой реальности.

Ключевые слова: модернизация России, реформы и контрреформы, либерализм, коммунизм, идея, проект будущего России, творчество, мировоззрение, постнаука.

Герасимов Григорий Иванович – доктор исторических наук, независимый исследователь
ggil957@mail.ru

Цитирование: *ГЕРАСИМОВ Г.И.* (2017) Творчество как альтернатива либеральному пути модернизации // *Философские науки.* 2017. № 10. С. 69–75.

Теория модернизации создавалась в Соединенных Штатах как альтернатива расширяющемуся влиянию марксизма в странах третьего мира. В качестве современных в теории модернизации рассматривались западные страны, остальные должны были идти по их пути развития. Модернизация – это процесс осовременивания страны. Есть современные страны и несовременные. Нынешняя Россия относится к несовременным.

Я исхожу из того, что история – открытый проект, создаваемый разумом людей, внешние причины являются только условиями исторического развития. Кто сегодня создает современность, а, значит, творит историю? Последние 300–400 лет – страны Западной цивилизации. В XX в. альтернативой западной современности была советская современность. В конце 1980-х гг. коммунистический проект рухнул, и современность стала единой и глобальной. Она стала строиться на унифицированной либеральной основе. Это в свое время чутко уловил Ф. Фукуяма и зафиксировал в знаменитой статье «Конец истории».

Отвергнув советский проект, Россия встала на привычный путь догоняющего развития. Этой дорогой царская Россия шла со времен Петра I. Взяв за идеал Запад, мы следуем в его фарватере, учась у него, копируя его достижения, культуру, образ жизни. Наше эволюционное развитие состоит из реформ и контрреформ, сменяющих друг друга с завидной периодичностью. В ходе реформирования мы копируем западные достижения, но, по различным, чаще всего политическим, причинам оказываемся не в состоянии их применить или усвоить в полном объеме. В результате власть переходит к контрреформам, ликвидируя наиболее опасные из нововведений. Страна в очередной раз останавливается в своем догоняющем беге, и только военные неудачи, либо провалы в экономике заставляют вновь вернуться на путь западнических реформ. И сегодня, и сто лет назад реформа в России означает только одно – копирование либеральной, западнической современности.

В XX в. в России два раза либеральные идеи побеждали, эволюция превращалась в революцию. Вспомним февраль 1917 и недавнюю перестройку. В обоих случаях реальное внедрение свободы, обеспечивающей все иные западные достижения, приводило к распаду страны, который всегда сопровождался отказом от системообразующих либеральных идей, формирующих современность. Однако если в начале XX в. либеральные идеи были заменены коммунистическими, тоже западными, но маргинальными, то в нынешнем столетии мы вообще не имеем никаких идей.

В этих условиях возвращение на многовековой путь западно-ориентированного реформирования кажется неизбежным и наиболее вероятным, тем более, что сегодня в мире отсутствуют эффективные и внятные альтернативы либерализму. Беда России, однако, заключается в том, что мы не можем принять западные либеральные идеи во всей их полноте. В случае реального внедрения свободы в политические, социальные и экономические отношения страна неизбежно развалится на

десяток деспотий, в которых не будет даже нынешних остатков свободы, демократии и относительного экономического благополучия.

Из сказанного следует то, что исторический опыт не дает России шансов на глубокую модернизацию, а, значит, идя привычным историческим путем, мы обречены на роль аутсайдеров, где в лучшем случае неглубокие либеральные реформы будут сменяться столь же неглубокими контрреформами, это и будет эволюционное развитие по-русски. Однако история никогда не повторяется, и наше будущее, которое завтра станет современностью, зависит, прежде всего, от наших интеллектуальных усилий, результатом которых должен стать привлекательный проект российского будущего.

Что может быть эффективнее либерализма

Есть расхожая фраза о том, что человек сам творец своей истории. Вроде бы это очевидно, однако в наше материалистическое время в качестве двигателя истории видят всё что угодно — экономику, климат и географию, законы развития природы, но только не человека. Человек в этих исторических концепциях — только марионетка внешних сил, направляющих его исторические действия. Вот и выходит, что историю делают не люди, а безликая, мертвая природа. При взгляде на историю как на произведение человеческого разума, она предстает битвой идей, в которой идея—победительница начинает строить и менять окружающую человека действительность. Большая часть XX в. прошла под знаком конкуренции двух больших идей — свободы и справедливости, оформленных в соответствующие идеологии — либеральную и коммунистическую.

Причина победы либерализма в его необычайной материальной эффективности. Свободный человек наиболее успешно делает историю, рассматриваемую как изменение. Ни одна цивилизация прошлого не развивалась столь стремительно, как либеральная западная. Либерализм снимает все ограничения с человека-творца, позволяя ему создавать немыслимое прежде. Социализм, с его многочисленными ограничениями, проиграл в творческом соревновании и сошел с дистанции.

Глядя на успехи западных инноваций, создается впечатление, что Запад достиг предела творческой эффективности, однако теоретически это не так. Дело в том, что либерализм не ставит творчество своей главной целью. Творчество — «побочный», неосновной продукт западной цивилизации. В свободном обществе человек столь же свободен творить, как и не творить, поэтому и в нем творцы — единицы, те, кто не может жить без творчества. Положение творца в свободном обществе высоко, но оно не является ни самым высоким, ни самым престижным. Главной ценностью является не творчество, а материальные ценности, концентрированно выраженные в деньгах.

Поскольку либерализм не ставит творчество самоцелью и высшей ценностью, значит, может существовать более успешное, с материалистическо-рационалистической точки зрения, общество — то, в котором творчество станет и целью, и главной ценностью. Такое общество будет нацелено на безграничное изменение.

Нашупывая новую национальную идею в начале XXI в., президент РФ В.В. Путин выдвинул в качестве таковой конкурентоспособность. «Вы знаете, я глубоко убежден: мы стоим перед очень серьезным вызовом времени: различные страны и регионы мира очень активно развиваются — если мы все время будем упоминать о своей тысячелетней истории и говорить о том, какие мы богатые природными ресурсами и какими умными мы являемся и почивать на этих лаврах, мы захиреем окончательно. Нам нужно быть конкурентоспособными во всем: человек должен быть конкурентоспособным, город, деревня, отрасль производства и вся страна. Вот это и есть наша основная национальная идея сегодня» (Ответы В.В. Путина на вопросы во время встречи с доверенными лицами 12 февраля 2004 г. — URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/24817>). Такое понимание национальной идеи довольно близко к творческому мировоззрению, однако сегодня мы все же обратились к нашей «тысячелетней истории» и патриотизм опирающийся, прежде всего, на исторические ценности был провозглашен национальной идеей: «У нас нет никакой, и не может быть другой объединяющей идеи, кроме патриотизма... Никакой другой идеи мы не придумаем, и придумывать не надо» (В.В. Путин на встрече с активом «Клуба лидеров» в феврале 2016 г. — URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/51263>).

Сегодняшняя история движется не к своему концу, а к непрерывному развитию. Это не означает, что такое развитие есть торная дорога истории, но на сегодня она наиболее вероятный вариант будущего, в котором господствуют рационализм и материализм.

Коммунизм и либерализм закономерно предполагали, что победа их идей приведет к определенной стабилизации истории, создав устойчивые формы, в которых и будут существовать эти идеи. Это — возвращение к доисторической жизни на новом уровне, когда общество, непрерывно изменяясь в мелочах, остается неизменным в главном, и это основное определяется господствующей идеей. Коммунизм, особенно периода «застоя», в этом отношении являет собой прекрасный образец такого общества.

Кризис науки и рационалистического мировоззрения в целом породил постмодернистское предчувствие крушение модели, созданной эпохой Просвещения. Однако российское общество может долго пребывать в идейном кризисе, ведь для выхода из него нужны принципиально новые идеи. Политически активное меньшинство требует свернуть с контрреформистского консервативного пути на торную дорогу либерализма. В этом случае, как мне кажется, неизбежно произойдет очередная «перестройка» и новый распад страны. Нужен новый путь.

Если Россия хочет сохраниться в истории, ей нужен новый, нелиберальный путь. В условиях стремительно глобализирующегося мира этот путь должен быть материально, экономически, технически более успешен, чем либеральный. С высокодуховными противниками либералы уже привычно разбираются с помощью военной силы, экономического и технологического превосходства. Борьба духа и материи, ведущаяся на наших глазах, показывает, что железо побеж-

дает, и беспрецедентные образцы самопожертвования во имя идеи оказываются тщетными.

Причина западного превосходства лежит в его успешном идейном творчестве, и победить его можно только еще более успешным творчеством.

О творческом мировоззрении

Идея творчества – это идея непрерывного изменения существующей объективной и субъективной реальности, цель и смысл которой и состоит в самом изменении.

Идея творчества лежит в основе творческого мировоззрения, является его системообразующей идеей, с которой должны быть согласованы все остальные. Отличие творческого мировоззрения от научного заключается в том, что оно сосредоточивается на мире идей, создаваемых человеческим сознанием, а не на природе, которая является основным объектом научного изучения.

Как и всякая мировоззренческая идея, творчество выработает свой собственный способ мышления, собственную логику и этику, которые будут существенно отличаться от ныне существующих. В рамках такого мировоззрения будет создано и свое собственное целеполагание, которое с большой вероятностью будет заключаться в непрерывном творении нового.

В рамках творческого мировоззрения прошлое будет играть подчиненную роль, поскольку в нем нет нового. Сознание человека будет занято не проблемой осмысления и конструирования прошлого, которое не имеет практического смысла по причине своей уникальности и неповторимости, а будущим, которое создается сначала в идеальном мире человеческого сознания, а затем реализуется в объективном мире с помощью труда, убеждения, насилия и других способов.

Представить себе творческое общество во всей его полноте невозможно, но в истории были моменты длительного творческого напряжения, они дают нам примерное представление о таком состоянии человека и общества. В российской истории – это период от 1917 г. до середины 1930-х гг., когда непрерывно отвергались привычные устойчивые формы социально-экономической, технической, научной, бытовой жизни и внедрялись новые. В этот период в процесс творчества поневоле были втянуты огромные массы людей, прежде, да и потом лишенные причастности к созданию нового в столь грандиозных масштабах. В одном, но очень важном, этот исторический период отличен от того творческого мировоззрения, которое описываю я, – он строился на одной идее, и по мере создания форм и отношений, реализующих коммунистическую идею, они застывали, превращаясь в мертвый памятник некогда живой мысли.

В обществе, основанном на творческом мировоззрении, новое становится главной целью, а традиция перестает быть нормой. Нормой становится отвержение всяких норм. Нормальным будет изменение, а поддержание статус-кво – отклонением. Только что созданное сразу

же объявляется устаревшим, а существующее только в идее — новым, а значит, прогрессивным и желанным.

Авторитет, уважение, вознаграждение в подобном обществе будут определяться тем, насколько новы те идеи, которые создал человек. Оценка идеи будет определяться не ее материальной эффективностью, а новизной. Материальное перестанет быть главным критерием полезности и важности, поскольку в подобном обществе материальные проблемы будут решены достаточно быстро. Они уже в основном решены на Западе, а решение во всем остальном мире — вопрос обозримого будущего, значит, для мира это уже не стратегический, а технический вопрос.

Конечно, переход на путь творческого развития в свою очередь породит соответствующие этому институции и формы, но они будут обеспечивать непрерывность изменений, а не защищать неизменность идеи.

Настоящий постмодерн породит и постнауку, которая может быть только релятивистской. Постнаука будет нацелена не столько на познание, сколько на изменение окружающего природного мира и создание новых искусственных миров. Это непрерывно меняющаяся наука, у которой нет ограничений, авторитетов и барьеров. Постмодерн уже создал основные условия для ее возникновения.

Наука должна снять с себя все ограничения, только тогда она сможет безгранично развиваться. И главное из этих ограничений — истина. Если абсолютной истины нет, если она относительна, преходяща, исторична, тогда научный поиск не ограничен ничем, потому что истина всегда ограничитель. Истина может существовать только в рамках какой-то теории, но как только теория опровергнута, сразу нужно искать новую теорию, а в ее рамках и новую истину. Отказ от абсолютной истины — важное условие создание постнауки. Ее лозунг — сокрушение истин, непрерывная борьба с существующей истиной и создание новых временных истин.

Любые институты, которые сегодня обеспечивают существование науки, одновременно являются и ее ограничителями. Любые авторитеты, оценивающие достижения науки — ограничители. Любая теория, претендующая на истину последней инстанции — барьер для нового поиска.

Признавая законными все альтернативные теории, способы, методы поиска и изменения действительности, все же необходимо будет сохранить минимально необходимые устойчивые формы, такие как теории, методы, способы поиска. При этом нужно признать равенство любых институций, независимо от их заслуг, потому что, чем больше заслуг, тем меньше их творческий потенциал, тем больше барьеров на пути поиска.

Поскольку история — открытый проект, то творческий путь не есть некая столбовая дорога, по которой предназначено идти человечеству. Сейчас это лишь одна из утопий, коих во множестве можно обнаружить в истории человеческой мысли. Для того, чтобы быть воплощенной в реальность, утопия должна стать путеводной звездой для больших масс людей.

Современное российское общество не относится к творческим, оно остановилось в своем развитии, и только воспоминание о научной советской сверхдержаве, в которой творило еще нынешнее поколение ухо-

дящих ученых, дает основание для надежды на возрождение творческого духа народа. Советский пример свидетельствует о том, что российский народ талантлив и способен творить, но для этого нужны соответствующие условия и идея, которая бы побуждала людей к созданию нового, еще не бывшего в мире. Такой может стать идея творчества, ее реализация зависит от того, насколько поверят ли в нее российский народ и его элита.

CREATIVITY AS AN ALTERNATIVE FOR THE LIBERAL WAY OF MODERNIZATION

G.I. GERASIMOV
Moscow, Russia

Summary

The article concludes that there is no possibility of Russia's deep modernization due to the impossibility to fully implement the liberal project, since this will lead to the disintegration of a unified state. The conclusion is made on the basis of understanding the historical path of modern Russia. The country joined once again its traditional way of periodic change of shallow liberal reforms with conservative counter-reforms. To break this cyclic sequence it is necessary to create the own attractive project of the future based on new world outlooks. As such a project, the article proposes the creation of a society based on a creative worldview that will be more effective than liberal. The creation of new ideas and the new reality based on them will be its main goal.

Keywords: Russia's modernization, reforms and counter-reforms, liberalism, communism, idea, the project of Russia's future, creativity, worldview, post-science.

Gerasimov, Grigory – D.Sc. in History, independent researcher.
ggi1957@mail.ru

Citation: GERASIMOV G.I. (2017) Creativity as an Alternative for the Liberal Way of Modernization. In: *Philosophical Sciences*. 2017. Vol. 10, pp. 69-75.

О ТЕХНОЛОГИЯХ САМОРАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ СИСТЕМ

А.М. ДОЛГОРУКОВ

Школа Социального Дизайна, Москва, Россия

Аннотация

Статья содержит обсуждение двух проблем, обозначенных на Круглом столе «Основания, смыслы, способы социокультурной эволюции России в XXI столетии», состоявшемся в Москве, в Институте философии РАН 6 апреля 2017 г.: отсутствие социальных технологий и недооценка социологами различий между функционированием и развитием социальных систем. В контексте этих проблем представляется российский подход осуществления модернизационных проектов – социальный дизайн. Теоретическое обоснование особенностей социодизайнерской деятельности выполнено в контексте дискурса, связанного с актуальным разворачиванием инновационной практики в субъектах Российской Федерации на основе «Атласа модернизации России и ее регионов». Технология социального дизайна развивается на основе антропо-социо-культурной парадигмы российской социологии.

Ключевые слова: атлас модернизации России, социальная технология, социальный дизайн, социология инноваций.

Долгоруков Александр Михайлович – кандидат философских наук, доцент, научный руководитель Школы Социального Дизайна.
dolgorukov.am@gmail.com

Цитирование: ДОЛГОРУКОВ А.М. (2017) О технологиях саморазвития социальных систем // Философские науки. 2017. № 10. С. 76–82.

Прделана поистине плодотворная работа, имеющая за собой глубокие методологические основания и смелый замысел. Теперь самое важное – чтобы появились «обильные всходы» на территории, которую и представляет «Атлас модернизации России и ее регионов» [Беляева, Лапин (ред.) 2017; Лапин 2016]. Но есть опасение, что все привычным образом «свалится» к идее провести еще и еще исследования и... «написать рекомендации». Кому? Полученные результаты (сам «Атлас» и предлагаемые для каждого типа регионов стратегии инноваций) – это, по сути, руководство к действию для тех, кто владеет социальными технологиями, т.е. социологов новой волны. Таких социологов в стране практически нет.

В этой связи хотелось бы несколько подробнее остановиться на двух проблемах, которые здесь, на круглом столе, кратко обозначил Николай Иванович, и возможных решениях. Первая проблема – *отсутствие социальных технологий* для инноваций в регионах и модернизации в целом. Здесь, можно сразу отметить, что отсутствуют, пожалуй, не сами технологии. Социальные технологии существуют, но они отсутствуют в арсенале большей части практикующих российских социологов и чиновников, которые по долгу службы отвечают за модернизацию российских регионов.

Современный мир – это мир способностей людей, реализованных через знания и социальные технологии. Благодаря новым, открывающимся тенденциям развития фундаментальных и прикладных знаний и новой

волны социальных технологий, социология становится ключевым звеном ненасильственного развития общества.

Ведущие социологические центры планеты «на глазах у всех» утрачивают иллюзию того, что политики когда-нибудь станут следовать «научным рекомендациям социологов». Причина — не только ригидность власти (хотя она тоже есть), но устаревшая картина мира, согласно которой якобы выполняется «линейная последовательность»: социологическое исследование (или диагностика); рекомендации; использование рекомендаций (внедрение в социальной практике).

В действительности эти три сущности (исследование, рекомендации, исполнение) находятся в сложном динамическом «сплетении». Исследуя социальный объект, мы уже изменяем его, проектируя, мы уже внедряем (поскольку эта деятельность «втягивает других»); внедряя, мы получаем потенциальную возможность подлинной диагностики.

В этой связи необходимо отметить следующее. Сегодня в научном дискурсе и в разработках наблюдается не просто устойчивый, но неудержимый интерес к *социальным технологиям*. Одна из причин этого внимания к технологиям состоит, на наш взгляд, в том, что профессионально применяемые социальные технологии отчасти устраняют разрыв между научными исследованиями и их рекомендациями, с одной стороны и социальной практикой, основанной на этих рекомендациях, — с другой. Именно поэтому мы должны обратить самое пристальное внимание на внедрение современных социальных технологий в практику модернизации регионов, избегая по возможности формальных обезличенных научных рекомендаций на основе прикладных исследований.

Сегодня очевидно, что модернизационные проекты должны учитывать ценности, позиции и интересы всех социальных групп, вовлекаемых в эти проекты, а также интересы стейкхолдеров (региональных организаций и групп влияния). Однако это слишком общее требование не может прямо указать на то, как должен осуществляться проект. У относительно больших инновационных проектов всегда много стейкхолдеров и, что очень важно, их ценности, цели и позиции не усредняются.

По этой причине у инновационного проекта почти всегда распределенная и динамичная субъектность. Именно распределенная (размытая, противоречивая, нередко изменяющаяся и эклектичная) субъектность оказывает влияние на жизнеспособность инновационного проекта или, как минимум, на социальные издержки его реализации.

Для разрешения подобных ситуаций и создаются социальные технологии. Социологи, профессионально владеющие этими технологиями, обеспечивают в проекте субъектность, создавая новые смыслы для модернизации и «прикрепляя» к этим смыслам стейкхолдеров и вовлекаемые в проект социальные группы [Долгоруков 2015, Долгоруков 2011, Дудченко 1996].

В развиваемом автором данной статьи подходе к созданию и преобразованию (инновационному развитию) социальных систем любого уровня — *социальном дизайне* — речь идет о реально воплощаемом в жизнь проекте, а не о замысле типового проекта или научной рекомендации.

Мы не изучаем социальные общности (организации, поселения, проекты поселений, общественные движения и социальные институты) — мы их создаем вместе с заказчиком, исполнителями и потребителями. Поэтому социальный дизайнер не преследует цель получить новое научное знание в виде общих положений, относящихся к классу типичных проектов, рекомендаций к проектным разработкам. Его задача — технологично и в определенные сроки создать либо преобразовать социальный объект: предприятие, муниципальный округ, регион и т.п. [Долгоруков 2008, Долгоруков 2015]. Очевидно, это должны быть специалисты высочайшей квалификации, которые способны понимать сложные социологические теории (и результаты исследований на их основе) и уметь применять социальные технологии в реальных инновационных практиках на микро- и макро-уровнях.

Магистерская программа подготовки *социальных дизайнеров* (социологов, владеющих отечественными и заимствованными социальными технологиями), разработанная под руководством автора данной статьи, сделала уже пять выпусков. Эта программа разработана на основе *компетентностной модели социального дизайнера*, для создания этой модели компетентности было проведено специальное исследование [Долгоруков 2010, Долгоруков 2005]. Более 80% выпускников этой программы владеют теперь своим бизнесом, остальные заняты инновациями в бизнесе и в государственном управлении.

В Московском университете эта программа не «прижилась», но подобные программы нужны, поскольку ни вузы, ни Российская Академия наук не осуществляют подготовку социологов с нужными для повышения эффективности модернизации компетенциями. Здесь уместно добавить, что с использованием методологии социального дизайнера была создана также Школа директоров Фирмы 1С. Эта школа сделала уже семь выпусков. В Школе директоров обучаются руководители и собственники малых и средних предприятий со всех регионов Российской Федерации, занятые модернизацией своих бизнесов в условиях рецессии [Долгоруков 2003].

Вторая проблема, которую обозначил Н.И. Лапин: *социологами не осмыслено «существенное различие между функционированием и саморазвитием»* социальных систем. Действительно, эти две относительно обособленные деятельности (функционирование и саморазвитие) в социальных системах находятся в диалектическом противоречии. Функционирование «нарушается» преобразованиями, однако без преобразований функционирование затухает и/или деградирует. Здесь, однако, надо внести важное методологическое различие. Существуют теоретические наработки и технологии [Долгоруков 2015], эффективно снимающие это противоречие. На основе «антропо-социо-культурной парадигмы», разработанной и развиваемой Н.И. Лапиным [Лапин 2017], мы предложили концепцию *антропо-социо-культурного сценария* жизненных циклов социальных систем («АСК-сценарий») [Долгоруков 2011].

Благодаря этой концепции мы можем в своих инновационных разработках учитывать жизненный цикл и фазу развития, на которых на-

ходится социальная система, которую мы преобразовываем. «На всех этапах жизни социальных систем (зарождение, становление, расцвет/деградация, или перерождение) три подсистемы: «человек», «структуры», «культура», взаимодействуя сложным образом, порождают определенный ход событий — закономерность, исходы которой поддаются вероятностным оценкам... все без исключения организации, также как и другие социальные образования (семья, этнос, поселение, общественное движение)... в каждый момент времени находятся в одном из трех жизненных состояний, существенно влияющих на способность организации к развитию... Понимание этих циклов позволяет разработать стратегии, адекватные данным организациям, а не действовать вслепую» [Долгуров 2011а, 63–65].

Здесь уместно обратить внимание, что подавляющее число аналогичных западных разработок не учитывают жизненные циклы систем. А это, как показала наша многолетняя практика, критично для обеспечения эффективности социальных инноваций и процессов модернизации. Здесь нет возможности подробно излагать данную концепцию. Укажем лишь на то, что в каждой фазе эволюции системы, соотношение функционирования и развития меняется и это принципиально важно понимать, занимаясь преобразованиями.

К тому же для понимания построения объяснительных моделей и прогнозирования событий, которые происходят в современном обществе — сложном (эмбивалентном) социуме, состоящем из двух взаимодействующих подсистем: «оф-лайн-общностей» и «он-лайн-общностей» (социальных и профессиональных сетей в Интернет) нужны новые подходы. В оф-лайн-сообществах (в реальной жизни регионов, поселений, организаций, например) есть близкие отношения, устойчивая социальная иерархия и соответствующие паттерны поведения; наборы ценностей и культурных символов и т.д., все это приобретается преимущественно благодаря общности территории и социального времени — приписанный статус. Тогда как достигнутый статус — это скорее личные достижения, часто связанные с эмансипацией от приписанного статуса.

Новое сегодня все чаще зарождается в виде незаметных для традиционной социологии *семиотических потоков* в социальных сетях Интернет, а потом неожиданно для социологов и политиков «выплескивается» в реальную жизнь непредсказуемо деструктивно, либо конструктивно. Это, видимо, радикально изменит «меню» сбора данных в социологии. Мы уже фиксируем сдвиг от всех видов опросов к «наблюдению» динамического гипертекста в социальных и профессиональных сетях. Возникают и принципиально новые методы переработки данных. Именно «переработки», а не «сбора». Социологам предстоит научиться «осмысленно отсекают» данные, которые избыточно производятся нарастающим динамическим гипертекстом в сетях, а не только «собирать» данные в традиционном смысле слова.

Очевидно, с возникновением социальных онлайн-сетей многие социальные коды не работают и нужны новые исследования, позволяющие создавать объяснительные модели происходящего, а не просто описывать

структурные особенности общностей в регионах и пытаться «навязывать им рекомендации», как оторваться от повседневного функционирования и переключиться на обновление. Online-пространство является «ризоморфным» (Делёз) социальным образованием без сложившихся структур (социальных форм); без институционально оформленной иерархии; с сильными и частыми новыми семиотическими потоками; с новой, не известной нам, топологией. Надо начинать все это изучать новыми методами. Появление Интернет (в частности социальных и профессиональных сетей; средств научной навигации; вебсайтов второго поколения и мобильных гаджетов) беспрецедентно изменяет объяснительные теории социализации; социального капитала; социальных статусов и ролей; изменяет представления о социальном времени и пространстве [Долгоруков 2007].

В «альянсе» с очень сильной в России и признанной в мире школой семиотики российская социология могла бы занять ведущее (по меньшей мере, достойное) место в международном разделении труда, «оседлав» этот уже очевидный, и еще не занятый ни одной из социологических школ мира, тренд. Центр изучения социокультурных изменений Института философии РАН мог бы стать методологической и методической «площадкой» для разработки обозначенных в статье проблем и открывающихся перспектив.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Беляева, Лапин (ред.) 2017 – Материалы Круглого стола «Основания, смыслы, способы социокультурной эволюции России в XXI столетии» / Модераторы: Л.А. Беляева, Н.И. Лапин (Этап 1. 6 апреля 2017 г.). – URL: http://iphras.ru/uplfile/root/news/archive_events/2017/06_04_2017.pdf

Долгоруков 2015 – *Долгоруков А.М.* Дизайн-исследование: новая онтология; инновационная методология и метод конструирования социального мира // Материалы научно-практической конференции «Гуманитарное измерение города». – Москва, философский факультет МГУ им. М.В. Ломоносова, 2015.

Долгоруков 2011a – *Долгоруков А.М.* От замысла к действию: Стратегическое управление. – М.: МК «ДИСКУРС», 2011.

Долгоруков 2011b – *Долгоруков А.М.* Социальный дизайн: создание жизнеспособных систем. – М.: РИЦ МГГУ им. М.А. Шолохова, 2011.

Долгоруков 2010 – *Долгоруков А.М.* Магистерская программа «Социальный Дизайн» // Школа Социального Дизайна. – URL: <https://www.socialdesign-dolgorukov.com/>

Долгоруков 2008 – *Долгоруков А.М.* Социальный дизайн – создание жизнеспособных систем // Всероссийская научно-практическая конференция «Социальный дизайн – создание и развитие жизнеспособных систем (организаций, поселений, общественных движений, межэтнических отношений)». Сб. докладов и выступлений / под ред. А.М. Долгорукова. – М.: Национальный институт «Высшая школа управления», 2008.

Долгоруков 2007 – *Долгоруков А.М.* Новая социология для России // Материалы конференции «Ломоносовские чтения– 2007». – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2007.

Долгоруков 2005 – *Долгоруков А.М.* Социальный дизайнер – новая профессия для России (тезисы доклада) // Материалы конференции «Сорокинские чтения – 2005». – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2005.

Долгоруков 2003 – Долгоруков А.М. Выраживание эффективных команд. – М.: ИС, 2003.

Дудченко 1996 – Дудченко В.С. Основы инновационной методологии – М., 1996.

Лапин 2017 – Лапин Н.И. Общая социология: учебник для академического бакалавриата. 3-е изд., перераб. и доп. – М.: Юрайт, 2017.

Лапин (ред.) 2016– Лапин Н.И. Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / сост. и отв. ред. член-корр. РАН Н.И. Лапин. – М.: Весь Мир, 2016.

Лапин 2012 – Лапин Н.И. Теория и практика инноватики. – М.: Логос, 2012.

ON THE TECHNOLOGIES OF SOCIAL SYSTEMS' SELF-DEVELOPMENT

A.M. DOLGORUKOV

School of Social Design, Moscow, Russia

Summary

The article contains a discussion on two problems designated at the Round Table “Foundations, Meanings, Ways of Sociocultural Evolution of Russia in the 21st Century” (Moscow, Institute of Philosophy, Russian Academy of Science, April 6, 2017): the absence of social technologies and underestimation by sociologists of distinctions between functioning and development of social systems. In the context of these problems the Russian approach of implementation of modernisation projects, social design is represented.

On the theoretical grounding of features of socio-design activity is executed in a context of the discourse connected with actual deployment of innovative practice in subjects of the Russian Federation on the basis of “The atlas of modernisation of Russia and its regions”.

The technology of social design is developed on the basis of an anthropo-sociocultural paradigm of the Russian sociology.

Keywords: Atlas of modernisation of Russia, social technology, social design, sociology of innovations.

Dolgorukov A.M. – Ph.D. in Philology, Research Supervisor of School of Social Design. Moscow.

dolgorukov.am@gmail.com

Citation: DOLGORUKOV A.M. (2017) On the Technologies of Social Systems Self-development. In: *Philosophical Sciences*. 2017. Vol. 10, pp. 76-82.

REFERENCES

Belyaeva L.A., Lapin N.I., eds. (2017) Proceedings of the Round table “The bases, meanings, ways of sociocultural evolution of Russia in the XXI century”. Stage 1. On April 6, 2017. Available at: http://iphras.ru/uplfile/root/news/archive_events/2017/06_04_2017.pdf (in Russian).

Dolgorukov A.M. (2015) Design Research: New Ontology; Innovative Methodology and Method of Designing of the Social World. In: Proceedings of the Scientific and Practical Conference “Humanitarian Measurement of the City”. Lomonosov Moscow State University, Moscow, 2015 (in Russian).

Dolgorukov A.M. (2011) *Social Design: Creation of Viable Systems*. Sholokhov Moscow Humanity State University Publ., Moscow (in Russian).

Dolgorukov A.M. (2010) *The Master Program "Social Design"*. School of Social Design. Available at: <https://www.socialdesign-dolgorukov.com/> (in Russian).

Dolgorukov A.M. (2008) Social Design as a Creation of Viable Systems. In: A.M. Dolgorukov, ed. Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference "Social Design as a Creation and Development of Viable Systems (Organisations, Settlements, Social Movements, the Interethnic Relations)". Higher School of Management, Moscow, (in Russian).

Dudchenko V.S. (1998). *Ontological Synthesis of Social Reality*. Moscow (in Russian).

Dudchenko V.S. (1996). *Fundamentals of Innovative Methodology*. Moscow (in Russian).

Lapin N.I. (2017) *General Sociology: the Textbook for the Academic Bachelor Degree*. 3rd edition. Yurayt, Moscow (in Russian).

Lapin N.I., ed. (2016) *The Atlas of Modernisation of Russia and Its Regions: Socioeconomic and Sociocultural Tendencies and Problems*. Ves Mir, Moscow (in Russian).

Lapin N.I. (2012) *The Theory and Practice of Innovations*. Logos, Moscow (in Russian).

**МОДЕРНИЗАЦИЯ: ОТ ОБЩЕТЕОРЕТИЧЕСКОГО
К ОПЕРАЦИОНАЛЬНОМУ ЕЕ ПОНИМАНИЮ***

М.А. ЛАСТОЧКИНА

*Вологодский научный центр Российской академии наук
Вологда, Россия*

Аннотация

Изучение модернизации как цивилизационного процесса имеет междисциплинарный характер, при котором могут быть применены различные методы исследования. Концепция анализа модернизационных процессов Хэ Чуанци позволяет исследовать модернизированность территорий не только на общетеоретическом уровне, но и измерить ее с помощью количественных методов. Так, согласно полученным результатам наблюдается высокая дифференциация стран и разнонаправленные векторы их динамики, регионы России также сильно разнятся по уровню модернизационного развития.

Ключевые слова: модернизация, индексы, развитие, конкуренция.

Ласточкина Мария Александровна – кандидат экономических наук, старший научный сотрудник отдела исследования уровня и образа жизни населения Вологодского научного центра Российской академии наук.
mashkop@mail.ru

Цитирование: ЛАСТОЧКИНА М.А. (2017) Модернизация: от общетеоретического к операциональному ее пониманию // Философские науки. 2017. № 10. С. 83–87.

Теория модернизации – систематическое представление фактов и процессов модернизации. Существует целая группа теорий модернизации, которые постоянно развиваются и каждая имеет особенности, объясняя принципы мировой модернизации и ее специфику в разных странах с различных точек зрения. Формирование теорий модернизации началось с классической ее теории. Под модернизацией подразумевался процесс восходящего развития от традиционного общества к современному. Утверждалось, что традиционность приводит к торможению социального прогресса и всяческое вытеснение традиционных ценностей было главной целью. Развитие стран трактовалось с универсальной точки зрения – как совершающееся в одном направлении, имеющее одинаковые стадии и закономерности. Национальные особенности имели второстепенное значение [Ермаханова 2005].

В конце 1960-х гг. классическая теория модернизации стала подвергаться широкой критике не только извне, но и со стороны ученых, занятых исследованием модернизации. Привлекли внимание новые теории: теория зависимого развития, теория мировых систем, постмодернизм [Black 1976; Harrison 1988; So 1990; Inglehart 1997; Inglehart, Welzel 2005; Martinelli 2005].

* Исследование выполнено в рамках проекта Российского научного фонда (РНФ) «Механизмы преодоления ментальных барьеров инклюзии социально уязвимых категорий населения для активизации процессов модернизации регионального сообщества», грант № 16-18-00078.

В 1970-х гг. классическая теория претерпела большие изменения, на основе эмпирических исследований ученые пересмотрели некоторые односторонние точки зрения. Например, стало ясно, что модернизация — это нелинейный процесс с множеством траекторий. Традиционность и современность не абсолютно противоположны, и традиционные ценности могут еще долго сохранять важное значение. Отделение церкви от государства представляет сложный социальный процесс, религия продолжает существовать повсеместно и играет немаловажную роль в развитии стран. Новая модернизация в Восточной Европе — это переход от плановой модернизации к ориентированной на рынок. Таким образом, эволюция теорий модернизации шла двумя путями: первый — эволюция классической теории модернизации; второй — возникновение и эволюция других теорий модернизации. В целом же классическая теория модернизации оставалась основой теорий модернизации.

В 1980-е гг. центром внимания стали развитые страны и их будущее, появились новые направления — концепции постмодернизма, постиндустриального общества. Постмодернизм включал множество научных школ, в 1990-х гг. возникла теория постмодернизации. В 1980-х — начале 1990-х гг. ряд ученых (Дж. Губер, У Бек, У. Запф, Э. Тиракян, Айзенштадт, Хэ Чуаньци и др.) предложили новые идеи изучения модернизации, включая «новую модернизацию», непрерывную модернизацию, экологическую модернизацию, рефлексивную модернизацию, множественные современности и глобализацию. С появлением экономики знаний и общества знаний возникла *общая теория модернизации как качественного изменения цивилизации*, которая включает две стадии (первичную — с промышленной революции XVIII в. и вторичную, с 1970-х гг. XX в.), а также теорию *интегрированной модернизации* (координированное развитие первых двух стадий) [Хэ Чуаньци (ред.) 2011].

Изучение модернизации как цивилизационного процесса имеет междисциплинарный характер. В нем могут быть применены различные методы: наблюдение, моделирование, гипотеза, психоанализ, статистический, количественный, качественный, сравнительный, исторический анализы, сценарные исследования. Концепция модернизации профессора Хэ позволяет исследовать модернизированность территорий не только на общетеоретическом уровне, но и измерить ее с помощью количественных методов.

Первичная модернизация является переходом от аграрной культуры к индустриальной, от аграрного общества к индустриальному, от аграрной цивилизации к индустриальной. Западным странам потребовалось для этого более 200 лет, разные страны начали и завершили ее в разные годы. Основными ее характеристиками стали: индустриализация, урбанизация, демократизация, бюрократизация, институционализация, рационализация, отделение церкви от государства, механизация, электрификация, автоматизация, стандартизация, профессионализация, маркетингизация, централизация, дифференцирование и интеграция, мобилизация, эффективность, снижение доли сельскохозяйственного сектора, осовременивание науки и энергетики, массовая коммуника-

ция, обязательное образование и т.д.; а его отрицательные побочные эффекты включают загрязнение окружающей среды, увеличение неравенства, снижение толерантности и т.д. К 2012 г. 47 стран мира полностью реализовали первичную модернизацию.

Вторичная модернизация является переходом от материальной культуры к информационной, от индустриального общества к обществу знаний, от материальной цивилизации к цивилизации знаний. Она началась с 70-х гг. XX в. К 2010 г. около 30 развитых стран вступили во вторичную стадию модернизации.

Количественная оценка первичной и вторичной модернизации осуществляется с помощью расчета индексов каждой из них. Ежегодно Центром исследования модернизации Академии наук Китая определяются индексы модернизации для 131 страны мира (97% населения). Так, Соединенные Штаты Америки реализовали первичную модернизацию на 100% в 1950 г., Канада – в 1960 г. К 1970 г. к ним присоединились еще 16 стран (Австралия, Дания, Нидерланды, Швеция, Швейцария, Германия, Норвегия, Япония, Англия, Франция, Бельгия, Австрия, Новая Зеландия, Италия, Чехия). Затем Польша, Болгария и еще 26 стран практически осуществили первичную модернизацию. Страны, которые завершили или практически осуществили первичную модернизацию, составили 53% от всех наблюдаемых стран.

Уже в 1970 г. США вступили в начальную фазу вторичной модернизации. К 2009 г. еще 28 наиболее развитых стран достигли высоких индексов вторичной модернизации, так что их можно отнести к модернизационно развитым. В 2012 г. в первую десятку входили: США, Дания, Финляндия, Швеция, Германия, Япония, Южная Корея, Сингапур, Австралия, Австрия. Но между ними происходит жесткая конкуренция, места каждой из развитых стран среди первых десяти, двадцати или тридцати стран не оставались неизменными.

Наиболее заметны различия в динамике развивающихся стран. Многие из них поднялись на более высокий уровень. Так, из «отстающих» в «предварительно-развитые» переместились: Боливия, Гондурас, Никарагуа, Намибия, Сирия, Албания, Иран, Вьетнам, Таджикистан; из «предварительно-развитых» в «среднеразвитые»: Бразилия, Венесуэла, Чили, Саудовская Аравия, Болгария, Румыния, Украина, Панама; из «среднеразвитых» в «развитые»: Испания, Ирландия, Новая Зеландия.

Наблюдается высокая дифференциация стран и разные векторы их динамики по уровням вторичной модернизации. Так, произошло снижение индекса вторичной модернизации в таких слаборазвитых странах, как: Джорджия, Колумбия, Сальвадор, Парагвай, Узбекистан, Ботсвана, Таджикистан, Мьянма, Пакистан, Кения, Мавритания, Йемен, Кот-д'Ивуар, Замбия, Эфиопия, Мозамбик, Малаи, Папуа-Новая Гвинея, Нигер.

В России динамика модернизационных процессов с 1960 по 2000 гг. оказалась весьма противоречивой. В 1960 г. Россия была среди развивающихся стран, ее индекс первичной модернизации составлял 90%,

и она занимала 15-е место в мировом рейтинге (находилась между Норвегией и Австрией). Постперестроечные 1990-е годы не позволили завершить первичную модернизацию, а экономический рост других стран увеличил ее отставание, так что к 2000 г. Россия оказалась на 52-м месте (индекс равен 91%). В последующие 10 лет страна постепенно восстанавливала промышленность и к 2011 г. смогла достичь 100% реализации первичной модернизации. На протяжении последних 12 лет страна занимала 28–30 места в мире.

Вероятно, на современном этапе развитые страны продолжают вторичную модернизацию, будут создавать культуру, общество, цивилизацию, основанные на знаниях, но конкуренция между ними станет еще более острой. Перед среднеразвитыми странами стоит задача развития и завершения индустриальной стадии модернизации. Решение этой задачи соответствует и интересам развитых стран, так как успешная модернизация менее преуспевающих государств будет способствовать снижению мировой дифференциации, международной миграции, национальных конфликтов и упорядочению мироустройства. Развивающиеся страны рано или поздно осуществят первичную модернизацию и, наряду с этим, продолжат реализацию вторичной модернизации, конкурируя между собой, а некоторые — и с развитыми странами. Профессор Хэ предложил развивающимся странам своеобразную стратегию — координацию двух стадий, которые уже осуществляются одновременно. Это новый путь, он отличается от пройденного развитыми странами, сглаживает углы перехода от первичной модернизации к вторичной и позволяет быстрее достичь уровня вторичной модернизации развитых стран. Китайский ученый назвал эту стратегию интегрированной модернизацией.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Ермаханова 2005 – *Ермаханова С.А.* Теория модернизации: история и современность // Актуальные проблемы социально-экономического развития: взгляд молодых ученых. – Новосибирск, 2005. Разд. 2. С. 233–247.

Хэ Чуаньци (ред.) 2011 – Обзорный доклад о модернизации в мире и Китае (2001–2010) / пер. с англ.; под общ. ред. Н.И. Лапина; предисл.: Н.И. Лапин, Г.А. Тосунян. – М.: Весь Мир, 2011.

Black (ed.) 1976 – *Comparative Modernization* / C.E. Black (ed.). – N. Y.: The Free Press, 1976.

Harrison 1988 – *Harrison D.* The Sociology of Modernization and Development. – L.: Unwin Hyman, 1988.

Inglehart 1997 – *Inglehart R.* Modernization and Postmodernization. – Princeton: Princeton University Press, 1997.

Inglehart, Welzel 2005 – *Inglehart R., Welzel C.* Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence. – N. Y.: Cambridge University Press, 2005.

Martinelli 2005 – *Martinelli A.* Modernization and Modernity. – Brill Academic Publishers, 2005.

So 1990 – *So A.Y.* Social Change and Development: Modernization, Dependency and World-System Theories, 1990.

**MODERNIZATION: FROM GENERAL THEORETICAL
TO OPERATIONAL UNDERSTANDING***

M.A. LASTOCHKINA

*Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences,
Vologda, Russia*

Summary

Studying of modernization as a civilization process has a cross-disciplinary character at which various methods of research can be applied. The concept of analysis of modernization processes of He Chuanqi allows to investigate the modernization of territories not only at the general-theoretical level, but also to measure it by means of quantitative methods. So, according to the received results there is high differentiation of the countries and multidirectional vectors of their dynamics, regions of Russia also strongly differ on the level of their modernization development.

Keywords: modernization, indexes, development, competition.

Lastochkina, Maria – Ph.D. in Economic Studies, Senior Research Fellow at the Vologda Scientific Center of the Russian Academy of Sciences.
mashkop@mail.ru

Citation: *LASTOCHKINA M.A.* (2017) Modernization: From General Theoretical to Operational Understanding. In : *Philosophical Sciences*. 2017. Vol. 10, pp. 83-87.

REFERENCES

- Black C.E., ed. (1976) *Comparative Modernization*. Free Press, New York.
- Ermakhanova S.A. (2005) Modernization Theory: History and Modernity. In: *Actual Problems of Socio-economic Development: the View of Young Scientists*. Novosibirsk, pp. 233-247 (in Russian).
- Harrison D. (1988) *The Sociology of Modernization and Development*. Unwin Hyman, London.
- He Chuanqi (2011) *The Overview Report on Modernization in the World and China (2001–2010)* (Russian translation: N.I. Lapin, ed. Ves Mir, Moscow, 2011).
- He Chuanqi (2015) *Integrated Modernization Theory*. Available at: <http://en.modernization.ac.cn/document.action?docid=24471>
- Inglehart R. (1997) *Modernization and Postmodernization*. Princeton University Press, Princeton.
- Inglehart R., Welzel C. (2005) *Modernization, Cultural Change, and Democracy: The Human Development Sequence*. Cambridge University Press, New York.
- Martinelli A. (2005) *Modernization and Modernity*. Brill Academic Publishers.

* The research was carried out within the framework of the project of the Russian Science Foundation «Mechanisms for Overcoming Mental Barriers to Inclusion of Socially Vulnerable Populations in Activating the Process of Modernizing the Regional Community», grant number 16-18-00078.

СОЦИОКУЛЬТУРНЫЕ ОСНОВАНИЯ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИЙСКОГО МАКРОРАЙОНА*

Е.А. КОГАЙ

Курский государственный университет, Курск, Россия

Аннотация

В работе акцентируется внимание на социокультурном развитии Центрального Черноземья. Выявляются структурные основания модернизационного потенциала регионов данного макрорайона. Указывается на риск задержки этих регионов на стадии первичной модернизации. В рамках усиления взаимосвязи и взаимозависимости регионов отмечается необходимость разработки новых концепций стратегического управления устойчивым развитием макрорайона.

Ключевые слова: модернизация, макрорайон, социальная политика, стратегическое управление.

Когай Евгения Анатольевна – доктор философских наук, профессор, заведующая кафедрой социологии и политологии Курского государственного университета.

eakogay@mail.ru

Цитирование: КОГАЙ Е.А. (2017) Социокультурные основания модернизации российского макрорайона // Философские науки. 2017. № 10. С. 88–90.

На базе научно-исследовательской социологической лаборатории Курского государственного университета (КГУ) с 2006 г. в рамках общероссийской исследовательской программы «Проблемы социокультурной эволюции России и ее регионов», осуществляемой под эгидой ЦИСИ Института философии РАН, ведется непрерывная работа над построением «Социокультурного портрета региона». Важным этапом реализации данного проекта стал социокультурный мониторинг ключевых параметров жизнедеятельности субъекта Российской Федерации (в нашем случае – Курской области) с начала XXI столетия. По сути это был «мониторинг течения социальной жизни людей» (Гиденс), населяющих данный регион. В период 2006–2014 гг. объектом социологических исследований была Курская область как типичный среднестатистический регион России. Мониторинговая стратегия позволила выявить социокультурную динамику региона, предложить инновационные программы их развития.

С 2015 г. коллективом был расширен объект исследования – им стало все Центральное Черноземье. Это макрорайон, который объединяет территории, имеющие сходный природный, социоэкономический и социокультурный облик. По нашей оценке, он включает не только Курскую, Белгородскую, Воронежскую, Липецкую, Тамбовскую области, но и Орловскую.

Исследовательский коллектив исходил из того, что все области Центрального Черноземья (ЦЧ) находятся перед вызовами технического,

* Работа подготовлена в рамках проекта Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) «Социокультурный потенциал модернизационных преобразований регионов Центрального Черноземья», грант № 15-03-00506.

экономического, социального, культурного, политического развития – перед *вызовом модернизации*. Социокультурный потенциал модернизационных преобразований субъектов федерации, входящих в ЦЧ, довольно неоднороден: его регионы существенно дифференцированы по стадиям и фазам модернизации. При этом, несмотря на ряд отличий между регионами в рамках Центрального Черноземья как макрорегиона, наблюдаются схожие процессы. Центром внимания курских исследователей стало выявление состояния и трендов модернизационных преобразований регионов Центрального Черноземья, *уточнение и описание потенциала модернизации по трем ключевым основаниям – реформаторскому, социально-инновационному и адаптационному потенциалам*. Задача состояла в проявлении социокультурных возможностей и препятствий модернизационных преобразований Центрального Черноземья, поиске оснований для преодоления неравномерности региональной модернизации и продвижения в направлении интегрированной модернизации.

Наше исследование показало, что вплоть до 2016 г. все субъекты макрорегиона оставались на стадии первичной модернизации. При этом можно выделить две формы ее динамики: Воронежская, Белгородская и Курская области демонстрируют небольшой рост, хотя и без явного развития, тогда как Орловская, Липецкая и Тамбовская области с начала столетия сохраняют свои позиции, т.е. переживают длительную стагнацию состояний модернизированности в начальных фазах ПМ, а Тамбовская область остается в самой низкой фазе. Для этой группы регионов существует риск длительной задержки на стадии первичной модернизации, связанный с недостатком финансовых ресурсов, низкой эффективностью развития экономического сектора, снижением численности трудовых ресурсов, низким уровнем жизни населения, непрозрачностью управления и др.

Дальнейшее развитие нашего проекта видится в выявлении возможностей использования результатов проведенных и проводимых социологических исследований в системе стратегического планирования (в соответствии с ФЗ № 172 от 28 июня 2014 г. «О стратегическом планировании в Российской Федерации») субъектов Российской Федерации, входящих в Центральное Черноземье, а также в разработке стратегических ориентиров социокультурного развития макрорегиона в целом.

Наш исследовательский коллектив исходит из того, что в современной геополитической ситуации происходит усиление взаимозависимости регионов, при этом действия каждого из них затрагивают интересы других регионов и региональных систем. Соответственно, в данной ситуации важным приоритетом региональной социальной политики должно стать обеспечение эффективности стратегического управления развитием макрорегиона (в нашем случае – Центрального Черноземья). Оно может быть достигнуто через повышение качества использования социокультурного и экономического пространства, а также через поиск инновационных форм его организации. Тем самым мы выходим на необходимость разработки новых концепций стратегического управления устойчивым развитием макрорегиона.

**SOCIOCULTURAL BASES OF MODERNIZATION
OF THE RUSSIAN MACROREGION***

E.A. KOGAY

Kursk State University, Kursk, Russia

Summary

The article focuses attention on the sociocultural development of the Central Black Earth. The author reveals the structural grounds of modernization capacity of regions of this macroregion. She indicates the risk of delay in these regions at the stage of primary modernization and notes the need to develop new concepts of strategic management of sustainable development of a macroregion within strengthening of interrelation and interdependence of regions.

Keywords: modernization, macroregion, social policy, strategic management.

Kogay, Evgeniya – D.Sc. in Philosophy, Professor, Head of Department of Sociology and Political Science of the Kursk State University.

eakogay@mail.ru

Citation: *KOGAY E.A. (2017) Sociocultural Bases of Modernization of the Russian Macroregion. In: Philosophical Sciences. 2017. Vol. 10, pp. 88-90.*

* The work was prepared with the support of the Russian Foundation for Fundamental Research "Sociocultural potential of modernization transformations of the Central Black Soil regions" (No 15-03-00506).

**МОДЕРНИЗАЦИЯ И РЕИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ:
К ДИСКУССИИ О СПОСОБАХ РЕАЛИЗАЦИИ***

Е.В. АНДРИАНОВА,

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

В.А. ДАВЫДЕНКО,

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

Г.Ф. РОМАШКИНА,

Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия

Аннотация

В статье проводится анализ дискуссий о соотношении концептов модернизации и реиндустриализации. Внедрение новых технологий и деятельность элит рассматривается через призму как их непосредственного, так и опосредованного влияния на индустриальную траекторию развития региона. Влияние представлено с точек зрения исторической, социально-экономической, структурной, культурной, политической и когнитивной видов укорененности ведущих предстителей статусных групп. Учитывая реалистическую цель современного российского хозяйственного агента – извлечения бюрократической ренты, показаны закономерности конструктивного воспроизводства региональных сообществ, сопряженные с возможностями и ограничениями групповых интересов в рамках муниципальных, региональных и федеральных структур власти.

Ключевые слова: реиндустриализация, модернизация, социокультурный, конкурентоспособность, технологические волны, элиты.

Андрянова Елена Владимировна – кандидат социологических наук, доцент, заведующий кафедрой Тюменского государственного университета.

andrelena78@mail.ru

Давыденко Владимир Александрович – доктор социологических наук, профессор, начальник научно-исследовательского центра Тюменского государственного университета, Тюмень.

vlad_davidenko@mail.ru

Ромашкина Гульнара Фатыховна – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой Тюменского государственного университета, Тюмень.

gr136@mail.ru

Цитирование: АНДРИАНОВА Е.В., ДАВЫДЕНКО В.А., РОМАШКИНА Г.Ф. (2017) Модернизация и реиндустриализация: к дискуссии о способах реализации // Философские науки. 2017. № 10. С. 91–94.

В настоящее время продолжают дискуссии о выборе структурных приоритетов новой промышленной политики [Амосов 2014], В.В. Ивантер и Н.И. Комков, С. Бодрунов, Я. Дубенецкий и многие другие полагают, что новую индустриализацию необходимо начинать с возрождения военно-промышленного комплекса (ВПК), который послужит «мультипликатором» роста. Значительная часть финансовых ресурсов должна быть направлена на развитие инфраструктуры [Ивантер, Комков 2012, Бодрунов 2013, Дубенецкий 2014]. Признавая, что рост оборонных производств ВПК может оказаться неэффективным в долгосрочном периоде, альтернативы военной стратегии реиндустриализации не предусматриваются.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, проект № 16-03-00500 «Возможности и ограничения новой индустриализации и противоречия социокультурного пространства: на примере Тюменского региона».

Точка зрения, что в России отправной точкой реиндустриализации должен стать топливно-энергетический комплекс (ТЭК) изложена, например, в работах В. Цветкова [Цветков 2013] и В. Иноземцева [Иноземцев 2013а, Иноземцев 2013б]. В. Цветков предлагает опираться на отрасли добывающей промышленности ТЭК, отрасли национальной инфраструктуры (транспортной, телекоммуникационной, энергетической). Согласно В. Иноземцеву, российский ТЭК способен предъявить основной платежеспособный спрос на новые технологии и оборудование, стать «локомотивом» экономики. Суммируя изложенное и выделяя пять типов ограничений второй стратегии. Во-первых, предполагается наличие «промежуточного звена»: конкурентоспособной развитой промышленности, ориентированной на конечный спрос. Во-вторых, отечественная экономика должна предъявлять спрос на инновации, которые бы обогащали Россию. В-третьих, структурная перестройка всегда замедляет темпы экономического роста. В-четвёртых, необходимы, как минимум, 10–15 лет роста и предсказуемые «правила игры». В-пятых, должен сформироваться такой уровень потребления, на котором обычно происходит становление новой технологической волны.

Такие дискуссии зачастую идут в некотором «идеальном» ключе, ибо экономисты часто предпочитают рассматривать идеальные экономические модели и во многом абстрактные логические построения. Ощущается недостаток исследований, представляющих реальные процессы в регионах России. Важный вклад в дискуссию о стратегиях развития России и ее регионов внес «Атлас модернизации России и ее регионов» — коллективный научный труд, посвященный представлению модернизации в России как «комплексного цивилизационного процесса». Создание такого Атласа позволило продемонстрировать относительную динамику России в мире, и каждого из ее регионов в России. Например, в седьмой главе этой книги нами рассмотрены основные характеристики модернизации регионов Уральского Федерального округа. В числе результатов отмечено, что социокультурная компонента модернизации в регионах Уральского Федерального округа идет опережающими темпами по сравнению с социоэкономической и технико-технологической. Последнее приводит к необходимости запуска процесса реиндустриализации. Элиты регионов понимают такую необходимость, практически все региональные стратегические программы содержат соответствующие концепции, но качество их реализации существенно различается.

Нами были рассмотрены особенности исторического развития Тюменской области, достаточно успешного, в социальном плане стабильного региона, имеющего позитивную динамику экономических показателей. Модернизация в регионе имеет существенные позитивные импульсы, и наши исследования подтверждают, что даже условиях сжимающейся нефтегазовой ренты возможен переход на новые траектории развития [Ромашкина, Давыденко (ред.) 2015, 252–254]. Однако продолжение опоры на распределение нефтегазовой ренты создаст дополнительные риски и не имеет исторических перспектив. Концепция реиндустриализации в Тюменской области имеет три фундаментальные основания. Первое — это запуск новых крупных для региона предприятий. Второе основание — это управление мультипликативным эффектом от запуска новых производств, встраивание и сопровождение административных властно-ориентированных решений

в предпринимательские действия в процессе развития региональных отраслей, производных от роста промышленных производств, строительства, объектов инфраструктуры, развивающегося вокруг промышленных предприятий, роста ритейла, расширение сферы услуг. Третье основание – создание экономически обоснованного сельского хозяйства, базирующегося на частной инициативе, развитии фермерских хозяйств. Важно отметить отказ от привычки хозяйствующих элит рассматривать сельское хозяйство как преимущественно дотационную отрасль. На примере Тюменской области демонстрируется способность выстраивания конструктивных концепций контроля властной элитой, что является также историческим и культурным продуктом, который представители государства и их граждане предоставляют как общее общественное благо.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Амосов 2014 – *Амосов А.* Об экономическом механизме нового индустриального развития // *Экономист.* 2014. № 2. С. 3–12.

Атлас 2016 – Атлас модернизации России и ее регионов: социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы / сост. и отв. ред. член-корр. РАН Н.И. Лапин. – М.: Весь Мир, 2016.

Бодрунов 2013 – *Бодрунов С.Д., Гринберг Р.С., Сорокин Д.Е.* Реиндустриализация российской экономики: императивы, потенциал, риски // *Экономическое возрождение России.* 2013. № 1. С. 19–49.

Дубенецкий 2014 – *Дубенецкий Я.Н.* Реиндустриализация: условия, цели, этапы // *Проблемы прогнозирования.* 2014. Выпуск 4. С. 17–25.

Ивантер, Комков 2012 – *Ивантер В.В., Комков Н.И.* Основные положения концепции инновационной индустриализации России // *Проблемы прогнозирования.* 2012. № 5. С. 3–12.

Иноземцев 2013а – *Иноземцев В.* Стратегия развития: Выбор приоритетов // *Ведомости.* 2013. 06 авг.

Иноземцев 2013б – *Иноземцев В.* Стратегия развития: Жить за счет ресурсов // *Ведомости.* 2013. 07 авг.

Ромашкина, Давыденко (ред.) 2015 – Социокультурная динамика – портрет Тюменской области / науч. ред. Г.Ф. Ромашкина, В.А. Давыденко. – Тюмень: Изд-во Тюменского гос. у-та. 2015.

Цветков 2013 – *Цветков В.* Мы должны свои «недостатки» превращать в достоинства // *Российская Федерация сегодня.* 2013. № 11.

MODERNIZATION AND REINDUSTRIALIZATION: TO THE DISCUSSION ABOUT THE METHODS OF IMPLEMENTATION*

E.V. ANDRYANOVA,

Tyumen State University, Tyumen, Russia

V.A. DAVYDENKO,

Tyumen State University, Tyumen, Russia

G.F. ROMASHKINA, Tyumen State University, Tyumen, Russia

Summary

The article undertakes an analysis of the discussions about the relations between concepts of modernization and re-industrialization. It considers the introduction of new technologies and activities of elites through the prism of their direct and indirect impact on the industrial development path of the region. The impact is presented from the point

* The article was implemented within the framework of the project of the Russian Foundation for Fundamental Research «Capabilities and restrictions of new industrialization and contradictions of sociocultural Space: on Example of Tyumen region», grant number 16-03-00500.

of view of historical, socio-economic, structural, cultural, political and cognitive types of rootedness of the leading representatives of high-status groups. Given the realistic goal of a modern Russian economic agent – retrieve bureaucratic rents, authors show the patterns in a constructive reproduction of the regional communities associated with opportunities and limitations of group interests within the framework of municipal, regional and Federal authorities.

Keywords: reindustrialization, modernization, sociocultural, competitiveness, technological waves, elite.

Andrianova, Elena – Ph.D. of Sociology, Associate Professor, Head of Department of the Tyumen State University, Tyumen.

andrelena78@mail.ru

Davydenko, Vladimir – D.Sc. of Sociology, Professor, Head of Research Center of the Tyumen State University, Tyumen.

vlad_davidenko@mail.ru

Romashkina, Gulnara – D.Sc. of Sociology, Professor, Head of Department of the Tyumen State University, Tyumen.

gr136@mail.ru

Citation: ANDRIANOVA E.V., DAVYDENKO V.A., ROMASHKINA G.F. (2017) Modernization and Reindustrialization: to the Discussion on the Methods of Implementation. In: *Philosophical Sciences*. 2017. Vol. 10, pp. 91-94.

REFERENCES

Amosov 2014 – Amosov A. (2014) About Economic Mechanism of the New Industrial Development. In: *Economist*. 2014. Vol. 2. pp. 3-12 (in Russian).

Bodrunov S.D., Greenberg R., Sorokin D.E. (2013) The Reindustrialization of the Russian Economy: Imperatives, Potential Risks. In: *Economic Revival of Russia*. 2013. Vol. 1. pp. 19-49 (in Russian).

Dubenetsky Ya.N. (2014) Reindustrialization: conditions, objectives, stages // *Studies on Russian Economic Development*. 2014. Issue 4.(July). P. 17-25.

Inozemtsev V. (2013) Development strategy: The Choice of Priorities. In: *Vedomosti*. August 6, 2013.

Inozemtsev V. (2013) Development strategy: to Live at the Expense of Resources. In: *Vedomosti*. August 7, 2013 (in Russian).

Ivanter V.V., Komkov N.I. (2012) The Basic Concept of Innovative Industrialization of Russia. In: *Problems of Forecasting*. 2012. Vol. 5. pp. 3-12 (in Russian).

Lapin N.I., ed. (2016) *Atlas of Modernization of Russia and its Regions: Socio-economic and Socio-cultural Trends and Issues*. Ves Mir, Moscow (in Russian).

Romashkina G.F., Davydenko V.A., eds. (2015) *Sociocultural Dynamics – a Portrait of the Tyumen Region*. Tyumen State University Publ., Tyumen (in Russian).

Tsvetkov V. (2013) We Should Turn our Shortcomings into Advantages. In: *Russian Federation today*. 2013. No 11 (in Russian).

ФИЛОСОФИЯ И КУЛЬТУРА
В КОНТЕКСТЕ ВРЕМЕНИ

Модусы социокультурного развития

**СВОБОДА И ПОТЕНЦИАЛЬНЫЕ ВОЗМОЖНОСТИ
ЭССЕ О ПРАВОВОМ ПРОГРЕССЕ**

В.Е. СЕМЕНОВ

*Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия*

Аннотация

В статье осуществляется попытка эксплицировать философские основания и критерии правового прогресса. Автор полагает, что правовой прогресс – это, в первую очередь, существенное и перманентное возрастание степени морально-правовой свободы и справедливости на основе ценностей права, регулятивных и конститутивных норм при помощи юридических агентов, инструментов и процедур, а также расширение социальных полей потенциальных возможностей, в которых как раз воплощаются и пересекаются свобода и справедливость. Возрастание как уровня свободы, так и уровня справедливости в значительной степени осуществляется правовым (законодательным) путем. Итак: если мы, руководствуясь ценностями свободы и справедливости, закладываем в нормативную базу общества (и прежде всего – в закон) конкретные императивы свободы и справедливости, то вот здесь как раз и возникает мультипликационный эффект – свобода и справедливость в нормах (законе) порождают свободу и справедливость в возможностях, а последние расширяют вновь нормативную базу свободы и справедливости. В таком случае правовой прогресс выглядит как совокупность законодательных действий, которые повышают уровень свободы и справедливости. Стало быть, возрастание уровней (или степени, объема) свободы и справедливости, расширение всей совокупности потенциальных возможностей – таковы главные философские критерии для оценки правовой реальности.

Ключевые слова: моральный прогресс, правовой прогресс, фундаментальные ценности свободы и справедливости, потенциальные возможности, элиминация этатистского позитивизма.

Семенов Валерий Евгеньевич – доктор философских наук, профессор кафедры философских и социально-экономических дисциплин Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

vesemenov7@mail.ru

Цитирование: СЕМЕНОВ В.Е. (2017) Свобода и потенциальные возможности. Эссе о правовом прогрессе // Философские науки. 2017. № 10. С. 95–119.

В попытке определить *философские* (социально-философские) основания и критерии правового прогресса я вынужденно начну с чего-то общеизвестного и даже тривиального, однако в данном случае исходного и необходимого.

Еще в XVII в. Томас Гоббс сформулировал одну из наиболее значимых социально-философских проблем, а именно — *проблему социального порядка*, поставив сакраментальный вопрос: «Как возможно общество?».

Люди от рождения обладают равными естественными правами, однако природный эгоизм, а также неистребимое соперничество, взаимное недоверие и жажда славы неизбежно приводят человеческое сообщество едва ли не к тотальной войне. Именно таковым представляется Гоббсу естественное состояние человечества. Однако сложившееся положение совершенно нетерпимо! Нельзя же постоянно и со всеми воевать! Каким же образом можно прекратить это извечное состояние *bellum omnium contra omnes*?

Войны, как представлялось, можно избежать только путем (а) соглашения (договора) всех взаимодействующих индивидов между собою или же (b) подчинения некоему искусственному сверх-Субъекту, т.е. через вынужденное создание и признание многоголового Левиафана и установление тем самым принуждения и общественного порядка. С такой исторической схемой возникновения государства согласны многие политические философы — от Томаса Гоббса до Роберта Нозика.

Необходимость формирования социального порядка непосредственно диктуется социальной же природой и сущностью человека. Коль скоро человек, как «существо общественное» по своей натуре, вынужден и желает постоянно взаимодействовать с другими людьми, то насущной его потребностью является принятие единой и легитимной системы норм действия и поведения, так сказать, общих для всех «правил игры», подчиняясь которым человечество — весьма и весьма неприглядное с моральной точки зрения (*homo homini lupus est!*) — прекратит *bellum omnium contra omnes* и установит относительно сносное и взаимотерпимое существование. Именно таким образом люди смогут перейти от естественного состояния, невозможного для человеческого бытия, к гражданскому, или социальному, которое уже регулируется как ценностями и нормами, так и государственным принуждением. Стало быть, наконец-то *«the war is over»*.

Социальное как таковое и социальный порядок

Феномен *социального как такового*, о природе которого любопытствовал Гоббс, возникает лишь как результат весьма сложного и не до конца еще проясненного *синтеза* двух главных факторов: (а) *сознания* личностей и (б) *взаимодействия* индивидов. При этом *социальное* выказывает себя ничем иным, как сущностью общественной жизни самой по себе.

Ближайшим и непосредственным основанием *социального* являются *экспектации* (ожидания), которыми люди руководствуются при совершении того или иного социального действия, рассчитывая, как шахматисты, наперед, какую именно ответную реакцию следует ожидать от человека (прежде всего) определенного социального статуса, а также обладающего известной психической конституцией, моральными установками и т.д. Иначе говоря, человек действует и одновременно *ожидает* (1), что другие люди *ожидают* (2) от него определенного действия и готовы отреагировать на его исходное действие таким образом, как *ожидает* (3) сам человек. Вот это социально-психологическое состояние — «ожидание ожидания ожидания» — Макс Вебер назвал в свое время сущностью как самих *экспектаций*, так и социальной жизни вообще.

Таким образом, связность и взаимная сопряженность *экспектаций* как своего рода форм общественного согласия и взаимных обязательств людей друг перед другом, а также опережающее прогнозирование целой совокупности возможных социальных действий создают трудноуловимый (на первый взгляд) *феномен социального как такового*.

Возникшая сеть взаимных социальных *экспектаций* делает возможной общественную жизнь как таковую, ибо представляет собою основание социального порядка. В таком случае искомый *социальный порядок* можно определить как, во-первых, вполне устойчивую предсказуемость и даже прогнозируемость социальных действий и, во-вторых, как надежное и стабильное положение индивида в окружении себе подобных на основе предсказуемости действий и прогнозируемости жизни. Тогда с полным основанием можно сказать, что *социальный порядок* — это и есть общество.

Однако социальные *экспектации*, как я уже отмечал, являются лишь *ближайшим и непосредственным* основанием социального порядка, а, значит, и социальной жизни. Фундирующим основанием *экспектаций* являются социальные (в первую очередь — моральные) *ценности*, а также из них вытекающие, ими обусловленные *нормы*. Стало быть, и вся калейдоскопически изменчивая социальная жизнь, и социальный порядок как таковой строятся на социальных цен-

ностях и нормах как на самом глубоком, устойчивом («гранитном») фундаменте.

Ценности представляют собою наиболее общие, универсальные и регулятивные идеи разума. В свою очередь из ценностей вытекают конкретные нормы, которые *непосредственно* конституируют всю социальную жизнь. Таким образом, юридические нормы (в виде, скажем, конкретных статей определенного закона), в числе огромной совокупности других норм, лежат в основании как социального порядка, так и всей социальной жизни.

Поскольку речь зашла о взаимосвязи социального порядка, социальной жизни, с одной стороны, и их регулятивов — ценностей и норм, — с другой, то, стало быть, можно уже говорить об изменениях в общественной жизни в целом, т.е. о социальном прогрессе (или регрессе).

Основания для экспликации критериев прогресса

Совершенно очевидно, что как социальный порядок, так и прогресс ни в каких своих аспектах невозможны без *морального* (прежде всего!), а затем и *правового* порядка и прогресса. С этим заявлением я сразу же вступаю в зыбучие пески определения сущности и критериев прогресса как такового.

Зададимся вопросом: что такое социальный прогресс и как можно подойти к определению его критериев? В самом общем и абстрактном виде прогресс как таковой принято определять в качестве направления развития от низшего к высшему, от менее совершенного к более совершенному. Сама идея прогресса возникла в Античности (Платон, Аристотель), однако периодом ее интенсивной разработки и наибольшей актуализации необходимо все же считать длительное Средневековье с фундаментальной концепцией Провидения.

Позже, в Новое и Новейшее время, добавились такие показатели, как принцип эволюции (возрастающая сложность различного рода систем); дифференциация и автономизация различных общественных структур и их функций, идея постепенного освобождения человечества от социального невежества и страха; тенденция роста знания и развития производства; концепция социальной интеграции, солидарности и организованного сотрудничества; требования широкого и доступного использования основных гражданских, политических, социально-экономических и культурных прав человека...

Иначе говоря, возникло множество разнообразных теоретических критериев прогрессивности, вплоть до пресловутой и лукавой кон-

цепции зависимости человеческого счастья от научно-технического прогресса (хотя подобная точка зрения давным-давно опровергнута Жан-Жаком Руссо) или же современного представления о том, что экономический рост едва ли не автоматически ведет к улучшению качества жизни (= прогрессу). Ложность и подменно-тезисную сущность последнего взгляда хорошо продемонстрировала, в частности, Марта Нуссбаум.

В современных масштабных проектах изучения динамики развития обществ, т.е по сути исследованиях прогрессивности/регрессивности, проводимых, в частности, ООН, используется до полутора сотен индикаторов-показателей, начиная с таких количественных и «объективных», как ВВП страны на душу населения, производство основных продуктов питания и их потребление, уровень безработицы и загрязнение окружающей среды, эффективность систем здравоохранения и социального обеспечения, динамика преступности и доступность образования и заканчивая совсем уж, казалось бы, «субъективными» и психологически за мерами вроде «суммы довольства/недовольства». Все эти индикаторы-реперы должны показать уровень социального прогресса (или регресса) и в конкретных странах, и в целых регионах мира.

Здесь необходимо отметить, что в такого рода исследованиях речь идет, прежде всего, о *количественных* социально-экономических показателях уровня жизни, которые представляют собою демонстрацию одних лишь *средств человеческого существования*. Однако в настоящее время, как подчеркивают многие исследователи, такие как Нобелевский лауреат по экономике Амартия Сен, философ Марта Нуссбаум, экономист и социолог Ричард Флорида, дескрипция и оценка социального прогресса должны строиться (в первую очередь) вовсе не на показателях экономического роста, а, скорее, на таких, казалось бы, зыбких основаниях, как *всеобщее и устойчивое благосостояние и счастье* всех людей.

Соответственно различные общества должны и будут эволюционировать от *потребительского* образа жизни, характерного для конца XX в., и разрушенного мировым кризисом 2008 г., к такому социальному устройству, которое будет способствовать раскрытию наших талантов, индивидуальности, творческого потенциала и, следовательно, реализации всех наших продуктивных и социально благожелательных потенциальных возможностей.

Кроме того, стоит подчеркнуть, что социально-экономические индикаторы могут иметь лишь весьма косвенное отношение к подлинным реалиям «живой человеческой жизни». Наконец, они никак

не могут быть приняты в качестве *философских* критериев социального и правового прогресса.

В конце концов становится понятно, что сама идея прогресса, как и термин для ее обозначения, выступают в истории человечества в образе чрезвычайно мощной аллегории или метафоры для обозначения *сугубо позитивных изменений базовых условий человеческого существования*. Такой первоначально общий и широкий подход к пониманию сущности прогресса позволяет, на мой взгляд, если и не «схватить» тематизируемое понятие, то, во всяком случае, приблизиться к цели. Каким же образом?

Когда мы говорим или о социальном прогрессе вообще, или о партикулярных (частных) «прогрессах», мы как раз подразумеваем, что либо в обществе в целом, либо в какой-либо из его сфер происходят исключительно позитивные изменения. Однако к настоящему времени прекрасно известно, что не существует никакого позитивного развития без присутствия *негативных* сторон. Никакой «прогресс» не может не иметь негативных последствий. Более того, некоторые социальные процессы, которые мы склонны определять как прогрессивные, не только включают в себя отрицательные аспекты, но представляют собою пресловутую и крайне опасную «палку о двух концах», в отношении которой в принципе невозможно предсказать: каких результатов ее действия в течение какого-то времени обнаружится больше — позитивных или негативных.

Так, например, безответственная, преступная и близорукая эйфория в отношении так называемого научно-технического прогресса, длящаяся в Европе по меньшей мере два века, — наглядное тому подтверждение. Уже сейчас очевидно, что, если что-то и приведет человечество в обозримое время к полному самоуничтожению, то этим «что-то» будет как раз «научно-технический прогресс» и безудержное, едва ли не «наркотическое», потребление «научно-технических благ»: антропо-техногенная деятельность производит необратимые и смертельно опасные изменения не только в масштабах Земли, но и в том регионе Солнечной системы, в котором мы находимся. Тем самым «научно-технический прогресс» уже поставил человечество на грань выживания.

Так или иначе, в настоящий момент человечество уже осознало, что, во-первых, прогресс не может быть социальной закономерностью (низкий поклон Конту и Спенсеру!), во-вторых, распространяется он не на все области социальной жизни, в-третьих, результаты «частных» прогрессов бывают только противоречивыми, «дилемматичными», неоднозначными... Как же можно отыскать основание для критериев прогресса, в частности, для правового прогресса?

В подобной ситуации возникает понимание, что в качестве возможного философского критерия прогресса необходимо отыскать такой вид позитивных социальных трансформаций (если это возможно!), который не обладает негативными сторонами.

Если для нахождения подобных изменений применить широко распространенный в методологии естественных и гуманитарных наук *мысленный эксперимент*, то мы обоснованным и закономерным образом придем к чрезвычайно важному и фундаментальному выводу: коль скоро мы понимаем абстрактный прогресс как движение вперед, как сугубо позитивное изменение, как движение от низшего и менее совершенного к высшему и более совершенному, как такое достижение, которое *не имеет негативных обратных сторон*, то при всех этих условиях прогресс может быть *только моральным*.

Выражусь иначе: если придерживаться точного словоупотребления, т.е. адекватно и ответственно использовать термин «прогресс» (как он определен выше), то с необходимостью следует заключить: *прогресс может существовать только в моральной сфере*. Прогресс как таковой, прогресс *per se* может быть только моральным и никаким другим! Это означает, что предикатом всеобщности и универсальности может обладать лишь моральный прогресс.

Собственно, эта установка на однозначный приоритет в человеческой жизни моральных интенций и критериев, морального первоначала известна давным-давно и выражена в многочисленных памятниках мудрости — в частности, в таком: «Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; Потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» (Мф 7:13-14).

Все остальные виды так называемого «прогресса» (физический, материальный, финансовый, социально-экономический, научный и научно-технический, социально-политический, социокультурный и т.д. и т.п.) суть лишь *относительные*, зачастую крайне сомнительные «прогрессы», или эрзац-прогрессы, псевдо-прогрессы, опасная совокупность «палок о двух концах», которые неизвестно когда и по чему ударят и к чему в итоге приведут. Но то, что ударят — это известно (по опыту) точно. Не вызывает сомнения, что «все прогрессы реакционны, если рушится человек»; и подобного рода громко и широко заявленные «прогрессы о двух концах» представляют собою не что иное, как *иллюзии* (опасные иллюзии!), которые служат для самообмана человечества в том случае, если в обществе не существует подлинноморального прогресса.

В тех ситуациях, когда мы, тем не менее, говорим о каких-то партикулярных прогрессах (включая сюда и правовой), необходимо руко-

водствоваться следующим принципом: *тот или иной частный прогресс может с той или иной степенью условности именоваться таковым лишь в том случае, если его базовые характеристики, показатели и критерии соответствуют моральным ценностям.*

Стало быть, главным индикатором и основанием для квалификации, оценки и классификации любого (позитивного) достижения в любой сфере жизни общества могут быть исключительно *моральные ценности.*

Фундаментальные ценности и потенциальные возможности

Само собою разумеется, что рассматриваемый здесь правовой прогресс невозможен без морального, более того — основывается на последнем. Например, если мы обратимся к (позитивной) правовой установке «нельзя нарушать закон», то в результате недолгого размышления обнаружим, что эта *максима* является в своей сущности не юридической, а, прежде всего, моральной. Ибо она может исходить только из уважения к закону как ценности, следовательно, эта установка, а точнее — *убеждение*, является в первую очередь нравственным и относится, скорее, к моральной аксиологии, а не юриспруденции непосредственно.

Ради экспликации основных философских критериев правового прогресса из всей совокупности моральных (морально-правовых) ценностей следует обратить внимание прежде всего на фундаментальные: *свободу и справедливость.*

Фундаментальная ценность свободы. В такой ответственной ситуации выбора индикаторов свободу надо понимать не только как свободу воли, свободу выбора, самоволие, автономию, самообладание, доброволье и самопринуждение (следование моральным ценностям и долгу, «ответственность перед...» и «ответственность за...»)... К числу обязательных характеристик свободы, — как прекрасно показал Амартия Сен, — относятся также и другие немаловажные ипостаси: *свобода как возможность и свобода как процесс выбора.*

Вполне очевидно, что больший уровень свободы в обществе дает гораздо больше *потенциальных возможностей* для (скажем абстрактно) социальных действий, взаимодействий и отношений. Возрастание такого ареала потенциальных возможностей существенно повышает степень адаптации и интеграции внутри общества, расширяет социальные и индивидуальные способности достижения значимых целей, укрепляет доминирующие в социуме ценности и базовые нормы. Вообще понятие *возможности* тесно коррелируется и служит практическим выражением *потенциальности*, т.е. фундаментального качества, присущего свободе как таковой.

Свобода, рассмотренная с точки зрения процесса выбора целей (состояния, конкретного действия, сферы деятельности, жизни в целом и т.д.), характеризует человеческое существование как широкую область *потенциальных сценариев*. Само возникновение таких альтернативных сценариев жизни и, соответственно, возможность нашего *самостоятельного* выбора из них, безусловно, могут рассматриваться как определенного рода *социальный прогресс*, ибо универсальный критерий *многовариантности* давно и прочно занимает свое место среди индикаторов позитивных изменений (в том числе и в обществе).

Стало быть, свободу (помимо указанных выше точек зрения) необходимо тематизировать как (а) основание для возникновения *потенциальных возможностей*, роста их числа и человеческой способности их реализации, а также как (б) самостоятельный, неподотчетный и рационально обоснованный выбор из альтернативных сценариев действия, состояния или деятельности. В этом случае важно знать, *каким именно образом* осуществляется выбор: *принудительно*, или *безвариантно*, или же *многовариантно*.

Ценность свободы как раз и заключается в том, что она обладает «множественностью беспристрастных оснований» (говоря словами А. Сена), и, следовательно, допускает явную или неявную аргументацию мотивов действий, которую мы способны отстоять как перед лицом внешней критики, так и перед собственной критической рефлексией, осуществляемой с полной серьезностью. Таким образом, свобода, базирующаяся на «множественности беспристрастных оснований», и мотивы социальных действий, которые она фундирует своими аргументами, проходят независимую проверку в ходе «общественного дискурса», открытого диалога, который (обязательное требование!) непременно должен строиться по правилам «*идеальной речевой ситуации*», прекрасно сформулированной когда-то Юргеном Хабермасом.

Важно также помнить, что современная *теория рационального выбора* далеко ушла от основоположений Адама Смита и вовсе не сфокусирована на личной выгоде как единственно рациональном мотиве действия, а сегодняшние представления о социальном прогрессе не ориентируются на одно лишь материальное присвоение, к чему стремились ныне устаревшие «потребительские общества» конца XX в.. И теория рационального выбора, и концепция частных прогрессов допускают существенные расширения, а именно: включают в себя интересы других людей, моральные обязательства, совесть как важнейший регулятор деятельности (впрочем, со времен Адама Смита), симпатию или общественную полезность в качестве показателей *качества жизни*.

Кроме того, для современного креативного класса характерны такие критерии улучшения качества жизни, как степень реализации потенциальных возможностей, чувство сопричастности позитивным социальным переменам, поиск неразработанных сфер претворения возможностей, бурное развитие самотворческих и нестандартных социокультурных способов деятельности, по сути – формирование актуальной (и, быть может, автономной) социальной реальности, а также активный поиск новых впечатлений, инспирирующих саму креативность и т.п. На все эти показатели должно ориентироваться действительное законодательство, если оно желает учитывать реалии современности, а не оставаться всего лишь «прокрустовым ложем», «испанским сапогом» или «приватизированным дышлом» для нынешней социальной жизни.

Итак, акцентировав именно эти две ипостаси свободы (свобода как возможность и свобода как процесс выбора), мы с большими основаниями можем использовать данную фундаментальную ценность в качестве показателя морального и правового прогресса. Выбор критерия потенциальных возможностей, оценка социальной действительности (или ее фрагмента) под углом зрения не только *свободы-достижения*, но и свободы как широкого *набора возможностей*, альтернативных сценариев, в принципе осуществимых, способных к реализации, – все это дает нам основание для эффективного конструирования индикаторов правового прогресса.

Кроме того, хочу (к месту!) также добавить: свобода, несмотря на различные нападки, была и остается, наряду со справедливостью, фундаментальной ценностью права, а также правосознания и, безусловно, позитивного права (закона). Встречающиеся попытки объявить базовой ценностью права *«несвободу»* представляют собою не более, чем инспирированный давно отжившей идеологией «диалектический взаимопереход категорий», а по сути – «диалектические языковые игрища» (не путать с «языковыми играми» Л. Витгенштейна!), в ходе которых (ради политических целей) можно доказать все, что угодно и наглядно продемонстрировать, что: $(A \wedge \neg A)$. Однако никакая подобного рода «диалектика» (= словоблудие) или «политическая целесообразность» не способны умалить морально-правовой ценности свободы.

Фундаментальная ценность справедливости. Аналогичным образом необходимо рассматривать справедливость во всей полноте ее сложносочетаемых предикатов. Справедливость, с одной стороны, безусловно, представляет собою *равенство*: (а) антропологическое равенство людей как представителей человеческого рода, обладающих единым для всех статусом «человек»; (b) идущее от Аристотеля

коммукативное равенство индивидов как добровольный отказ от какого бы то ни было преимущества в отношении других лиц, также имеющих личные права и интересы; (с) правовое равенство граждан государства, имеющих одинаковые юридически закрепленные права и свободы; (d) равенство граждан перед законом (= равенство в юридической ответственности).

С другой стороны, несомненно, что та же справедливость есть не что иное, как *неравенство*: (a)данное от природы (т.е. неустранимое) физическое, психическое, интеллектуальное неравенство индивидов, неизбежно обуславливающее их дальнейший неравный общественный статус; (b) справедливое неравенство воздаяния в зависимости от заслуг (вклада), т.е. дистрибутивная справедливость.

Помимо этого, справедливость необходимо рассматривать как: (a) честность; (b) добродетель общественных институтов; (с) социальную обязанность.

В целом, надо сказать, что *справедливость* представляет собою *априорное чувство-понятие*, которое не нуждается в специальном и усердном культивировании: оно дано нам от рождения, хотя, конечно же, не в столь развитом виде и стереоскопическом понимании, как у взрослого и полностью социализированного человека. В качестве подобного «чувственного понятия» («конкретного понятия») справедливость вполне сопоставима с другими чувственными восприятиями («чувствами»), а также и с другими априорными понятиями, например, с концептом *причинности*, с помощью которых мы «схватываем» и понимаем окружающий мир.

Чувственные ощущения и восприятия целиком зависят от синтетической деятельности рассудка, которая создает (конструирует) чувственные образы, присваивает этим образам имена (процесс концептуализации), и включает новые имена-понятия в систему категорий, описывающих ту или иную предметную область. Короче говоря, без рассудочно-разумной деятельности чувственные восприятия («чувства») почти что ничего не значат для нас, ибо в качестве «сырого материала чувственного ощущения» они не дают никакого понимания. Свое значение чувства приобретают только на этапе «рассуждения» (как называют этот процесс со времен Античности).

Любому чувству, в том числе и справедливости, необходимо «рассуждение», включающее в себя уже упомянутый (a) процесс *концептуализации* (образования понятия), (b) составление *высказывания*, (с) конструирование *умозаключения*, представляющего собою достаточно развитый этап познавательной деятельности, полностью определяющий исходное понятие, и, наконец, (d) включение умозаключений в *теорию* (или формулировка теории из умозаключений).

Именно таким образом во все времена создаются *теории справедливости*. Особенностью этих теорий является то, что они не просто описывают некий феномен. Реальное чувство справедливости дает нам определенного рода сигнал, представляющий собою *одновременно* (!) и *дескрипцию* некоторого факта, и его моральную *оценку* (коль скоро справедливость является моральным чувством). Стало быть, теория справедливости не только дает описание сущности этого феномена и образа справедливого общества, но изначально должна быть ориентирована на практическое применение и, значит, включать в себя критерии *оценки* и *сравнения* для тех ситуаций, которые в принципе (по сущности своей) подлежат *моральному* суждению.

Мы говорим: «Нельзя нарушать закон». Но такое *убеждение* может выработаться и, стало быть, действовать в качестве мотива только в том случае, если граждане (гражданское общество) относятся к закону как легитимному (одобряемому) институту, каковой базируется не на одном лишь государственном принуждении и который основывается как на главной юридической ценности — *справедливости*, но также и содержит в себе одну из важнейших *спецификаций* коммутативной справедливости, а именно — является *гуманным* по своему содержанию и присущим ему формальным процедурам.

Следовательно, для правового прогресса необходимо наличие гражданского общества, которое в той или иной форме осуществляет свою собственную юридическую экспертизу существующего законодательства. Законодателям эта экспертиза также крайне необходима, так как является, пожалуй, единственным незамутненным корпоративным высокомерием и «профессиональным идиотизмом» взглядом со стороны. Само это словосочетание «взгляд со стороны» — безусловно, метафора, ибо законы как раз для того и существуют, чтобы регулировать жизнь самого гражданского общества, и государство выступает здесь всего лишь в качестве наемного профессионального управляющего, менеджера высшего уровня. Таким образом, «взгляд со стороны» — это, по сути, взгляд гражданского общества на законодательство изнутри, но только не в качестве непосредственного законодателя, а в качестве носителя самого критерия законодательства, его ценностной основы — *права*.

Кроме того, следует отметить, что точно также, как и в рассмотренном выше случае с определением критериев свободы, тематизация справедливости/несправедливости может и должна опираться на понятия (и социальный феномен) «потенциальные возможности» и «потенциальные сценарии».

Выше я уже отмечал, что возрастающий уровень свободы напрямую влечет за собою и рост потенциальных возможностей, что выра-

жается в создании широкой области (принципиально) осуществимых возможностей, или потенциальных сценариев — как отдельного социального действия, так и жизни в целом. Однако расширение поля возможностей и потенциальных сценариев в социальной жизни приводит (как отмечалось) не только к мультипликационному эффекту и «обратной связи», заключающимся в том, что в результате этого уровень сво повышается, но и к увеличению степени справедливости. Именно здесь находится средоточие всех трех составляющих: увеличения и повышения уровня свободы, потенциальных возможностей и справедливости.

Философские критерии правового прогресса

Как свобода, так и справедливость — и каждая со множественностью своих беспристрастных оснований — делают возможной ситуацию резкого увеличения, даже мультиплицирования возможностей. Возрастание как уровня свободы, так и уровня справедливости в значительной степени осуществляется правовым (законодательным) путем. Отсюда ясно: если мы, руководствуясь ценностями свободы и справедливости, закладываем в нормативную базу общества (и прежде всего — в закон) конкретные императивы свободы и справедливости, то вот здесь как раз и возникает мультипликационный эффект: свобода и справедливость *в нормах* (законе) порождают свободу и справедливость *в возможностях*, а последние расширяют вновь *нормативную базу* свободы и справедливости. В таком случае *правовой прогресс* — как он видится в первом приближении — выглядит как совокупность законодательных действий (= законодательный процесс), которые повышают уровень свободы и справедливости.

Итак, **правовой прогресс** (с философской, а не юридической точки зрения) — это, в первую очередь, существенное и перманентное возрастание степени морально-правовой свободы и справедливости на основе ценностей права, регулятивных и конститутивных норм, при помощи юридических агентов, инструментов и процедур, а также расширение социальных полей потенциальных возможностей, в которых как раз воплощаются и пересекаются свобода и справедливость.

Отсюда следует: *возрастание уровней (или степени, объема) свободы и справедливости, расширение всей совокупности потенциальных возможностей — таковы главные философские критерии для оценки правовой реальности.*

* * *

В таком случае можно назвать фундаментальные принципы, ценностные императивы действия, реализация которых может рас-

сма­тривать­ся как суще­ствен­ное позитив­ное измене­ние в социаль­ной и юри­диче­ской сфе­рах. Стало быть, имен­но их можно рас­сма­тривать в каче­стве социаль­но-фило­софских кри­те­риев пра­вого про­гресса.

1. Стро­гое и неуклон­ное разли­чие *пра­ва* (как цен­ностно-норматив­ной систе­мы) и *за­кона* (как систе­мы фор­мализованных и офи­циально принятых норм и полномо­чий). Решитель­ный отказ от социаль­но опас­ного и деструк­тивного легист­ского позитивизма, извращающего су­щность и пра­ва, и за­кона, а также при­роду взаи­моотношений инди­вида (общества) и политичес­кой власти (госу­дарства). Не­обходимо такое же решитель­ное искоренение во всех сфе­рах общественной жизни мно­гочисленных проявлений этого сер­вильного э­та­тистского (легистского) позитивизма, его полная элиминация.

Уже Гоббс по­нимал важ­ность разли­чения между пра­вом и за­коном: часто путают *jus* и *lex* — пра­во и за­кон, — но это совершенно недо­пустимо, по­скольку пра­во состо­ит в свободе де­лать или не де­лать, между тем как за­кон опре­деляет и обя­зывает к тому или ино­му обра­зу де­ла, как Джон Локк сфор­мулировал есте­ствен­ные и неотчуждаемые («дан­ные Богом») пра­ва че­ловека (в первую оче­редь) на *жизнь, свободу и соб­ствен­ность*, — при фунда­ментальном при­оритете пра­ва соб­ствен­ности (ибо и жизнь, и свобода — лишь раз­но­видности соб­ствен­ности), — имен­но с этого вре­мени *пра­во*, в отличие от *за­кона*, стало по­ниматься в Евро­пе как цен­ностно-норматив­ная систе­ма, состо­ящая из моральных и пра­вых прин­ципов — пре­жде всего! — *справедливости, свободы, равенства* (а имен­но: (а) равенства перед за­коном и (б) ан­тропологического равенства лю­дей как пред­ставителей че­ловеческого ро­да), а также из со­вокупности всех *бого­данных* пра­в и свобод че­ловека.

Пра­во, стало быть, пред­став­ляет со­бою морально-пра­вовую цен­ностную (ак­сиологическую) и нор­мативную систе­му, на основе прин­ципов ко­торой стро­ится развет­вленная и стро­го органи­зованная систе­ма фор­мализованных и офи­циально принятых норм и полномо­чий, т.е. за­кон, за­коно­дательство.

2. Дей­стви­тельное раз­деле­ние и отно­ситель­ная авто­номия вет­вей и уров­ней власти. Ре­альная, а не мнимая не­зависимость за­коно­датель­ной и су­дебной вла­стей от испол­нитель­ной.

3. Воз­растание сте­пени сво­боды и авто­номии лич­ности. За­кон может огра­ни­чивать сво­боду и в итоге соз­да­вать не­сво­боду лишь в той сте­пени, в ко­торой она не­об­ходима, чтобы не на­ру­шать сво­боду дру­гого.

4. Создание широкого поля потенциальных возможностей при помощи юридических (прежде всего – законодательных) средств. Ориентация законодательных и других юридически ответственных государственных органов на достижение общественной свободы, представляющей собою богатейший ареал потенциальных сценариев.

5. Соблюдение принципа справедливости как фундаментальной ценности морали, права и всей юридической области.

6. Гуманизация права и возрастание роли моральных ценностей и норм при оценке и законодательства, и социальной действительности. Реальное культивирование морали, права и закона во всей юридической области и социальной жизни в целом.

7. Выработка новой функции права и законодательства: и то, и другое становятся условиями и реальными механизмами общественного консенсуса и социального порядка.

8. Законодательство должно эффективно препятствовать узурпации власти и злоупотреблению ею.

9. Реальный и жесткий контроль гражданского общества (которое в России только еще предстоит создать) за деятельностью всех ветвей власти. Необходимо должны присутствовать в нашей жизни общественные (гражданские) структуры, организации, которые будут осуществлять экспертизу законодательной и любой другой нормативной деятельности государства и органов местного самоуправления. Это требование означает, что общество (гражданское общество) обязано и вынуждено (в целях самосохранения) защищать и оберегать право как ценностно-нормативную систему, представляющую собою фундамент как всей социальной жизни, так и законодательства.

10. Реальная свобода слова (мысли) и всей сферы массовой коммуникации.

11. Постоянное исправление (или отмена) не прошедших общественной легитимации законов.

12. Непрерывный (перманентный) логико-лингвистический анализ и «лингвистическая терапия» всего юридического языка. Его освобождение от мрачного и тяжелого марксистского наследия, от анахронизмов и вульгаризмов (типа понятий «объективная истина», или так называемой «теории отражения», или «науки» диалектики, или чудовищного представления о праве как некой «надстройке», колеблющейся на неведомом «базисе»).

Это – философские, а не сугубо юридические критерии правового прогресса (каковые также существуют, например, развитие коллизионного права). Безусловно, эти принципы нуждаются в уточнении и дополнении.

**FREEDOM AND POTENTIAL OPPORTUNITIES.
ESSAY ON LEGAL PROGRESS**

V.E. SEMYONOV

Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia

Summary

The article attempts to explicate the philosophical foundations and criteria for legal progress. The author believes that legal progress is, first of all, a substantial and permanent increase in the degree of moral and legal freedom and justice based on the values of law, regulatory and constitutive norms, with the help of legal agents, tools and procedures, and also the expansion of social fields of potential opportunities, in which freedom and justice are embodied and intersected. Freedom and justice make possible the situation of a sharp increase in potential opportunities. The growth of both the levels of freedom and justice is to a large extent carried out by a legal (legislative) path. Therefore, if we, guided by the values of freedom and justice, lay the specific imperatives of freedom and justice in the regulatory framework of society, then here is just the multiplier effect: freedom and justice in norms (law) generate freedom and justice in potential opportunities, and the last expand again the normative basis of freedom and justice. In this case, legal progress looks like a combination of legislative actions that increase the level of freedom and justice. So, the increase in the levels of freedom and justice, the expansion of the totality of the potential opportunities – these are the main philosophical criteria for assessing legal reality.

Keywords: moral progress, legal progress, fundamental values of freedom and justice, potential opportunities, elimination of etatist positivism.

Semyonov, Valeriy – D.Sc. in Philosophy, Professor at the Kutafin Moscow State Law University.

vesemenov7@mail.ru

Citation: *SEMYONOV V.E.* (2017) Freedom and Potential Opportunities. Essay on Legal Progress. In: *Philosophical Sciences*. 2017. Vol. 10, pp. 91-110.

КУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА КАК АЛГОРИТМ «ЛОКАЛЬНЫХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ»*

Р.П. ТРОФИМОВА,

*Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Россия*

П.С. СЕЛЕЗНЕВ,

*Финансовый университета при Правительстве Российской Федерации,
Москва, Россия*

Аннотация

Культурная политика является составной частью развития России не только как государства, но и как самостоятельной локальной цивилизации. Цивилизационный подход к развитию культуры и культурной политики России, а также США и Китая, качественно изменяет взгляд на эти процессы и позволяет дать некоторые сценарии ее дальнейшего развития. В результате предложенного анализа можно рассмотреть основные факторы (направления) государственной культурной политики этих цивилизаций как алгоритма их культурно-ценностных систем.

Задача данной работы состоит в том, чтобы раскрыть проблему введения нового алгоритма – «культурная политика», который включает более частные алгоритмы. Как цивилизационный алгоритм, «культурная политика» представляет собой понятие, обозначающее сущностную черту культурно-экономической системы (матрицы) локальной цивилизации. Основным принципом культурной политики как алгоритма «духовно-культурной матрицы» современной России является положение о том, что духовные и ценностные основы этой цивилизации, адаптированные к современным реалиям, должны быть положены в основу формируемой государством культурной политики.

Ключевые слова: глобализация, инновация, инновационная цивилизация, культура, культурная политика, традиция, традиционная цивилизация, цивилизационный подход.

Трофимова Роксана Павловна – доктор философских наук, профессор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

rtrofimova@inbox.ru

Селезнев Павел Сергеевич – доктор политических наук, доцент Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.

sps@fa.ru

* Исследование выполнено в рамках проекта Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) «Международные аспекты культурной политики России в постсоветский период», грант № 15-23-21002.

Цитирование: ТРОФИМОВА Р.П., СЕЛЕЗНЕВ П.С. Культурная политика как алгоритм «локальных цивилизаций» // Философские науки. 2017. № 10. С. 111–120.

Культурная политика является составной частью развития России не только как государства, но и как самостоятельной, исторически сложившейся локальной цивилизации. Если культурная политика государства формируется и осуществляется в пределах страны, то ее основные ценностные алгоритмы действуют в пределах всей Русско-православной цивилизации (А. Тойнби), которые сегодня все ведущие цивилизациологи называют Российской цивилизацией. Именно государственность, возведенная в культ, определяет по-прежнему в наше время как внутреннее направление развития культуры, понимаемое в широком смысле слова, так и ее международные особенности и тенденции взаимоотношений с мировой культурой.

Это же проявляется при анализе всех локальных цивилизаций современного мира, в том числе североамериканской и китайской цивилизаций.

В данной работе, обращаясь к особенностям развития этих цивилизаций с точки зрения развития их культурной политики, важно кратко изложить методологию моделирования «локальных цивилизаций», в которую мы вводим дополнительные алгоритмы [Трофимова 2011, Трофимова 2014, Trofimova 2017], связанные с культурной политикой как системой, играющей значительную роль в становлении и развитии конкретно-исторических цивилизаций.

Цивилизационно-компаративный подход к исследованию конкретно-исторических цивилизаций предполагает их изучение как общественных устойчивых систем всех оснований объединения людей, их общностей и культур, опирающихся на преобладающую совокупность технологий, информационных и ценностных отношений.

Подобное понимание локальной цивилизации дает возможность ее глубокого изучения не как государственного или географического образования, а как «культурно-исторического типа», который не ограничен географическими или политическими рамками, а имеет единое поле взаимодействия общих технологий, стягивающих информационных полей и широкой шкалы духовных и материальных ценностей.

На основе данного понимания локальной цивилизации далее мы попытаемся рассмотреть основные факторы — *алгоритмы* — подобных общественных образований и систему их возможного моделирования.

Важно отметить, что цивилизационный подход позволяет выявить *культурно-экономические детерминанты локальных цивилизаций*. Их пристальное изучение показывает, что основы таких социальных образований составляют национальные культуры, образующего цивилизацию

этноса или суперэтноса. Например, американские цивилизациологи, в частности А. Тойнби и С. Хантингтон, выделяют русско-православную цивилизацию, руководствуясь особенностями национальной культуры русского суперэтноса, долгие столетия опиравшегося на традиции православия, а китайскую – на основе конфуцианства и буддизма.

Классическая концепция теории цивилизаций от Н.Я. Данилевского, О. Шпенглера, А. Тойнби до С. Хантингтона рассматривает мир в единстве его многообразия. Это единство включает в себя в **данный квант времени** существование на Земном шаре взаимодействующих локальных (конкретно-исторических) цивилизаций, о чем уже говорилось выше, в рамках единого развития человечества, которое можно назвать глобальной цивилизацией.

Мы глубоко уверены, что в классической теории заложены основы цивилизациологии, которые подтверждаются самой историей человечества. Так, локальные цивилизации древности формировались цивилизационно образующими этносами, окруженные варварскими племенами, многие из которых так или иначе постепенно включались в жизнедеятельность цивилизации. В этом процессе складывается **ядро локальной цивилизации**. Здесь мы полностью согласны с позицией Б.Н. Кузыка и Ю.В. Яковца [Кузык, Яковец 2006–2008]. С их точки зрения, формируется три пояса цивилизации. Самый первый и основной – это «неизменное наследственное ядро». Его обволакивает «пояс наследственной изменчивости». Над этим поясом надстраивается «пояс полной трансформации». Они составляют социальный генотип локальной цивилизации. Именно в этом вопросе и возникают сомнения.

Для разрешения этих сомнений нами предлагается **матрично-алгоритмическая концепция** формирования и существования любой локальной цивилизации, при условии, что это **общественное образование развивается самостоятельно и автономно**. Понятие генотипа может работать, но не является определяющим в этой концепции, так как в истории не прослеживается генетическая связь между локальными цивилизациями. Ее можно предположить только в случае «порождающих локальных цивилизаций», к которым можно отнести античную и западноевропейские цивилизации.

История показывает, что каждая локальная цивилизация, рождаясь, формирует свое цивилизационное ядро. Оно составляет основу, матрицу или архетип локальной цивилизации. **Матрицу (архетип) цивилизации можно обозначить как культурно-экономическую систему**, состоящую из переплетенной системы взаимосвязанных элементов, **алгоритмов** матрицы локальной цивилизации.

Основу цивилизационного ядра матрицы составляет культура в том широком понимании, которое дается выше и которое включает в себя

экономику, а также все выделенные Б.Н. Кузыком и Ю.В. Яковцом составляющие [Кузык, Яковец 2006–2008]. Это ядро мы обозначаем термином *«культурно-экономическая система»*. Культурно-экономическая система состоит из взаимопереплетающихся элементов. Эти *алгоритмы* представляют собой *понятия, обозначающие сущностную черту, доминанту матрицы, культурно-экономической системы (матрицы) локальной цивилизации*. Они равнозначны и каждый из них в определенный момент («квант истории») развития цивилизации может стать для нее определяющим.

Образование первичной культурно-экономической системы как ядра локальной цивилизации означает рождение локальной цивилизации, которая постепенно, сохраняя ядро, обростает, возможно, более обширными «поясами наследственной изменчивости и полной трансформации». Другими словами, основа тела локальной цивилизации обростает плотью и начинает жить активной жизнью. Так, основные алгоритмы ядра российской цивилизации складываются у ее русского, но по своей природе славянско-тюрского, цивилизационно образующего этноса задолго до 988 г. В китайской цивилизации этот процесс можно отнести к XV в. до н.э. Ведущими алгоритмами становятся религиозно-мифологические, информационные (складывающаяся письменность т.д.), государственно-политические и экономические алгоритмы. По мнению как древних китайцев, так и древних руссов, они были даны им богами. Их качественное наполнение определило жизнь цивилизации на тысячи лет.

Матричная концепция вводит понятие *«качественное наполнение содержания алгоритма цивилизации»*. Оно обозначает различие, которое существует в самом содержании алгоритма. Другими словами, само содержание алгоритма развивается и меняется в зависимости от множества условий существования цивилизации, но в своем ядре они крайне устойчивы.

Среди многочисленных алгоритмов, определяющих развитие локальной цивилизации, особо выделяются культурно-ценностная система, частью которой становятся основные факторы и направления культурной политики, осуществляемой на том или ином этапе развития цивилизации. Нашей задачей является проблема введения нового алгоритма – «культурная политика», которая включает более частные алгоритмы.

В исследованиях русских цивилизациологов разрабатывается матрично-алгоритмическая концепция локальной цивилизации. Она предполагает возможность создания теоретической модели «локальной цивилизации», сравнения ее с другими подобными культурно-экономическими системами и выявления как сильных, прогрессивно развивающихся в системе алгоритмов, так и слабых, которые тормозят ее развитие и приводят к стагнации, а иногда и гибели. Одной из за-

дач нашей работы является выявление через сравнение особенностей культурной политики как алгоритма трех ведущих цивилизаций – России, Китая и Северной Америки.

Основным принципом культурной политики как алгоритма [Основы государственной политики 2014], «духовно-культурной матрицы» современной России является положение о том, что духовные и ценностные основы Русской цивилизации, адаптированные к современным реалиям, должны быть положены в основу формируемой государством культурной политики.

Кратко остановимся на принципах этой модели. Культура цивилизационно образующего этноса или суперэтноса сама состоит из целой группы культурно-ценностных алгоритмов. Они определяют доминирующую культурно-экономическую систему локальной цивилизации, общественное сознание и тип менталитета личности. На формирование менталитета локальной цивилизации оказывают воздействие и влияние более сорока факторов, которые привели к формированию практически как двух типов менталитета, так и двух ментальных типов личности. Так, в Европе и Америке – это личность с менталитетом так называемого «аристотелевского» типа, с ярко выраженным рациональным началом, определяемым категорией «истина», системообразующими идеями «свободы», «подчинения закону», «естественных прав человека».

В России и Китае ярко выражен «сократо-платоновский» тип ментальности с большой чувственно-мифологической компонентой, ярко окрашенный моральностью и поиском «правды». Системообразующими идеями в этом типе выступают «служение, милость, мученичество», а также абстрактное понимание «демократии, свободы, закона». Кроме ведущих культурно-ценностных алгоритмов «Тип ментальности» и «Системообразующие идеи» важно выделить культурные алгоритмы, соответствующие формам общественного сознания: политике, праву, морали, религии, искусству, философии.

В государственных программах культурной политики как России, так и Китая обозначены основные принципы ее построения. Важно установить их внутреннюю связь с ментальностью цивилизации. Эти принципы, становящиеся алгоритмами, включают положения о влиянии культуры на все аспекты политики государства и сферы жизни общества и одновременно понимание культуры как неотъемлемой части мировой культуры.

Успешное осуществление в реальной действительности этих принципов, в конечном счете, во многом определяет прогрессивное развитие локальной цивилизации, и ее ответ на вызовы истории. И несмотря на разноречивость этих направлений развития культурной жизни России, их вполне можно выделить и обозначить как

дополнительные алгоритмы развития культурно-ценностной модели той или иной цивилизации. Они обозначают особенности развития культуры, понимаемой в более широком плане, чем это было раньше, т.е. не только как художественную культуру, а как *общественную социальную систему материальных и духовных ценностей*.

Обратимся к краткому анализу основных направлений развития культурной политики России как ведущих культурных алгоритмов. Их можно объединить в систему согласно их культурной направленности в развитии России. Эти 12 наиболее частных алгоритмов включают: 1) наследие культуры; 2) родной язык суперэтнуса; 3) литература, созданная на этом языке; 4) национальные культуры народов, проживающих совместно с цивилизационно-образующим этносом; 5) информационная система; 6) творческие коллективы; 7) институты культурных государственных и частных инициатив; 8) архитектура и среда; 9) научные исследования в области культуры; 10) образование в сфере культуры; 11) законодательство в области культуры; 12) свобода творчества.

Содержательное конкретное наполнение этих алгоритмов, их компаративное исследование позволяет выявить основные линии развития культурной политики как России, так и Китая и Северной Америки на современном этапе развития. В этом плане важно учитывать, что содержательно локальные цивилизации можно условно разделить на «традиционные» и «инновационные» образования. Они отличаются по своим матрицам, в том числе и в действии выше обозначенных алгоритмов.

Если принять к анализу только общий алгоритм «Культурная политика» с расшифровкой его с помощью подсистемных алгоритмов, то сравнение культурной политики, ее задач и моделей совершенствования выглядит как близкая между Россией и Китаем, и резко отличается от культурной политики стран Северной Америки, в первую очередь США.

Обратимся кратко к анализу близости российской и китайской цивилизаций с позиций их культурной политики. Эти цивилизации в своей основе имеют древние культурно-экономические системы, опирающиеся на традиционно устойчивое культурно-ценностное ядро с доминантой государственной власти. Эта власть в обеих цивилизациях выступает как экономический субъект – собственник с допущением частного капитала, который не определяет лицо их экономики. В связи с этим культурная политика и культурная жизнь этих общественных систем подчиняется и контролируется государством. В случае сегодняшнего Китая еще и Компартией Китая. Об этом свидетельствуют документы: Закон об основах культурной политики России [Основы государственной политики 2014] и документы специального Пленума ЦК КПК 17-го созыва,

оформленные Постановлением ЦК КПК «О некоторых важных вопросах относительно углубления реформы культурной системы, продвижения развития и процветания социалистической культуры» [Постановление специального Пленума ЦК КПК 17-го созыва 2011]. Руководители КПК, акцентируя свое внимание на культурной политике как одном из условий внешней и внутренней безопасности, выдвигают те же задачи и принципы, что и руководителя российского государства [Основы государственной политики 2014]. Этот факт свидетельствует о том, что данные цивилизации достаточно близки по своей внутренней системе. Так, традиционная культура и цивилизационные ценности стали важнейшими составляющими национальной безопасности страны и ее совокупной мощи. Министр культуры КНР госпожа Цай У на открытии центра «мягкой силы» на базе Пекинского университета 29 сентября 2014 г. заявила: «Страна должна повысить уровень культурной силы для того, чтобы доминировать в глобальном соревновании по ее использованию». Комплексная стратегия «могущественного культурного государства» утверждена в октябре 2011 г. на шестом пленуме ЦК КПК 17-го созыва [Постановление специального Пленума ЦК КПК 17-го созыва 2011].

Совершенно другую картину мы видим в инновационных цивилизациях, например, в США. В цивилизациях этого типа государство функционирует как «государство-менеджер». В североамериканской цивилизации до 1965 г. вообще отсутствовал механизм государственного финансирования культуры и искусства, а их поддержка осуществлялась в соответствии с общеизвестным принципом «длинной руки» исключительно негосударственными фондами, численность которых в США составляет свыше 25 000. Американское государство проявляет интерес к культуре, но в основе этого интереса находится деление культурного пространства *на три* составляющие.

Первая составляющая охватывает культуру вообще, понимаемую в антропологическом смысле как совокупность нравов и обычаев, присущих данному сообществу. Эта культура складывается и функционирует стихийно, естественным образом, и не нуждается в каком-либо вмешательстве извне.

Вторая составляющая фактически совпадает с массовой культурой, которая является продуктом культурной индустрии, образующей отдельный сектор экономики и подчиняющейся законам рынка. Американская массовая культура, безусловно, является господствующей, причем не только внутри страны, но и за ее пределами. Ее господство становится все более глобальным. Она проникает в традиционные цивилизации, такие как Россия и Китай. Рыночный характер массовой культуры делает участие в ней государства не обязательным и, возможно, ненужным.

Третья составляющая включает в себя главным образом традиционную художественную культуру, классическое искусство. Здесь участие государства или какая-либо другая внешняя поддержка представляются необходимыми. Хотя в США культура и искусство находятся в ведении штатов и городов, принятый в 1887 г. закон позволяет федеральному правительству выделять соответствующие субсидии, а с 1960-х гг. практика дотаций становится все более широкой. Распределением субсидий занимаются три специальных агентства: Национальный фонд искусства и культуры, Национальный фонд гуманитарных наук и Институт музеев и библиотек. Финансовую помощь культуре и искусству оказывают также многие частные фонды, наиболее известным из которых является Фонд Рокфеллера.

В отличие от Америки, в России, несмотря на внимание государства к вопросам культурного развития, в последние годы сфера культуры находится в жестких рамках рыночных отношений, что существенно сказывается на ее состоянии. Здесь еще не созданы механизмы новой экономики, бюджетные вложения в культуру уже резко снизились (и в процентном, и в абсолютном значении), большинство принятых органами власти нормативных актов, регулирующих отношения в этой сфере не выполняются. Резко ухудшилось материальное положение как отрасли культуры в целом, так и творческих работников. Это происходит в ущерб внедрению в общественное сознание традиционных для российской ментальности норм и ценностей, к снижению нравственного уровня общества, особенно молодежи.

Этот пример широкой культурной деятельности показывает, что выделение основных алгоритмов (параметров) развития культурной политики современной России крайне актуально. Оно помогает подойти грамотно и решить конкретно те прогрессивные задачи, которые стоят не только перед Россией, но и всей мировой цивилизацией.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Гринин 2006 – *Гринин Л.Е.* Периодизация истории: теоретико-математический анализ // История и Математика: проблемы периодизации исторических макропроцессов / ред. А.В. Коротаев, С.Ю. Малков, Л.Е. Гринин. – М.: КомКнига/URSS, 2006. С. 53–79.

Кузык, Яковец 2006–2008 – *Кузык Б.Н., Яковец Ю.В.* Цивилизации: теория, история, диалог, будущее. Т. I–IV. Цивилизации: прошлое и будущее. – М.: Институт экономических стратегий. – М., 2006–2008.

Основы государственной политики 2014 – Основы государственной культурной политики. Проект. – М., 2014.

Постановление специального Пленума ЦК КПК 17-го созыва 2011 – Постановление специального Пленума ЦК КПК 17-го созыва «О некоторых

важных вопросах относительно углубления реформы культурной системы, продвижения развития и процветания социалистической культуры». 2011. – URL: <http://russian.cri.cn>841/2011/10/20/1s401204.htm>

Трофимова 2011 – *Трофимова Р.П.* Метафизика цивилизациологии. – М.: Финансовый университет, 2011.

Трофимова 2014 – *Трофимова Р.П.* Философия цивилизаций. – Charleston, SC., USA. 2014.

THE CULTURAL POLICY AS ALGORITHM OF «LOCAL CIVILIZATIONS»

R.P. TROFIMOVA,

*Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia*

P.S. SELEZNEV

*Financial University under the Government of the Russian Federation,
Moscow, Russia*

Summary

The cultural policy is an integral part of Russia as a local independent civilization. A civilizational approach to the development of culture in Russia qualitatively alters the research of these processes and enables scenarios of its development. The proposed analysis may generate the development of three scenarios: progressive, retrogressive and stagnating. This research examines the development of these scenarios in the cultural policy of the Russian civilization in the post-Soviet period.

The task of this work is to solve the problem of introducing a new algorithm – “cultural policy”, which includes more specific algorithms. As a civilizational algorithm, “cultural policy” is a concept that denotes an essential feature of the cultural and economic system (matrix) of the local civilization. The main principle of cultural policy as an algorithm of the “spiritual and cultural matrix” of modern Russia is the provision that the spiritual and value basis of this civilization, adapted to modern realities, should be included in the basis of the state-formed cultural policy.

Keywords: algorithm of local civilization, globalization, innovation, innovative civilization, culture, cultural policy, tradition, traditional civilization, civilizational approach.

Trofimova, Roxana – D.Sc. in Philosophy, Professor of Financial University under the Government of the Russian Federation.

rtrfomova@inbox.ru

Seleznev, Pavel – D.Sc. in Politics, Associate Professor of Financial University under the Government of the Russian Federation.

sps@fa.ru

Citation: TROFIMOVA R.P., SELEZNEV P.S. (2017) The Cultural Policy as Algorithm of «Local Civilizations». In: *Philosophical Sciences*. 2017. Vol. 10, pp. 111-120.

REFERENCES

Decision of the Special Plenary of the 17th Central Committee of the Communist Party of China (2011). *About Some Important Questions Concerning the Deepening Reform of the Cultural System, Advancement of the Development and Prosperity of the Socialist Culture* (in Russian).

Fundamentals of State Cultural Policy (2014). Project, Moscow (in Russian).

Grinin L. (2006) Periodization of History: Theoretical-mathematical Analysis. In: Korotaev A., Malkov S., Grinin L. (eds.) *History and Mathematics: Problems of Periodization a Historical Macroprocesses*. Moscow, pp. 53–79 (in Russian).

Kuzyk B., Yakovec Yu. (2006-2008) *Civilizations: Theory, History, Dialogue, the Future*. Vol. I-IV. *Civilizations: The Past and the Future*. Institute of Economic Strategies, Moscow (in Russian).

Trofimova R. (2011) *Metaphysics of Civilizationalogy*. Financial University, Moscow (in Russian).

Trofimova R. (2014) *Philosophy of Civilizations*. Charleston, SC., USA (in Russian).

ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ИММИГРАЦИОННЫМИ И ЭМИГРАЦИОННЫМИ ПОТОКАМИ

А.В. ВОРОПАЕВА

*Центр исследования межнациональных отношений,
Институт социологии РАН, Москва, Россия*

Аннотация

Международная миграция населения приобрела глобальный характер, затронув многие страны мира. Все государства связаны экономикой, поэтому правовое регулирование въезда на территорию другого государства является существенным фактором во взаимоотношениях государств. В этом процессе нелегальность миграции стала мировой проблемой, затрагивающей экономический кризис. Незаконная трудовая миграция контролируется заинтересованными группами в странах происхождения этих мигрантов. С усиливающимся миграционным потоком в России резко возрастает количество межнациональных конфликтов. Заключение двухсторонних и многосторонних соглашений о реадмиссии является важным направлением в миграционной политике РФ. Рeadмиссия позволяет не только бороться с незаконной миграцией, но и способствовать защите по безопасности своей страны от преступности и правонарушителей. Договор о реадмиссии – цивилизованное принятие решения, в котором участвуют две стороны по вопросу о судьбе конкретного мигранта. Продолжается переговорный процесс Российской Федерации по подготовке международных договоров о реадмиссии с государствами-участниками СНГ, странами дальнего зарубежья, прежде всего, с Китаем. Международное сотрудничество по реадмиссии – эффективное противодействие нелегальной миграции, в процессе которого необходимо соблюдать принципы и нормы международного права.

Ключевые слова: миграция, нелегальная миграция, граждане третьих стран, договор, реадмиссия, транзит, депортация.

Воропаева Ася Васильевна – кандидат философских наук, доцент, старший научный сотрудник группы конфликтогенности миграции Центра исследования межнациональных отношений, Институт социологии РАН.

voropaeva@isras.ru

Цитирование: ВОРОПАЕВА А.В. (2017) Проблемы регулирования иммиграционными и эмиграционными потоками // Философские науки. 2017. № 10. С. 121–130.

Мировое сообщество, страны которого отличаются друг от друга и политикой и культурой, стремится жить единой экономической жизнью, используя общую для всех современную технику, технологии и др. Но любое массовое перемещение людей нарушает образ жизни и социальную организацию в обществе, разрушает существующую систему связей.

В современном мире массовая миграция приобрела глобальный характер, затронув многие страны. Основным мотивом трудовой миграции можно назвать экономический, но никак нельзя исключать и другие мотивы мигрантов, которые уезжают по политическим, военным, религиозным, стихийным и другим причинам. Сегодня глобальные мировые проблемы (катастрофы, масштабные войны, игнорирование прав человека) являются одними из основных. Число беженцев в мире, по сообщениям в СМИ, более 20 млн. человек.

Международные миграционные перемещения оказывают существенное экономическое, социально-культурное и демографическое воздействие на страны выезда, транзитные и принимающие страны в таких вопросах, как безработица, права человека, социальная интеграция, ксенофобия, национальная безопасность и т.д..

Еще в период восстановления послевоенной экономики европейские страны заключали между собой соглашения о контроле за границами, предусматривавшие ответственность стран за незаконный въезд или пребывание собственных граждан на территории другой страны. Договор в основном действовал в отношении трудовой миграции. Но далее актуальным становится распространение этих обязательств на граждан третьих стран и лиц без гражданства. Распад Советского Союза повлек за собой увеличение потока мигрантов и из постсоветского пространства. Столкнувшись с этой сложной проблемой, Германия начала обсуждение о необходимости остановить миграционные процессы и одновременно о решении проблемы интеграции различных групп мигрантов в немецкое общество (овладение мигрантами немецким языком, адаптации к нормам поведения и принятие культурных традиций Германии). Недовольство наплывом приезжих у коренных жителей вызывает не чужая этнокультурная специфика, не иная вера, а их неадаптированность в обществе, в котором они живут, воспринимая новую общество только как экономическую среду на основе собственных социокультурных стандартов. Отказ национальных общин мигрантов от ассимиляции, от ценностей нового для них общества, чужой культуры оказывается неадекватным в новой культурной среде. Растет ксенофобия. Поднимают голову ультраправые и националистические партии и движения, используя различные конфликты в политических целях, что наносит ущерб обеспечению стабильности общества. Эти социо-культурные различия бесследно не исчезают, а сохраняются в своей внутренней идентичности.

В миграционной политике различных стран были ошибки, которые одновременно отражались на социально-культурных проблемах общества. С 2013 и по 2016 гг. около 2/3 беженцев высланы из Германии обратно в те страны, откуда они прибыли. По опубликованным

данным Германией были отправлены в страны первичной регистрации (по Дублинскому соглашению) 42 980 человек [Метц 2016, 70].

Во Франции огромный приток мигрантов из бывших африканских колоний, которые считают, что эта страна обязана им предоставить гражданство и различные привилегии. Такой миграционный напор позволил уже детям мигрантов первой волны сформироваться дезадаптантами, страна для них осталась с чужими законами и чужой культурой. Для детей мигрантов Франция разработала систему школьной адаптации, но слабая мотивация к обучению у арабских детей, идущая из семейных установок, привела их к враждебности и агрессии. Все происходящее в последние годы во Франции говорит об ошибках иммиграционной политики. Поток мигрантов подвел руководство страны к изоляционистским мерам. Миграционные потоки начинают жестче контролироваться с целью их уменьшения, и резко ужесточается борьба с нелегальной миграцией.

В миграционном процессе **нелегальность миграции** стала глобальной проблемой. Одна из причин этой проблемы заключается в том, что мигранты, въехавшие нелегально или оставшиеся в стране нелегально после истечения официального срока, представляют для работодателей самую дешевую и бесправную рабочую силу. Например, большинство «нелегалов» на греческом рынке труда – жители Албании, Польши, Филиппин и понтийские греки из бывшего СССР. Они не претендуют на хорошо оплачиваемые рабочие места на заводах, фабриках, учреждениях, поэтому большое количество нелегальных рабочих оборачивается для Греции большой потерей неоплаченных налогов.

Во-вторых, миграционный процесс стал источником конфликтов между коренными жителями, с одной стороны, и иммигрантами – с другой. Акцентируя внимание на характере действий сторон, обнаруживается основной признак конфликта – восприятие его участником поведение другой стороны как ущемление своих материальных и духовных желаний. Именно ценности, нормы, стандарты поведения становятся причинами конфликтов людей разных национальностей. Рассматривая обе конфликтующие стороны, необходимо понимать не только тех, которые оказались в трагической роли переселенца, но и ту сторону, которая принимает этих людей, сталкивающихся с множеством проблем.

В последние годы по степени общественной опасности нелегальная миграция выходит на одно из первых мест среди новых вызовов и угроз. Незаконная миграция и нелегальная трудовая деятельность мигрантов негативно влияют на различные стороны жизни общества и государства. Они несут в себе угрозу национальной безопасности страны, приводят к росту теневой экономики и коррупции, усилению социальной напряженности. Незаконная миграция является источ-

ником пополнения рядов этнических преступных группировок, специализирующихся на контрабанде наркотиков, незаконном обороте оружия, торговле людьми, организации нелегальной миграции.

Для России особенно важную роль играют приграничные зоны, так как страна обладает самой большой в мире границей сопредельных государств. Вместе с тем неконтролируемые процессы, мощная коррупционная составляющая в сфере миграции, количество мигрантов в тех или иных регионах привели к множеству проблем. Гуманные российские законы создают возможность продолжительному пребыванию иммигрантов на территории России из-за невозможности получения убежища в третьих странах.

Вот некоторые примеры. В «Вести.ру» в январе 2016 г. была информация, что транзитом через Россию в Норвегию проникли около 5,5 тысяч мигрантов из Сирии, Афганистана, Пакистана, Ирана, Ирака, Индии и Непала. Норвежские власти заявили, что не представят убежище иммигрантам, так как они приехали из безопасной страны, что позволяет закон выдворять их обратно. Ранее РФ и Норвегия заключили соглашение о реадмиссии, но сейчас обсуждается доработка этого договора по решению подобных проблем. Правительство Норвегии рассматривает возможности возвращения мигрантов непосредственно в те страны, откуда они нелегально прибыли в РФ. Надо понимать, что лицо, подвергшееся реадмиссии, не совершило преступлений на территории России, а виновато в том, что незаконно пребывает либо на территории нашей страны, либо другого государства, но транзитом через Россию.

Поскольку во многих странах законодательным путем строго регламентируется приток иностранной рабочей силы, возросло ее нелегальное проникновение через государственные границы. Так, в США, например, незаконно проживает по некоторым источникам до 13 млн рабочих иммигрантов, проникающих через мексиканско-американскую границу, т.е. около 90% иностранцев, въезжающих в США нелегально.

Европа безусловно нуждается в мигрантах, но предпочтение при въезде в европейские страны дается квалифицированным кадрам, а также вводится упрощенный режим для рабочих в сфере обслуживания и производства, которые не престижны для местного населения. Мировым сообществом признано, что одним из наиболее эффективных инструментов в миграционном процессе в сфере противодействия нелегальной миграции является использование принудительного возвращения нарушающих закон мигрантов. Государства вынуждены заключать соглашения с разными странами о **реадмиссии** (to readmit – «принимать назад»), т.е. договор о взаимных обязательствах государств о принятии обратно своих незаконно пребывающих на территории другого государства граждан. Граждане

третьих стран и лица без гражданства, незаконно прибывающие на территорию страны или остающиеся там без законных оснований, по реадмиссии депортируются не в страну происхождения мигранта, а в страну, из которой он непосредственно прибыл. Если он и там раньше пребывал нелегально, то при заключении соответствующего соглашения о реадмиссии он может быть депортирован далее. В договоре предусматриваются технические возможности для управления процессом перемещения нелегальных мигрантов, т.е. правила возмещения затрат и соблюдения международных прав и обязательств.

В России договор о реадмиссии касается, прежде всего, граждан из государств старого зарубежья: сирийцев, афганцев, сомалийцев, курдов, иракцев, ангольцев, покинувших места проживания ввиду нестабильной или военной обстановки в их странах, а также вьетнамцев, китайцев, иранцев, шриланкийцев, индусов, заирцев и других. Эти мигранты в основном совсем не знают русского языка, совершенно не знакомы с российским законодательством. К тому же в большинстве их стран, откуда они прибыли, весьма тяжелая эпидемиологическая обстановка, поэтому мигранты представляют опасность для РФ. Основная масса из перечисленных иностранных граждан рассматривает Россию только в качестве транзитного пункта и пытается любыми способами выехать в развитые капиталистические страны, избегая в большинстве своем учета и регистрации. Но есть среди них желающие получить статус беженца, политическое убежище и обосноваться именно в России. Для работы с ними требуется большое число специалистов со знанием редких языков, а содержание этих лиц во время рассмотрения их ходатайств оценивается десятками миллионов рублей за одну семью. Затраты на адаптацию и размещение этих лиц, согласно действующему законодательству и конвенции ООН, целиком должны осуществляться за счет средств федерального бюджета, что в настоящей экономической ситуации является непосильным для Российской Федерации.

Чрезвычайно важен вопрос о всеобъемлющих договорах между Россией и различными государствами по вопросам иммиграции и эмиграции, по соглашениям о реадмиссии, начиная от проблем въезда-выезда до вопросов организации процедуры депортации незаконных мигрантов. Сейчас в миграционной сфере РФ действуют около 800 законов, которые пересекаются друг с другом, поэтому это законодательство затрудняет его применение на практике.

В целях содействия гражданам РФ в их трудоустройстве за рубежом и упорядочении трудовой эмиграции были заключены соответствующие соглашения с ФРГ, Швейцарией, Беларусью, Украиной, Молдовой, КНР, СРВ, Финляндией, Словакией и Польшей, что является созданием надежной системы социальной защиты для трудовых мигрантов, российских граждан, в период их работы за рубежом

и по возвращении в Российскую Федерацию [Федеральные законы. Официальный сайт].

Глава ФМС К. Ромодановский, выступая в Государственной Думе, подчеркнул, что соглашения между Российской Федерацией и Европейским Союзом о реадмиссии от 25 мая 2006 г. продолжают развиваться. В качестве доказательства привел конкретные цифры: за прошедший период в ФМС России поступило более 9000 ходатайств о реадмиссии из стран ЕС. В результате на территорию Российской Федерации возвращено 1604 гражданина России. В этой связи напомним, что 11 октября 2012 г. было подписано соглашение о реадмиссии между Россией и Киргизстаном, согласно которому все транспортные расходы, связанные с отправкой гражданина в страну гражданства, будут финансироваться российской стороной. При этом глава ФМС официально объявил о том, что в скором времени подобные документы могут быть подписаны с Таджикистаном и Узбекистаном. Но он обратил внимание и на то, что значительное количество гостей, в основном из стран СНГ, продолжают жить по своим правилам, и нарушают российские законы, обоснованно вызывая раздражения нашего населения. Подтверждение этому цифры: в текущем году преступлений, совершенных мигрантами в Москве, стало больше на 40%, а тяжких — на 70%. Причем чаще всего на своих жертв они нападают организованными группами. Количество гастарбайтеров, получивших российское гражданство, исчисляется уже миллионами. Поэтому современная ситуация ставит вопрос о визовом режиме въезда мигрантов с территории этих стран в Россию. В последнее время по данным ВЦИОМ идею ужесточить миграционное законодательство поддерживают 77% респондентов [Ивановский 2013].

Кроме перечисленных проблем необходимо подчеркнуть и то, что соглашения между странами тесно связаны с обеспечением социальной стабильности общества и государственной безопасности. Немало примеров, когда люди прибывают в Россию для ведения незаконной коммерческой деятельности, включая торговлю оружием и наркотиками, незаконную переправку рабочей силы в Западную Европу. Вместе с этими людьми проникают бандиты и террористы, среди которых немало бывших российских граждан, хорошо подготовленных террористическими организациями.

В приграничных зонах России, о чем мы уже говорили выше, происходит непосредственное соприкосновение различных социокультурных сообществ и активное экономическое сотрудничество, и этот процесс играет особенно важную роль. Роль добрососедства является важнейшим условием как политической стабильности, так и экономического развития. Но незаконная трудовая миграция контролируется заинтересованными группами в странах происхождения этих мигрантов. Используя различные источники (официальные каналы,

мигрантские и криминальные сети), они создали устойчивую систему получения информации о потребностях в иностранной рабочей силе на региональных рынках труда и быстро реагируют на меняющуюся конъюнктуру спроса и предложения. Таким образом, в субъектах РФ сложилось негласное разделение труда по территориям и сферам деятельности между различными этническими группами мигрантов. К примеру, в восточных областях, с одной стороны, развивается тенденция сокращения притока трудящихся-мигрантов из стран СНГ, а с другой, — тенденция возрастания притока мигрантов из стран дальнего зарубежья, прежде всего Китая [Дмитриев 2015, 16–29].

Китайских нелегальных мигрантов различные источники СМИ рассматривают как массовый и вполне организованный миграционный процесс. Китайские нелегальные мигранты сосредоточены в сфере теневой экономики. Китай, где реадмиссия намеренно невозможна, так как отказывает выдавать своим гражданам свидетельства на возвращение и паспорта даже в том случае, если их депортируют. Так Китай увеличивает собственную диаспору за границей. Основной формой нелегальной деятельности является работа по найму без оформления необходимого разрешения на право трудовой деятельности; занятие запрещенными законом видами деятельности (организация проституции, торговля оружием и людьми, распространение наркотиков, порнографии и т.д.). Поэтому китайская нелегальная миграция таит в себе риск нарушения межэтнического баланса и наибольший потенциал напряженности и конфликтов с принимающим обществом [Дмитриев 2015, 16–29]. Меняется и отношение российского общества к китайцам, переходя от доброжелательности к настороженности и негативным оценкам китайской миграции. Усиливающаяся миграция населения между двумя странами требует формирование культуры межэтнического общения, преодолевать негативные установки, стереотипы и предубеждения. С этой целью необходимо организовать сотрудничество на определенных принципах толерантного поведения — признание равноправия участников общения, уважение традиций, ориентация на общечеловеческие ценности и др.

Российский бюджет терпит колоссальные убытки в связи с выдворением из страны нарушивших миграционное законодательство граждан СНГ. Миллиарды необлагаемых налогами долларов уходят из нашей страны ежегодно на родину мигрантов. Одними только гражданами Таджикистана, по данным Всемирного банка, в 2011 г. было отправлено 3,35 млрд долл., что составило 47% ВВП страны. Ежедневно на заработки в нашу страну въезжают миллионы граждан большинства республик бывшего СССР. Во всех регионах России с усиливающимся миграционным потоком резко возрастает количество межнациональных конфликтов. Единственно возможное решение в сложном миграционном процессе — это значительно со-

кратить количество мигрантов, что возможно только через введение визового режима. В Российской Федерации сейчас находится более 10 млн мигрантов, за год их количество может увеличиться до 17 млн [Ивановский, 2013].

В конце 2015 г. на заседании Европейского совета государств и правительств обсуждались пути совершенствования политики ЕС по возвращению мигрантов и вопросы заключения соглашений о реадмиссии со странами, из которых прибывают беженцы в ЕС; действия ЕС по разрешению кризиса с беженцами в связи с тяжелой военной ситуацией в Сирии [Федеральные законы. Официальный сайт]. Многие страны выступают за расширение международного сотрудничества в области эффективного регулирования миграции. Растет число стран, создавших координационные механизмы в рамках государственных учреждений по соглашениям о реадмиссии. Рeadмиссия – универсальный правовой инструмент, который позволяет странам в двустороннем порядке оперативно решать возникающие вопросы, проведение необходимых процедур компетентными органами, ответственными за реализацию соглашения.

Миграционное законодательство повсеместно не успевает за реалиями жизни. Современные проблемы нелегальной миграции имеют глубокие корни, связанные с социально-политической и экономической средой, и проявляются: в коррумпированности местных администраций, таможенных органов, контролирующих инстанций; в экономическом интересе местных предпринимателей, использующих дешевую рабочую силу; в слабом миграционном контроле и правовой неразберихе, отсутствии четко разработанной программы, направленной на регулирование и контроль за привлечением и использованием иностранной рабочей силы. Военные действия в Сирии, сложившаяся политическая неразбериха в Европе, турецкая «дипломатия» привели к увеличению массы мигрантов в обществе до критических 10–15% и спровоцировала страны ЕС к изоляционистским мерам. Для формирования современных межкультурных отношений необходимо новое восприятие специфических тенденций миграции, процессов трансформации в обществе. Усиливается необходимость в четкой миграционной политике, которая позволила бы преодолеть негативные последствия и конструктивно использовать преимущества международной миграции населения. Поэтому продолжается переговорный процесс Российской Федерации с целью подготовки к подписанию международных договоров о реадмиссии с государствами-участниками СНГ, такими как Азербайджан, Молдова, Таджикистан и Туркменистан, а также с другими государствами: Хорватией, Исландией, Францией, Албанией, Боснией и Герцеговиной, Черногорией, Македонией, Ливаном, Малайзией, Индонезией, Пакистаном, Филиппинами, Шри-Ланкой, Марокко, ОАЭ, Индией,

А.В. ВОРОПАЕВА. Проблемы регулирования иммиграционными и эмиграционными...

Иорданией, Ираном, Японией, КНДР, Республикой Корея, Бангладеш, Сингапуром, Абхазией [Федеральные законы. Официальный сайт].

Изучение миграции в современной политико-экономической обстановке в Европе и России, особенно нелегальной миграции, должно стать одним из приоритетных направлений исследований в рамках экономической социологии.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Метц 2016 – *Метц М.* Миграция и необходимость формирования новых межкультурных отношений в обществе на примере Германии // Этнология. 2016. № 1 (50). С. 70.

Федеральные законы. Официальный сайт ФМС РФ. – URL: http://www.fms.gov.ru/law/federal_laws (дата обращения: 25.09.2017).

Ивановский 2013 – *Ивановский А.* ФМС наведет порядок // Столетие. – URL: http://www.stoletie.ru/vzglyad/fms_avedet_poradok_781.htm (дата обращения: 30.05.2013).

Дмитриев 2015 – *Дмитриев А.В.* Конфликтогенность миграции: теоретические и практические проблемы // Социологическая наука и социальная практика. 2015. № 1. С. 16–29.

**THE PROBLEM OF REGULATION BY IMMIGRATION
AND EMIGRATION FLOWS**

A.V. VOROPAeva

*Center for the Study of Interethnic Relations,
Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia*

Summary

The international migration of the population has acquired a global character, affecting many countries in the world. All states are bound by economies, therefore, the legal regulation of entry into the territory of another state is a significant factor in the relations between states. In this process illegal migration has become a global problem affecting the economic crisis. Illegal labor migration is controlled by the stakeholders in countries of origin of these migrants. With the increasing migration flow in Russia, the number of interethnic conflicts sharply increases. The only possible solution to prevail the acute situation is to reduce the number of migrants that is available only through the introduction of a visa regime. The conclusion of bilateral and multilateral agreements on readmission is an important direction in the migration policy of the Russian Federation. Readmission allows not only to combat illegal migration, but also to improve the level of security of their country. The agreement on readmission is a civilized decision-making on the fate of a particular migrant, which involves two sides. The negotiation process of the Russian Federation with the CIS member states, the countries of the far abroad, and first of all with China on the preparation of international treaties on readmission continues. The international cooperation on readmission is an effective counteraction to illegal migration, which is necessary to comply with the principles and norms of international law.

Keywords: migration, illegal migration, citizens of third countries, the Treaty, transit, readmission of deportation.

Voropaeva, Asya – Ph.D. in Philosophy, Senior Research Fellow at the Group of Migration Conflict Potential Research Center for Interethnic Relations at the Institute of Sociology, Russian Academy of Sciences.

voropaeva@isras.ru

Citation: *VOROPAeva A.V.* (2017) Problems of Regulation by Immigration and Emigration flows. In: *Philosophical Sciences*. 2017. Vol. 10, pp. 121-130.

REFERENCES

Metz M. (2016) Migration and the Need to Create New Intercultural Relations in Society on the Example of Germany. In: *Etnodialogi*. 2016. Vol. 1 (50) (in Russian).

Federal laws. Official Site of the Federal Migration Service of the Russian Federation. Available at: http://www.fms.gov.ru/law/federal_laws (date accessed: 25.09.2017) (in Russian).

Ivanovski A. (2013) *FMS Will Establish Order*. 30.05.2013. Available at: http://www.stoletie.ru/vzglyad/fms_avedet_poradok_781.htm (in Russian).

Dmitriev A.V. (2015) Conflictogenicity of Migration: Theoretical and Practical Problems. In: *Sociological Science and Social Practices*. 2015. Vol. 1, pp. 16-29 (in Russian).

ИЗ ИСТОРИИ СОВЕТСКОЙ ПСИХОЛОГИИ 1920–1930-х ГОДОВ
А.А. ТАЛАНКИН

С.Н. КОРСАКОВ,

Институт философии РАН, Москва, Россия

С.И. ДАНИЛОВ

Военный университет Министерства обороны РФ, Москва, Россия

Аннотация

В статье рассматриваются слабо изученные страницы истории отечественной психологии. Рассказывается о деятельности Александра Таланкина, военно-политического работника и военного психолога. Он был одним из активных участников дискуссий по военной психологии 1920-х гг., автором монографии по этой тематике. В 1930 г. он занимал крупные должности в руководстве советской психологии и активно проводил линию на разгром оригинальных научных направлений: реактологии, педологии, психоанализа, психотехники. Жертвы идеологических кампаний были репрессированы. В статье выясняются вопросы 1) о жизненном пути А.А. Таланкина, 2) об оценке всей совокупности его психологических работ, 3) о его месте в истории советской психологии. Как военный психолог, А.А. Таланкин выступал против обособления военной психологии. Военную психологию он считал прикладным направлением общей психологии. Показан путь А.А. Таланкина сначала как военного психолога, затем как сторонника реактологии К.Н. Корнилова, и наконец, как борца с «корниловщиной» и главного идеологического трибуна советской психологии. В этой отрицательной роли А.А. Таланкин действовал шумно, но недостаточно жестко, почему и был заменен другими людьми. Сам А.А. Таланкин, несмотря на свою политическую активность, также стал жертвой сталинских репрессий. Привлекаются малоизвестные и забытые литературные источники, архивные материалы.

Ключевые слова: советская психология, А.А. Таланкин, военная психология, К.Н. Корнилов, идеологические кампании, дебординская школа, политические репрессии.

Корсаков Сергей Николаевич – доктор философских наук, ведущий научный сотрудник сектора гуманитарных экспертиз и биоэтики, руководитель исследовательской группы истории философии советского и постсоветского периода Института философии РАН.

snkorsakov@yandex.ru

Данилов Сергей Иванович – кандидат философских наук, доцент Военного университета Министерства обороны РФ.

s.danilov.mail@gmail.com

Цитирование: КОРСАКОВ С.Н., ДАНИЛОВ С.И. (2017) Из истории советской психологии 1920–1930-х гг.: А.А. Таланкин // Философские науки. 2017. № 10. С. 131–150.

Нельзя сказать, чтобы имя А.А. Таланкина было забыто в истории отечественной психологии. Военные психологи вспоминают о нем, когда речь заходит о дискуссиях по военной психологии, шедших в РККА в 1920-е гг. [Дьяченко, Кандыбович, Караяни 2009, 50–52]. А.А. Талан-

кин написал монографию по этой тематике, что тогда было явлением нечастым. Тем не менее остаются недостаточны изученными вопросы 1) о жизненном пути А.А. Таланкина, 2) об оценке всей совокупности его психологических работ, 3) о его месте в истории советской психологии.

Что касается жизненного пути А.А. Таланкина, то совсем недавно в словаре, посвященном репрессированным военачальникам, появилась биографическая справка о нем [Черушев Н.С., Черушев Ю.Н. 2014, 399–400]. Дополнительные поиски в архивах позволили прояснить некоторые страницы его жизни.

В Красной Армии

Александр Александрович Таланкин родился 10 августа 1898 г. в с. Надеждино Уфимского уезда Уфимской губернии в семье сельского священника. В 1917 г. окончил Уфимскую гимназию. В июле 1917 г. вступил в партию большевиков и был одним из организаторов молодежного коммунистического движения в Башкирии. В декабре 1917 г. А.А. Таланкин был назначен членом коллегии Уфимского губернского отдела народного образования; в апреле 1918 г. – инструктором-лектором губернского штаба боевых ополчений [РГАСПИ, № 1262349]. 26 мая 1918 г. левые молодежные союзы Уфы объединились в Союз рабочей молодежи города Уфы «III Интернационал». А.А. Таланкин был избран членом Центрального правления Союза.

5 июня 1918 г. белочехи и белогвардейцы захватили Уфу. А.А. Таланкин вступает в Красную Армию и воюет на Восточном фронте во 2-й армии: сначала красноармейцем в отряде героя Гражданской войны А.М. Чеверева, с октября 1918 г. он – агитатор-организатор в политуправлении армии. С января 1919 г. А.А. Таланкин служил в 5-й армии Восточного фронта: сотрудником особого отдела, с апреля – политбойцом отряда особого назначения, с июня – лектором политуправления армии, с января 1920 г. зав. культурно-просветительским отделом политотдела запасных частей, в мае 1920 г. лектором армейской партшколы. В боях был ранен.

После службы в мае–октябре 1921 г. в Москве политконсультантом в Политуправлении РККА, А.А. Таланкин был направлен в Приуральский военный округ военкомом 95-х пехотных курсов, а затем, в июне 1922 г. – на Туркестанский фронт зам. начальника политотдела 2-й стрелковой дивизии. С декабря 1922 г. он служил в Туркестане начальником политотдела 2-й, а с февраля 1924 г. – 1-й особых кавалерийских бригад. Принимал участие в борьбе с басмачеством в Фергане и Бухаре. Избирался членом Кокандского, Ферганского, Старо-Бухарского горсоветов, Сурхандарьинского облисполкома.

В октябре 1924 г. А.А. Таланкин был зачислен слушателем Московских курсов высшего политсостава, по окончании которых с августа 1925 г. преподавал в Военно-политической академии РККА им. Толмачева в Ленинграде. С этого времени А.А. Таланкин регулярно выступал в научной печати по вопросам военной психологии [Каплан, Русанов, Таланкин, 1928]. В феврале–октябре 1926 г. вновь строевая служба – начальником

политотдела 15-й Сивашской стрелковой дивизии Украинского военного округа. С ноября 1926 г. А.А. Таланкин преподавал в Военной академии им. Фрунзе.

Что касается психологических воззрений Таланкина в целом, то он критиковал экспериментальную психологию Г.И. Челпанова, рефлексологию В.М. Бехтерева, психоанализ, гештальтизм, бихевиоризм и высказался за реактологию К.Н. Корнилова, которую называл наиболее близким к марксизму течением современной психологии, стоящим на почве диалектического материализма [Таланкин 1927, 167].

Военный психолог

В 1926 г. А.А. Таланкин включился в дискуссию по проблемам военной психологии. В те годы вопросы военной психологии живо обсуждались. Со статьями, а иногда – с монографиями выступали военные психологи Н. Какурин, П. Измestьев, М. Король, А. Васильев, В. Рубцов и др. Преобладали мнения, что военная психология должна развиваться как особая наука, и что в ее развитии нужно основное внимание уделять совершенствованию физиологических качеств бойца.

А.А. Таланкин занял в дискуссии своеобразную позицию. Ее необычность заключалась не в том, что он резко критиковал биологизаторство других авторов, их увлечение западными научными теориями, в частности, психологией толп Г. Лебона. Таланкин предлагал не развивать военную психологию как отдельную науку, а изучать как приложение общей психологии к вопросам поведения военнослужащих. Он писал, к примеру: «Относительно учебников военной психологии можно лишь выразить удовольствие, что в Красной Армии их еще не существует... Все учебники, пока пересказывающие более или менее добросовестно труды по общей психологии, не оригинальны, а стоит им только начать оригинально истолковывать вопросы “военной психологии”, как они угощают» нелепыми открытиями [Таланкин 1926, 125]. Позиция Таланкина была неплохо продумана и аргументирована.

В одной из своих статей Таланкин постарался показать бесперспективность создания военной психологии методами рефлексологии. Он писал, что психофизическая подготовка бойца излишня: формирование необходимых воину качеств произойдет само – как функция военно-технической, политической и физической подготовки. К бойцу, говорил Таланкин, надо подходить как к социальному существу, а не «ветеринарно» [Таланкин 1927, 168]. Он считал глубоко ошибочной точку зрения, что эмоции в бою сводятся к элементарным биофизическим реакциям. Сложные реакции в процессе боя у бойца преобладают. Целеустремленность бойца – не выдрессированный рефлекс, а сложная интегральная функция всего поведения человека. Поэтому рефлексология, так же как и психоанализ, не годятся в качестве основы военной психологии. Особенно он критиковал «физиологический» уклон в военной психологии ученика академика Павлова Ю.П. Фролова и биологизаторский подход М. Короля [Таланкин 1928].

Специально А.А. Таланкин рассмотрел вопрос о месте психотехники в военной психологии. В отношении претензий психотехники А.А. Таланкин был столь же последователен: сама по себе она не может быть основой военной психологии. Но развитие научной организации труда в военном деле необходимо поощрять, чтобы облегчить доведение до автоматизма выполнение различных сложных действий. Или же, чтобы оказать воздействие на восприятие противника — в целях успешной маскировки. Он даже высказал мысль о полезности такой области психотехники, «совсем не развитой в Красной Армии, как изучение среды, в которой приходится работать человеку, с точки зрения изменения этой среды в интересах рационализации» [Таланкин 1931а, 183]. В те годы еще не было термина «военная эргономика», но имел в виду Таланкин именно ее.

Очень резко высказался Таланкин против абсолютизации тестирования военнослужащих. Тесты диагностируют культурно-образовательный уровень, но между ним и пригодностью к военной службе нет однозначной связи. Кроме того, выбор «правильного» ответа не может быть свидетельством убежденности реципиента в этом ответе. Тесты оправдали себя при изучении профотбора, утомляемости, изменения отдельных психических характеристик (восприятие, интеллект, реакции). Но подменять ими воспитательную работу с личным составом нельзя. Таланкин подробно разбирал различные виды тестов, специально остановившись на таком из них, как тесты-коллизии, и показал, к каким ошибкам может приводить слепое доверие всегда относительным результатам тестирования [Таланкин 1931е, 35–39].

Обобщением взглядов Таланкина стала его монография 1929 г. по военной психологии. Книга, по мысли автора, была призвана подвести итоги дискуссий по военной психологии, шедших в Военной академии им. Фрунзе и в Осоавиахиме в 1927–1928 гг. Военная психология нужна, констатировал Таланкин, но не идеалистическая военная психология царской армии. Психика — законный предмет изучения, несводимый ни к физиологии, ни к нравственности. Несмотря на привлечение богатого и разнообразного отечественного и зарубежного литературного материала по военной психологии, Таланкин последовательно стремился выстроить свою книгу не как разбор специальных военно-психологических проблем, а как применение всего массива общепсихологических знаний к военному делу. Любую реакцию человека следует понимать исходя из поведения в целом. Для правильного понимания состояния бойца нужно учитывать вместе биологические и социальные факторы. Стремиться следует к тому, чтобы достичь сочетания слаженности действий и инициативности бойца, автоматизма и пластичности в бою. К примеру, эмоция страха может подавляться развитым военным профессионализмом, но может и порывом, никак не связанным с военной тренировкой. В вопросах военно-психологической подготовки не должно быть шаблона, оправдываемого ссылкой на «неизменную» человеческую природу. Особое внимание следует уделять динамике совместного и взаимосвязанного действия на психику бойца различных по происхождению факторов: социально-

политических, моральных, военно-технических, материально-бытовых. Он отмечал также чрезвычайно большую динамичность, изменчивость психики индивида в боевой обстановке. Соответственно, для успешной борьбы с эмоцией страха важна деятельность и подвижность в бою. А.А. Таланкин считал, что «политико-моральное состояние части есть новое качество, не сводимое к психике и физиологии отдельного бойца» [Таланкин 1929а, 86]. Психологическая подготовка солдат к бою должна включать стимулирование всего того комплекса реакций и эмоций, которые могут проявиться в боевой обстановке.

3 января 1930 г. в Центральном Доме Красной Армии состоялся библиографический вечер, посвященный разбору книги Таланкина. В докладах и прениях на этом вечере была поддержана мысль Таланкина о неприемлемости как дореволюционной военной психологии, так и ситуации 1920-х гг., когда в военной психологии доминировали те или иные психофизиологические и психотехнические направления.

Известный в те годы военный психолог В.С. Рубцов назвал книгу Таланкина одним из первых серьезных советских трудов по военной психологии. Он призвал покончить с положением, когда психофизиологические и психотехнические методы применяются и понимаются расширительно, а выводы военного психолога обусловлены тем, какого из современных психологических направлений он решил придерживаться [Рубцов 1930а, 48]. В специальной рецензии на книгу Таланкина Рубцов высоко оценил методологическую сторону работы, но отметил, что вопрос о соотношении социально-психологических и физиологических факторов поведения бойца недостаточно проработан автором [Рубцов 1930в, 43–45]. В письме в редакцию, разъясняя свою позицию, Рубцов даже писал, что Таланкин недостаточно социологизирует вопрос и придает излишнее значение военно-техническим и материально-бытовым факторам [Рубцов 1930б, 63]. Отсюда видно, что позиция Таланкина была довольно взвешенной в среде его коллег.

Пропагандист реактологии Корнилова

А.А. Таланкин был зачислен аспирантом Государственного института экспериментальной психологии, или как его еще называли – Корниловского института, по имени основателя и директора К.Н. Корнилова. А.А. Таланкин вступил в Общество психоневрологов-материалистов. Завоевывал известность, не стеснялся выступать, правда, не вполне квалифицированно, с пропагандой реактологических идей К.Н. Корнилова.

В дискуссиях в военной среде А.А. Таланкин чувствовал себя уверенно и выступал по-деловому. К сожалению, уверенность превращалась у него в самоуверенность, доходившую до хлестаковщины, когда он брался за общепсихологические вопросы. Стремление же «играть роль» в психологическом сообществе усиливалось у молодого аспиранта все больше и больше. 18 января 1929 г. Научно-исследовательская секция Осоавиахима провела специальное заседание, посвященное обсуждению доклада А.А. Таланкина «К марксистской постановке проблемы военной психо-

логии». Необычность заседания была в том, что в зале присутствовали многие корифеи тогдашней психологии: А.Б. Залкинд, И.Н. Шпильрейн, Ю.П. Фролов, С.Г. Геллерштейн и др. Доклад Таланкина подвергся уничижающей критике. Ю.П. Фролов говорил, что нападки докладчика на психотехнику бездоказательны, не обоснованы экспериментальными данными. И.Н. Шпильрейн, считавший психотехнику зародышем будущей материалистической теории психологии, высказался очень резко, заявив, что докладчик допускает грубые ошибки, смешивая понятия, не знаком с новой литературой. Особенно интересными были замечания С.Г. Геллерштейна. Он обратил внимание, что когда докладчик переходит от критики к предложениям, а предложения эти суть положения реактологии Корнилова, они «вовсе не анализируются, а только перечисляются, называются». «Самоуверенность тона докладчика, которому “все ясно как апельсин”, пользование готовыми и довольно избитыми схемами, привело к тому, что докладчик ни в чём не смог убедить» [Таланкин 1929б, 83]. Как же отреагировал на это А.А. Таланкин? Ничуть не смутившись, он заявил: «В отсутствии марксистского взгляда повинны все психотехники, которых на докладе оказалось слишком много. Все вопросы в докладе поставлены правильно и являются не только частными положениями докладчика, а утверждены К.Н. Корниловым, и очень жаль, что в зале нет ни его, ни других психологов» [Таланкин 1929б, 83]. Когда положения научной теории внедряются таким вот кавалерийским наскоком, со ссылкой на мнение начальства, которое не подлежит обсуждению, расплачиваться за это потом приходится самой внедряемой теории.

В 1930 г. А.А. Таланкин принял участие в составе институтской делегации в крупнейшем психологическом форуме того времени – Всесоюзном съезде по изучению поведения человека, состоявшемся в Ленинграде. В статье о съезде есть фото делегации от Государственного института экспериментальной психологии, где Таланкин стоит во втором ряду, а в первом сидят К.Н. Корнилов и И.Д. Сапир [Залкинд 1930, 47]. Съезд стал последним смотром успехов всех основных направлений советской психологии 1920-х гг.: реактологии Корнилова и Франкфурта, педологии Залкинды и Моложавого, культурно-исторической психологии Выготского и Лурия, психоанализа Ширвиндта и Сапира, психотехники Шпильрейна и Геллерштейна, рефлексологии Куразова и Ананьева. Философское шефство над работой съезда осуществляли представители школы диалектиков академика А.М. Деборина – И.К. Луппов и Н.А. Карев. На съезде Таланкин участвовал в работе военной секции. По итогам съезда Таланкин выступил со статьей в «Красной звезде», где писал, что полезно соединение военно-научной мысли и психологии для правильного понимания поведения бойца [Таланкин 1930].

А.А. Таланкин пока на общественных началах принимал участие в работе Коммунистической академии, а именно – ее Психотехнической секции. 21 ноября 1930 г. он выступал в прениях по докладу Л.С. Выготского «Психотехника и педология». Докладчик рассматривал вопрос о соотношении этих двух смежных наук. Но вместо того, чтобы разложить по пунктам

отличия, он, с присущей гению нестандартностью, говорил, напротив, о необходимости сосредоточиться на аспектах, связанных с целостностью протекания развития в онтогенезе, о том, что мы сегодня называем междисциплинарным подходом, а Выготский тогда назвал «переплётот различных дисциплин» [АРАН. Фонд. 351. Опись 2. Дело 24, л. 13].

Заседание проходило в самый разгар разгрома советской философии в лице деборинской школы и коллектива Института философии. А.А. Таланкин в своем выступлении воспроизвел все апробированные в «Правде» и «Большевике» штампы про «партийность» и «ленинский этап», а затем высказал свою точку зрения на положение дел в психологии. Он не смущался маститых психологов, прославившихся в 1920-е гг., зная, что их положение теперь шаткое. А.А. Таланкин также не стал вдаваться в детали соотношения психологических направлений и дисциплин, но совершенно по иным мотивам. Суть позиции А.А. Таланкина – в принципиальном отрицании положения дел в психологии 1920-х гг. Вместо нескольких самостоятельно развивающихся направлений-дисциплин, находящихся друг с другом в конкурентной борьбе за доминирование в психологии, А.А. Таланкин предлагал иную модель: фундаментальная общая психология и вокруг нее на положении спутников прикладные дисциплины. Главная наука – психология, и ее ничем не надо подменять, говорил Таланкин. Существующее положение дел он назвал «сумбуром», отметил попытки педологии поглотить ряд других дисциплин, отсутствие у педологии собственного метода. Проблемы целостности, по мнению Таланкина, должны решаться на уровне общей психологии, а не на уровне отдельных дисциплин. Категории развития работают во всех дисциплинах. Психология является основополагающей по отношению ко всем психоневрологическим наукам. Между прочим, крайне характерно, что заполняя документы в графе о своей научной специальности Таланкин писал: «общая и военная психология».

В отличие от проработчиков от философии, вроде Митина и Юдина, Таланкин в психологии не просто повторял дежурный набор идеологических заклинаний с тем, чтобы убрать из науки корифеев 1920-х гг. Он действительно предлагал иное видение развития психологии. Модель, обозначенная Таланкиным, победила позже, в 1940–1950-е гг. Реализовать эту модель, конечно, не могли люди, подобные Таланкину. Для этого понадобились ученые масштаба С.Л. Рубинштейна. Но направление он выбрал соответствующее вектору времени. Трудно судить, какая модель развития психологической науки предпочтительнее. Соревновательная модель направлений-дисциплин при слабо выраженной общей психологии более эвристична, модель, укрепившаяся в послевоенный период – более фундаментальна.

Борец с «корниловщиной»

Государственный институт экспериментальной психологии не стал исключением и тоже попал в 1930 г. под смерч проработок. Как в философии разоблачали директора Института философии Деборина, обви-

няли его и его коллег в «деборинщине», а потом в меньшевистствующем идеализме, так в психологии объектом нападок стал Корнилов. Молодой аспирант Таланкин в ноябре 1930 г. активно способствовал «реорганизации» Государственного института экспериментальной психологии и смещению директора К.Н. Корнилова. Он, не задумываясь, выступил против своего учителя, мгновенно поменяв позиции на 180 градусов. Удивляться тут нечему, если вспомнить, какой способ «аргументации» он продемонстрировал, когда еще защищал реактологию Корнилова на заседании секции Осоавиахима в 1929 г.

На психологической дискуссии в Институте 22 декабря 1930 г. именно Таланкин выступил с главным «разоблачительным» докладом против Корнилова. Теперь он говорил, что реактология Корнилова незаслуженно приобрела репутацию «марксистской психологии». Корнилов, по словам Таланкина, играл известную положительную роль в 1923–1927 гг., когда боролся с Челпановым, но даже и тогда его реактология не находилась на позициях диалектического материализма. Виноватого в сем ложном положении Таланкин нашел сразу. Как проработчик, Таланкин был явно талантливее, чем как ученый. Ложная репутация Корнилова как марксиста сложилась по вине ныне разоблаченного философского руководства во главе с Дебориным, которое помешало статье Корнилова в журнале «Под знаменем марксизма». Приличия ради Таланкин извинился за дифирамбы Корнилову в своих собственных ранних статьях, но деликатно умолчал о том, с каким рвением он до самого последнего времени внедрял корниловское учение. Теперь же приговор Таланкина был таков: вся система взглядов К.Н. Корнилова и его ближайших сотрудников — «реактологическое извращение марксизма в психологии» [Таланкин 1931б, 27]. Поскольку «корниловщина» оказалась целой системой ошибок, Таланкин принялся их старательно перечислять. Следовать за ним по этому пути во всех подробностях совершенно излишне. Только назовем некоторые пункты обвинительного заключения. Корнилов оказался виноват в том, что заявлял: 1) для диалектического материализма психофизическая проблема существует только в снятом виде, 2) соблюдение закона сохранения психической энергии неприменимо к творческой деятельности человека, 3) нарушение равновесия между индивидом и средой в результате активной реакции индивида не может быть исчерпывающе описано в понятиях «зеркального отражения». Пунктов обвинения было гораздо больше. Но и по названным пунктам видно, что даже в «кривом зеркале» таланкинского инквизиционного акта философско-психологические идеи Корнилова выглядят интереснее и глубже, чем дешевая идеологическая похлебка проработчика.

Общей особенностью идеологических кампаний начала 1930-х гг. было то, что крупные ученые-марксисты, от чьих фамилий были образованы унижительные «...щины» («деборинщина», «рубинщина», «переверзевщина»), были «парализованы» травлей и молчали. Корнилов составил здесь удивительное исключение. Он выступил в печати с ответом Таланкину. Опять же нет необходимости подробно комментировать статью Корни-

лова. Он методично, последовательно разобрал все пункты обвинения Таланкина, и по каждому пункту продемонстрировал незнакомство Таланкина с классической философской и психологической литературой, отсутствие у него знаний в области психологического экспериментирования, путаницу понятий, исключительную претенциозность, опрометчивый и легковесный тон изложения. «Да! Чего, в самом деле, стесняться? — писал Корнилов по поводу очередного пассажа Таланкина. — Психологи работали над изучением реакций лет, так, 70, — чего там разбираться во всех этих исследованиях какого-то времени, интенсивности и т.п.; самое простое — “сразу же взять под подозрение”, и кончено дело. Так доцент Таланкин и делает: вместо того, чтобы обосновывать свои утверждения крепкой аргументацией, он везде, как мы видели, делает только одно — “сразу же берет под подозрение” и только» [Корнилов 1931, 72].

Аргументация Корнилова была выстроена настолько убедительно, что Таланкин был вынужден опубликовать «Письмо в редакцию», в котором он снимал часть своих обвинений [Таланкин 1931д, 160]. Редакции журнала «Психология», чтобы ослабить впечатление от статьи Корнилова, пришлось поместить после нее постскрипtum, в котором голословно утверждалось, что «Корнилов продолжает отстаивать свои ошибки», а «основную линию статьи т. Таланкина» редакция «считает правильной» [Корнилов 1931, 76].

Общее собрание ячейки ВКП(б) реорганизованного Государственного института психологии, педологии и психотехники постановило 6 июня 1931 г., что «бывшее руководство в области психологии тесно смыкалось и руководилось Дебориным и его группой с характерным для меньшевистствующего идеализма формализмом и отрывом теории от практики». В результате «грубый механицизм К.Н. Корнилова, перерастающий в идеализм, выдавался за марксистскую теорию» [Итоги 1931а, 54]. Надо отдать должное виртуозам пера сталинских времен! «Механицизм, переходящий в идеализм» стоит «право-левацкого уклона». Досталось в постановлении и Шпильрейну, и Выготскому с Лурией, и Франкфурту, Залкинду, Сапину. Причем все основные пункты обвинения корниловской реактологии в постановлении были кратким изложением таланкинского доклада. Особо было отмечено, что Корнилов «отказался признать какие-либо ошибки» [Итоги 1931а, 57]. В постановлении было решено сконцентрировать работу по перестройке психологии в Комакадемии и нацелить на «решительный поворот» журнал «Психология».

Директором Института был назначен А.Б. Залкинд. Но он сам был теперь одним из прорабатываемых: за Поведенческий съезд, за увлечение психоанализом, а вскоре — и за педологию. Залкинду приходилось теперь не столько указывать пути развития советской психологии, сколько оправдываться от идеологических обвинений. Но место «главного идеолога» психологической науки не может пустовать. Нужен человек, который выступает с основными докладами, дает установки всему научному сообществу, определяет меру идеологической виновности каждого. В новом Институте А.А. Таланкин стал зав. сектором кадров, т.е. решал, кого оставить на работе, а кого уволить за «корниловщину». Это уже было

знаком большого доверия. Вскоре на короткое время он фактически стал первым лицом советской психологии.

«Калиф на час» советской психологии

1931 год — год стремительного карьерного взлета А.А. Таланкина, превратившегося из рядового аспиранта в идеологического куратора советской психологии. Причины подобных изменений обычно не фиксируются на бумаге. Поэтому рискуем выдвинуть обоснованное предположение. Осенью 1930 г. была окончательно разгромлена деборинская школа в философии. Практически сразу после этого смерч увольнений и разоблачений прошелся по философии естествознания, исторической науке. Наибольшую активность в разоблачениях проявляли М.Б. Митин, П.Ф. Юдин, Ф.В. Константинов. Но эти будущие академики тогда были совсем молодыми и малоизвестными людьми. Дирижировал заказанной Сталиным идеологической кампанией по разгрому диалектического марксизма Э.Я. Кольман. В 1930 г. он именно для этого занял ключевые посты в Агитпропе ЦК и в Президиуме Комакадемии. Надо учесть и то обстоятельство, что по представлениям 1920—1950-х гг. психология относилась не к гуманитарным, а к естественным наукам. В 1931 г. Кольман заменил О.Ю. Шмидта во главе Ассоциации институтов естествознания Комакадемии: Шмидт был обвинен в потворстве деборинцам. На тот момент позиции деборинцев в психологии были очень сильны. Часть из них выступала одновременно и в качестве философов, и в качестве психологов. Но среди психологов не нашлось ни активистов-проработчиков, вроде Митина, ни предателей-перебежчиков, вроде физика-философа А.А. Максимова. Психология с точки зрения Кольмана и его главного заказчика Сталина оказалась «отсталым фронтом». Срочно нужен был человек, который бы взял на себя роль трибуна-проработчика. Слабовольный, тщеславный, претенциозный и легкомысленный Таланкин оказался сушей находкой для Кольмана. И Таланкин «продал душу дьяволу» взамен должностей и известности.

1 января 1931 г. Таланкин, числясь «на действительной военной службе в резерве начсостава РККА», оставил свою работу в Военной академии им. Фрунзе и перешел под крыло Кольмана в Комакадемию.

6 января он уже заполнял необходимые документы [АРАН. Фонд. 350. Опись 3. Дело 316]. Символично, что приказ о назначении его старшим научным сотрудником и секретарем Военной секции Комакадемии вышел 25 января 1931 г. — в день принятия сталинского Постановления ЦК о разгроме «меньшевистствующего идеализма». В Комакадемии Таланкин сразу занял штатную должность сотрудника — а в этом учреждении штатных и внештатных сотрудников было примерно поровну. При этом он сохранил за собой по совместительству заведование сектором кадров в Институте психологии и был введен в редколлегия журнала «Психология». Его разоблачительные публикации были специально отмечены в обзоре журнала «Психология» за 1931 г. [Гершенович, Размыс-

лов, Шемякин 1932, 70, 73]. Но это было только началом его карьерного роста.

В мае 1931 г. в СССР прошел Всесоюзный психотехнический съезд. Таланкин выступил на съезде с докладом «Принципы психофизиологической работы в РККА». В сентябре 1931 г. благодаря авторитету И.Н. Шпильрейна в Москве состоялась 7-я Международная психотехническая конференция. Событие международного уровня тщательно контролировалось Кольманом и Таланкиным. Оба выступали на конференции. Кольман и Таланкин объясняли иностранным делегатам, что психотехника классовая и партийная [О 7-й Международной 1931].

«Большевизация» психологии в Москве хоть и шла, но вяло. Кольман решил направить Таланкина с инспекционной поездкой на Украину, чтобы там подтянуть ситуацию. По договоренности между Ассоциацией институтов естествознания при Комакадемии и Ассоциацией институтов естествознания при ВУАМЛИН (Всеукраинская ассоциация марксистско-ленинских научных учреждений) 12–13 июня 1931 г. в Харькове было созвано специальное заседание для заслушивания доклада Таланкина — представителя Центра. Таланкин рассказал украинским психологам о «разоблачении» Корнилова и его школы, «которая пользовалась официальным признанием со стороны дебординского философского руководства» [Таланкин 1931г, 8]. Досталось в докладе Таланкина всем: и бехтеревцам, и Куразову, и Франкфурту, и Шпильрейну. Только о группе Выготского и Лурия к обычной идеологической ругани Таланкин добавил, что она «несомненно талантлива» [Таланкин 1931г, 15]. Немудрено, что после произведенного погрома Таланкин вдруг обнаружил, что «ряд психологов потерял предмет психологии» [Таланкин 1931г, 19]. К предмету психологии докладчик отнес психические процессы, и материальный субстрат и материальную трудовую деятельность человека.

Выступавшие в прениях украинские психологи проявили осторожность, предложив разграничить реактологию Корнилова и экспериментальные работы по изучению психологических реакций человека: чтобы борьба с первой не раздавила вторую. Говоря о новом понимании предмета психологии, провозглашенном Таланкиным, П.Я. Гальперин, работавший тогда в Харькове, расценил его как, в известном смысле, возвращение ко временам Челпанова, но с акцентом на изучение предметного содержания психики. Все это привело Таланкина к неожиданным откровениям в заключительном слове: «Вы думаете, что я в какой бы то ни было мере удовлетворен тем, что я говорил о предмете психологии? Я сам могу привести очень большое количество возражений против того определения психологии, которое я дал. И мы, работая коллективно (по таким вопросам мы в большинстве случаев работаем коллективно), согласились с тем, что на сегодня приходится давать это определение, потому что у нас получилась такая картина, что целый ряд работников просто не знает, с какой стороны подступиться к психологии...» [Таланкин 1931, 51]. Вот так Таланкин, с позволения сказать, «разъяснял» «новую линию» в психологии.

Попрактиковавшись в Харькове, А.А. Таланкин решил выступить с разоблачением «меньшевиствующего идеализма» в психологии уже в Коммунистической академии в Москве. На заседании Общества психоневрологов-материалистов и психолого-психотехнической секции Государственного института психологии, педологии и психотехники 26 октября 1931 г. он сделал доклад «Марксистская психология меньшевиствующего идеализма». Странность этого названия докладчик пояснил вполне убедительно. Кого критиковали раньше: бывших буржуазных ученых, спецов, пришедших к марксизму или «попутчиков», вроде Бехтерева и Корнилова. Теперь же идет критика собственно марксистов. Деборинцы – марксисты. Но тем они и опаснее – по логике сталинских идеологических кампаний. Это – враг внутренний. А.А. Таланкин прямо заявил, что он выступает «в духе статьи, которая была написана т. Кольманом на основании итогов психотехнического съезда» [АРАН. Фонд. 351. Описание 2. Дело 59, л. 3].

Начал Таланкин с утверждения, что борьба с деборинцами в психологии отстает от того, что уже сделано на этом «фронте» в философии и в естествознании. Там деборинцы сняты с руководящих постов, уволены из научных учреждений. В психологии все это еще предстоит сделать, потому что до сих пор занимались критикой «корниловщины». Таланкин методично прошелся по «идеологическим ошибкам» «меньшевиствующих идеалистов» Ю.В. Франкфурта, И.Ф. Куразова, И.Д. Сапира, Б.А. Фингерта, М.Л. Ширвиндта. «Это же ведь гегельянщина, самая нехорошая, скверная гегельянщина» [АРАН. Фонд. 351. Описание 2. Дело 59, л. 25], – восклицал Таланкин в отношении деборинцев, которые действительно были школой гегельянского марксизма, и иначе марксизм не мыслили. О лидере психотехники И.Н. Шпильрейне Таланкин сказал, что тот не меньшевиствующий, а просто – идеалист, который «пытался сочетать заграничных идеалистов, в том числе идеалиста Штерна, с Марксом» [АРАН. Фонд. 351. Описание 2. Дело 59, л. 8]. Так Таланкин прошелся по адресу основоположника дифференциальной психологии У. Штерна. Таланкин осудил Поведенческий съезд 1930 г., назвав его «бедламом», в котором каждое из психологических направлений претендовало на признание. Раздражение Таланкина вызвал сборник статей Л.С. Выготского, С.Г. Геллерштейна, Б.А. Фингерта и М.Л. Ширвиндта «Основные направления современной психологии» – за вывод, сделанный авторами, что марксистская психология ещё только должна сложиться как синтез достижений всех основных школ мировой психологии. По Таланкину это – эклектика, отсутствие партийной линии. Помимо идеологической ругани, А.А. Таланкин вновь высказал свою основную идею о построении психологии: для всех психологических дисциплин общая психология должна иметь руководящее значение как методологическая дисциплина.

Доклад А.А. Таланкина не встретил сочувствия аудитории, среди которой пока еще, преобладали сторонники тех, кого он «разоблачал». Вел заседание директор Института высшей нервной деятельности

И.Д. Сапир — один из главных представителей философской школы Деборина в психологии. Разумеется, Сапир не мог открыто защищать прежние позиции, но он стремился максимально ослабить удар идеологической «нагайки». Он, как было положено в таких случаях, осудил себя за «прежние ошибки». Но уже одно то, как он это делал, показывало, что всерьез он разгромные речи Таланкина и ему подобных не принимает. Сапир каялся за то, что «не проявил партийной бдительности» к взглядам Фрейда, Кречмера, гештальтистов, потому что «увлекся у них отдельными талантливыми положениями» [АРАН. Фонд. 351. Опись 2. Дело 59, л. 57]. Ни один проработчик-сталинист не сказал бы так. Сапир старался максимально ослабить критику Таланкина в адрес своих коллег-деборинцев Франкфурта и Куразова, говорил, что критика эта «недостаточно конкретна», что ошибки — в прошлом, а нужна позитивная работа, что «тов. Таланкин обещает наметить некоторый положительный выход для развития марксистской психологии, но, по существу дела не наметил этот выход» [АРАН. Фонд. 351. Опись 2. Дело 59, л. 62]. В этом, и правда, было все существо дела. Для марксистской психологии Сапира, Франкфурта, Куразова и др. на тот момент никакого выхода, кроме репрессий и гибели уже не было, но осознать это они не были в состоянии. Все названные психологи вскоре были репрессированы, а их научные направления идеологически осуждены.

Свой харьковский доклад Таланкин опубликовал отдельной брошюрой [Таланкин 1931в]. В итоге все несообразности «новой линии» в психологии вылезли наружу. Сразу же нашлись бдительные коллеги, которые уже самого Таланкина принялись разоблачать «за нечеткость в вопросах психологии». Сотрудник Государственного института психологии, педологии и психотехники К. Ансон в рецензии на брошюру Таланкина усмотрел в ней «грубые политические ошибки и методологические вывихи» [Ансон 1931, 149]. Таланкину досталось за то, что он не всю западную психологию признал «загнивающей», и за «либеральное отношение к критике культурно-исторической психологии Выготского — Лурия» [Ансон 1931, 150, 151–152]. Борец за марксистскую психологию, как вдруг выяснилось, сам «извращает учение Маркса и Энгельса» [Ансон 1931, 151]. Таланкин вряд ли ожидал такой «награды» за своё усердие. Но рецензия Ансона появилась не случайно. За вычетом обычного интриганства, в ней был свой смысл. Таланкин оказался слишком легковесной и сумбурной фигурой для роли идеологического куратора психологии. Отсюда обвинения Таланкина, что он «ограничивается формальными намеками, допускающими различные толкования», «небрежно и марксистски невыдержанно прокладывает новые пути психологии», «смазывает достигнутые уже успехи в повороте, в котором сам автор принимал активное участие». «Таким путем мы на твердую базу марксизма-ленинизма не станем», — делал вывод рецензент брошюры Таланкина [Ансон 1931, 152].

А.А. Таланкин попытался реабилитироваться, продемонстрировать политическую заостренность. Он напечатал новую разоблачительную статью в журнале «Психология». Новым в проработочном лексиконе

Таланкина стали постоянные ссылки на Сталина и подведение порицаемых психологов под политическое обвинение в «троцкизме»: «ведь никто иной, как Троцкий обосновывал идею объединения учений Фрейда и Павлова как основы психологии» [Таланкин 1932, 39]. Надо учитывать, что в политическом лексиконе тех десятилетий троцкизм трактовался широко вплоть до бессодержательности понятия. Сохранялась лишь негативная эмоциональная окраска. Преступление сие было столь ужасным, что не подлежало рациональному объяснению. Таланкин эпически рассказывал в новой статье о том, как в результате потери «большевистской бдительности» дебординская группа не дала отпора троцкистской методологии, и на психологическом фронте принялись «хозяйничать буржуазные теории», вместо разоблачения которых Деборин «утверждал синтез объективизма и субъективизма» [Таланкин 1932, 40]. Далее в статье Таланкина полностью осуждался Поведенческий съезд 1930 г., который не стал «съездом борьбы за партийность в науке» [Таланкин 1932, 41]. На съезде вместо критики школ Павлова, Бехтерева, Корнилова и др. дебординцы говорили лишь о «специфической ограниченности каждой школы» [Таланкин 1932, 41]. Таланкин извлек уроки из рецензии на свою брошюру и постарался исправиться. Он написал, что «все психологические, рефлексологические, нейрофизиологические концепции поведения человека очень опасны и ведут обычно к политически вредным выводам», а буржуазная психология «загнивает», потому что она буржуазная [Таланкин 1932, 50, 60]. Закончил статью Таланкин вновь ссылками на Сталина. Но статья эта запоздала.

На научно-педагогической работе в Ленинграде

Таланкин оказался «калифом на час» в руководстве советской психологией. В 1932 г. его позиции существенно ослабли. В Государственном институте психологии, педологии и психотехники нашлись более квалифицированные проработчики, вроде В.Н. Колбановского или П.И. Размыслова. В 1932 г. А.А. Таланкин был переведен в Ленинград и назначен заведующим сектором психологии Государственного института по изучению мозга им. Бехтерева.

Под началом А.А. Таланкина теперь работал будущий академик Б.Г. Ананьев. Когда-то Таланкин честил Ананьева в числе других рефлексологов [Таланкин 1931г, С. 9]. В свое время Ананьев участвовал в Поведенческом съезде 1930 г. [Залкин 1930, 48] и приветствовал его итоги [Ананьев 1930, 12–18]. Но когда журнал «Психология» назвал Поведенческий съезд «маскировкой старого нутра эклектической рефлексологии», а статьи самого Ананьева — «вреднейшей тенденцией» и «ананьевской схоластикой» [Могендович 1931, 105, 107], тот быстро сориентировался, поняв, как следует себя вести в сталинских идеологических кампаниях. Ананьев не оправдывался, и, тем более, не защищался, как многие другие. Он изо всех сил стал каяться за то, что не присоединился вовремя к «т. Таланкину, Т. Коган, Ансону и др.» [Ананьев 1931, 331], расхваливал их статью «Марксистско-ленинское перевооружение психологии» в газете

«За коммунистическое просвещение» [Ананьев 1931, 328]. В результате редакция журнала «Психология» «с удовлетворением отметила перелом в методологических позициях одного из представителей рефлексологии» [Ананьев 1931, 332]. Понятно желание некоторых авторов представить дело так, что главное в статье Ананьева «не критика, а очерк программы психологической науки в советской стране» [Логонова 2016, 14]. На самом деле главным было стремление не опоздать попасть в ряды тех, кто прорабатывает [Ананьев, Варшавская, Кашкадамов, Серебренников, Шнирман 1931, 39–46]. Только так можно было тогда выжить и сохранить свое благополучие. Теперь, в Бехтеревском институте, Таланкин и Ананьев сработались. В 1934 г. Ананьев напечатал статью в сборнике под редакцией Таланкина [Таланкин 1934]. В 1935 г. под редакцией Таланкина в «Трудах» Бехтеревского института вышла монография Ананьева [Ананьев Б.Г., Сергеев Л.И. 1935].

По всему видно, что Таланкин умел ценить способных сотрудников, и был энергичным и контактным руководителем. В предисловии к сборнику статей своего сектора он с гордостью рассказывал об исследовательской работе, проведенной рефлексологами в 1932 г. на базе 154-й школы Выборгского района г. Ленинграда, об организации политехнического кабинета. В 1933–1934 гг. были созданы лаборатории при 7-й школе ФЗД (фабрично-заводская десятилетка) того же Выборгского района и при 1-й опытной школе им. Эпштейна (М.С. Эпштейн – впоследствии расстрелянный зам наркома просвещения РСФСР) [Таланкин 1934, 3–9]. Сам А.А. Таланкин принял участие в исследовании мышления подростков, занятых конструкторско-изобретательской деятельностью [Прудников, Ривин, Таланкин 1934, 125–158].

В Ленинграде А.А. Таланкин служил с марта 1932 г. также на кафедре диалектического материализма Военно-политической академии им. Н.Г. Толмачева: преподавателем, с июля 1934 г. – старшим преподавателем, с июля 1936 г. после ареста Г.С. Тымянского исполнял обязанности заведующего кафедрой. Он подготовил методические пособия по курсам диалектического материализма и исторического материализма, выпустил брошюру «Материя и движение» [Таланкин 1936]. 23 октября 1935 г. на совместном заседании Президиума Комакадемии и Президиума Ленинградского отделения Комакадемии ему без защиты диссертации была присуждена ученая степень кандидата философских наук [Загребаева, Козлов, Савина 2009, 283–284]. В 1936 г. ему присвоили ученое звание профессора. 10 мая 1936 г. А.А. Таланкину было присвоено воинское звание бригадного комиссара.

Арест и гибель

Генеральское звание, видимо, только приблизило трагическую развязку. «Договор с дьяволом» не спас, а, быть может, такой конец в нем был прописан. А может в иерархии демонов партийные стояли рангом ниже чекистских. 7 марта 1937 г. Таланкин был уволен из Военно-политической академии «по политическому недоверию» [Черушев Н.С., Черушев Ю.Н.

2014, 400]. Надо сказать, что в то время Военно-политическая академия была на редкость гиблым местом. В ней процветали люди, негласно уполномоченные органами, сообщать куда следует. Их жертвой пал известный философ-деборинец Г.С. Тымянский. Сменивший его Таланкин недолго пробыл в должности зав. кафедрой. Рой и Жорес Медведевы рассказывают о трагической судьбе преподавателя этой кафедры, их отца полкового комиссара А.Р. Медведева. Известные историки называют и тех, на чьей это было совести: Б.А. Чагина и Б.И. Пручанского [Медведев Р.А. 1990, 28; Медведев Ж.А., Медведев Р.А. 2004]. Два этих философа прожили долгую жизнь и умерли в своей постели. Прочие же философы из Военно-политической академии погибли в годы репрессий.

В ночь с 4 на 5 июня 1937 г. А.А. Таланкин был арестован. Ему сразу же предъявили расстрельную статью: «участие в контрреволюционной троцкистской террористической организации» (если слова «террористическая» не было, оставался шанс выжить). С.Е. Лазарев сообщает, что вместе с Таланкиным был арестован преподаватель той же кафедры батальонный комиссар В.И. Капустин [Лазарев 2013, 146]. Василий Иванович Капустин (1901–1937) известен историкам советской психологии как один из ответственных редакторов книги «В борьбе за марксистско-ленинскую педологию», где «пересматривались» положения концепции М.Я. Басова, а сам ученый посмертно прорабатывался. Иначе говоря, Капустин выступил по отношению к Басову в той же роли, что и Таланкин в отношении Корнилова. Но прошлые «заслуги» в расчет не принимались. Обоих обвинили в участии в «военном заговоре», в подготовке свержения Советской власти.

31 августа 1937 г. А.А. Таланкин Военной коллегией Верховного Суда СССР был приговорён к расстрелу и в тот же день расстрелян [УФСБ П-2639]. Двадцать лет спустя 8 октября 1957 г. та же Военная коллегия реабилитировала А.А. Таланкина посмертно.

Судьба Александра Александровича Таланкина – важный и малоизвестный аспект истории советской психологии 1920–1930-х гг. Он был думающим, хотя и зачастую поверхностным исследователем, высказавшим в своих работах ряд ценных замечаний по вопросам военной психологии. Он был хорошим организатором творческой работы коллег-психологов. В роли лидера советской психологии он оказался легковесным позером и слабым человеком, не знающим, куда вести людей за собой. И он на примере своей жизни продемонстрировал, сколь неблагоприятна бывает роль официально назначенного проработчика.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Ананьев 1930 – *Ананьев Б.Г.* К проблеме основания поведения человека // Вопросы изучения и воспитания личности. 1930. Вып. 1–2. С. 12–18.

Ананьев 1931 – *Ананьев Б.Г.* О некоторых вопросах марксистско-ленинской реконструкции психологии // Психология. 1931. Т. 4. № 3–4. С. 325–332.

Ананьев, Варшавская, Кашкадамов, Серебрянников, Шнирман 1932 – *Ананьев Б.Г., Варшавская О.Н., Кашкадамов В.П., Серебрянников А.П., Шнирман А.Л.* Против вульгарщины и эклектизма в учебно-педагогической литературе // На фронте коммунистического просвещения. 1931. № 8. С. 39–46.

Ананьев, Сергеев, 1935 – *Ананьев Б.Г., Сергеев Л.И.* Психология педагогической оценки / под ред. А.А. Таланкина. Труды Государственного института по изучению мозга им. В.М. Бехтерева. Т. 4. – Л.: Институт мозга, 1935.

Ансон 1932 – *Ансон К.* За четкость в вопросах психологии: Рец. на кн.: Таланкин А. О повороте на психологическом фронте. – М., 1931. 32 с. // За марксистско-ленинское естествознание. 1932. № 1. С. 149–152.

АРАН Фонд. 350. Опись 3. Дело 316 – Архив РАН. Фонд. 350. Опись 3. Дело 316.

АРАНа Фонд. 351. Опись 2. Дело 24 – Архив РАН. Фонд. 351. Опись 2. Дело 24.

АРАНб Фонд. 351. Опись 2. Дело 59 – Архив РАН. Фонд. 351. Опись 2. Дело 59.

В борьбе 1932 – В борьбе за марксистско-ленинскую педологию. Дискуссия по работам проф. М.Я. Басова 25–29 марта 1931 / сб. под ред. В.И. Капустина и М.А. Левиной. – М.; Л.: Учпедгиз, 1932.

Гершионович, Размыслов, Шемякин 1932 – *Гершионович Л., Размыслов А., Шемякин Ф.* О журнале «Психология» за 1931 г. // Психология. 1932. № 3. С. 70–73.

Дьяченко, Кандыбович, Караяни 2009 – *Дьяченко М.И., Кандыбович С.Л., Караяни А.Г.* История отечественной военной психологии: Учебник / под ред. проф. Л.А. Кандыбовича. – М.: Военный университет, 2009.

Загребаева, Козлов, Савина 2009 – *Загребаева В.Н., Козлов Б.И., Савина Г.А.* Коммунистическая академия ЦИК СССР (1918–1936). Вып. 2. – М.: Архив РАН, 2009.

Залкинд 1930 – Залкинд А.Б. Науку о поведении человека на службу социалистической реконструкции // Человек и природа. 1930. № 4. С. 47–49.

Итоги 1931а – Итоги дискуссии по реактологической психологии // Советская психоневрология. 1931. № 2–3. С. 53–59.

Итоги 1931б – Итоги дискуссии по реактологической психологии // Психология. 1931. Т. 4. № 1. С. 1–9.

Каплан, Русанов, Таланкин 1928 – *Каплан И.Г., Русанов Н.А., Таланкин А.А.* Методика решения задач по политическому обеспечению боевой деятельности войск. – М.: Военная академия Красной Армии им. Фрунзе, 1928. 61 с.

Корнилов 1931 – *Корнилов К.Н.* К итогам психологической дискуссии // Психология. 1931. Т. 4. Вып. 1. С. 44–75.

Лазарев 2013 – *Лазарев С.Е.* Военно-политическая академия в 1930-е годы // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия «История. Политология. Экономика. Информатика». 2013. № 8 (151). Вып. 26. С. 140–149.

Логинова 2016 – *Логинова Н.А.* Антропологическая психология Бориса Ананьева. – М.: Институт психологии РАН, 2016.

Медведев Ж.А., Медведев Р.А. 2004 – *Медведев Ж.А., Медведев Р.А.* Из воспоминаний. – М.: ЛитМир, 2004.

Медведев 1990 – *Медведев Р.А.* Политические портреты: Очерки и статьи. – Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 1990. 254 с.

Могендович 1931 – *Могендович М.Р.* Последний этап школы Бехтерева // Психология. 1931. Т. 4. № 1. С. 101–108.

О 7-й Международной 1931 – О 7-й Международной психотехнической конференции // Известия. 1931. 13 сентября.

Прудников, Ривин, Таланкин 1934 – *Прудников Н.Г., Ривин Я.С., Таланкин А.А.* Конструктивно-техническое мышление подростков-изобретателей // Общий и технический кругозор учащегося средней школы / под. ред. А.А. Таланкина. – Л.: Институт мозга, 1934. С. 125–158.

РГАСПИ № 1262349 – Российский государственный архив социально-политической истории. Регистрационный бланк члена ВКП(б) № 1262349 (образца 1936 г.).

Рубцов 1930а – *Рубцов В.С.* Марксистская психология и пути ее использования в боевой подготовке и политработе Красной армии // *Война и революция.* 1930. № 2.

Рубцов 1930б – *Рубцов В.С.* Письмо в редакцию // *Трибуна толмачевца.* 1930. № 2. С. 63.

Рубцов 1930в – *Рубцов В.С.* Рец. на кн.: Таланкин А.А. Военная психология и вопросы военно-политического воспитания в РККА. – М.: Госиздат, 1929. 140 с. // *Трибуна толмачевца.* 1930. № 1. С. 43–45.

Таланкин 1929а – *Таланкин А.А.* Военная психология и вопросы военно-политического воспитания в РККА. – М.: Госиздат, 1929.

Таланкин 1928 – *Таланкин А.А.* Военно-политическое образование // *Красная звезда.* 1928. 1 февраля.

Таланкин 1931а – *Таланкин А.А.* За марксистско-ленинскую психотехнику в РККА // *Записки Секции по изучению проблем войны Коммунистической академии.* 1931. Т. 4. С. 180–199.

Таланкин 1930 – *Таланкин А.А.* Итоги поведенческого съезда и Красная Армия // *Красная звезда.* 1930. 13 февраля.

Таланкин 1927 – *Таланкин А.А.* К вопросу о «военной рефлексологии» // *Война и революция.* 1927. № 12. С. 165–177.

Таланкин 1929б – *Таланкин А.А.* К марксистской постановке проблемы военной психологии // *Психотехника и психофизиология труда.* 1929. № 1. С. 81–83.

Таланкин 1936 – *Таланкин А.А.* Материя и движение. – Л.: Военно-политическая академия. 1936.

Таланкин 1931б – *Таланкин А.А.* О «марксистской психологии» проф. Корнилова // *Психология.* 1931. Т. 4. Вып. 1. С. 24–43.

Таланкин 1931в – *Таланкин А.А.* О повороте на психологическом фронте. – М. – Л.: Соцэкгиз, 1931.

Таланкин 1931г – *Таланкин А.А.* О повороте на психологическом фронте: Доклад и обсуждение // *Советская психоневрология.* 1931. № 2–3. С. 7–52.

Таланкин 1931д – *Таланкин А.А.* Письмо в редакцию // *Психология.* 1931. Т. 4. Вып. 1. С. 160.

Таланкин 1934 – *Таланкин А.А.* Предисловие // *Общий и технический кругозор учащегося средней школы / под ред. А.А. Таланкина.* – Л.: Институт мозга. 1934. С. 3–9.

Таланкин 1926 – *Таланкин А.А.* Проблема «военной психологии» в нашей военной литературе // *Толмачевец.* 1926. № 1. С. 115–125.

Таланкин 1932 – *Таланкин А.А.* Против меньшевистствующего идеализма в психологии // *Психология.* 1932. № 1. С. 38–62.

Таланкин 1931е – *Таланкин А.А.* Против тестов на изучение идеологии бойцов РККА // *Военно-санитарное дело.* 1931. № 5–6. С. 35–39.

УФСБ П-26391 – Управление ФСБ РФ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской области. Дело П-26391.

Черушев Н.С., Черушев Ю.Н. 2014 – *Черушев Н.С., Черушев Ю.Н.* Расстрелянная элита РККА. 1937–1941. Комбриги и им равные. – М.: Кучково поле, 2014.

THE HISTORY OF THE SOVIET PSYCHOLOGY
OF THE 1920-1930s: A. A. TALANKIN

S.N. KORSAKOV,

Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

S.I. DANILOV

*Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation,
Moscow, Russia*

Summary

The article considers poorly studied pages of history of Russian psychology. It describes the activities of Alexander Talankin, military-political worker and military psychologist. He was an active participant in discussions on military psychology of the 1920s, the author of a monograph on the subject. In 1930, he held major positions in the leadership of Soviet psychology and actively pursue a policy of defeat of original scientific directions: reactology, pedology, psychoanalysis, psycho-techniques. Victims of ideological campaigns were repressed. The article investigates the questions: 1) about the life of A.A. Talankin, 2) on the assessment of the totality of his psychological studies, 3) its place in the history of Soviet psychology. As a military psychologist A.A. Talankin opposed the separation of military psychology. The psychology of war, he believed the application direction of General psychology. The article shows the way of A.A. Talankin, first as a military psychologist, then as a supporter of K.N. Kornilov's reactology, and finally, as a fighter with "kornilovskoe" and the main ideological tribune of Soviet psychology. In this negative role of A.A. Talankin acted noisy, but not rigidly, and so he was replaced by other people. A.A. Talankin, in spite of his political activity, also became a victim of Stalinist repression.

The article involves some little-known and forgotten literary sources, archival materials.

Keywords: Soviet psychology, A.A. Talankin, military psychology, K.N. Kornilov, the ideological campaign, Deborin's school, political repression.

Korsakov, Sergei – D.Sc. in Philosophy, Leading Research Fellow at the Department of Humanity Expertises and Bioethics of the Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences.

snkorsakov@yandex.ru

Danilov, Sergey – Ph.D, Associate Professor of the Military University of the Ministry of Defence of the Russian Federation, Moscow.

s.danilov.mail@gmail.com

Citation: KORSAKOV S.N., DANILOV S.I. (2017) From the History of Soviet Psychology 1920–1930s: A.A. Talankin. In: *Philosophical Sciences*. 2017. Vol. 10, pp. 131-150.

REFERENCES

Ananyev B.G. (1930) On the Problem of the Foundation of Human Behavior. In: *Questions of Studying and Education of the Individual*. 1930. Vol. 1-2, pp. 12-18 (in Russian).

Ananyev B.G. (1931a) About Some Questions of Marxist-Leninist Reconstruction of Psychology. In: *Psychology*. 1931. Vol. 4. No 3-4, pp. 325-332 (in Russian).

Anson K. (1932) For Clarity in the Questions of Psychology. Book Review: Talankin A. Turn on the Psychological Front. Moscow 1931. 32 p. In: *For Marxist-Leninist Science*. 1932. Vol. 1, pp. 149-152 (in Russian).

Cherushev N., Cheryshev Yu.N. (2014) Shot the Elite of the Red Army. 1937–1941. Commander Brigades and Their Equals. Kuchkovo pole, Moscow (in Russian).

Dyachenko M.I., Kandybovich S.L., Karayani A.G. (2009) History of Domestic Military Psychology. Textbook. L.A. Kandybovich (ed.). Military University, Moscow, 2009 (in Russian).

Kornilov K.N. (1931) The Results of the Psychological Debate. In: *Psychology*. 1931. Vol. 1, pp. 44-75 (in Russian).

Lazarev S.E. (2013) Military Political Academy in 1930s. In: *Scientific Statements of Belgorod State University*. Series “History. Political science. Economy. Informatics”. 2013. Vol. 8 (151). Ed. 26, pp. 140-149 (in Russian).

Loginova N.A. (2016) *Boris Ananyev's Anthropological Psychology*. Institute of Psychology, Russian Academy of Science, Moscow (in Russian).

Medvedev Zh.A. Medvedev R.A. (2004) *From the Memories*. LitMir, Moscow (in Russian).

Medvedev R.A. (1990) *Political Portraits: Essays and Articles*. Stavropol Book Publ. (in Russian).

Rubtsov V.S. (1930) Book Review: Talankin A.A. Military Psychology and Issues of Military-political Education in the Red Army. State Publishing House, Moscow, 1929. 140 p. In: *Tribune Tolmachevza*. 1930. Vol. 1, pp. 43-45 (in Russian).

Talankin A.A. (1926) The Problem of “Military Psychology” in Our Military Literature. In: *Tolmachevez*. 1926. Vol. 1, pp. 115-125 (in Russian).

Talankin A.A. Military-political Education. In: *Red star*. 1928. 1 Feb. (in Russian).

Talankin A.A. (1929) Military Psychology and Issues of Military-political Education in the Red Army. State Publishing House, Moscow (in Russian).

Talankin A.A. (1931) “Marxist Psychology” of Professor Kornilov. In: *Psychology*. 1931. Vol. 1, pp. 24-43. (in Russian).

Talankin A.A. (1931) *Matter, and Motion*. Military-political Academy, Leningrad (in Russian).

Talankin A.A. (1931) *Turn to the Psychological Front*. Sotsekgiz, Moscow, Leningrad (in Russian).

Zagrebaeva V.N., Kozlov B.I., Savina G.A. (2009) *Communist Academy USSR Central Executive Committee (1918–1936)*. Vol. 2. Archive of the Russian Academy of Sciences, Moscow (in Russian).

Приглашение к размышлению

**СИЛЬНЫЕ СТОРОНЫ И ПРОБЛЕМНЫЕ МОМЕНТЫ
ИНФОРМАЦИОННОЙ КОНЦЕПЦИИ СОЗНАНИЯ**
Рецензия на книгу: *Д.И. Дубровский. Проблема «Сознание и мозг»: теоретическое решение.* – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2015. – 208 с.

П.Д. АБРАМОВ

Абрамов Петр Дмитриевич – кандидат философских наук, доцент кафедры философии Российского национального исследовательского медицинского университета имени Н.И. Пирогова. Москва, Россия
abramovpd@gmail.com

Цитирование: АБРАМОВ П.Д. (2017) Сильные стороны и проблемные моменты информационной концепции сознания. Рецензия на книгу: *Д.И. Дубровский. Проблема «Сознание и мозг»: теоретическое решение.* – М.: «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2015. – 208 с. // Философские науки. 2017. № 10. С. 151–159.

В июне 2016 г. Россию посетил Дэвид Чалмерс, один из наиболее известных современных западных философов. В своей публичной лекции «Трудная проблема сознания: 300 лет спустя» он отметил вклад российских мыслителей в разработку фундаментальных философских вопросов. Чалмерс обращался к трудам физиолога И.П. Павлова, писателя-фантаста А. Днепров, В.В. Васильева. Однако наибольшее внимание он уделил информационной концепции сознания «знаменитого русского философа» Дубровского, чьи идеи близки материализму. Это рассмотрение Д. Чалмерсом идей Давида Израилевича Дубровского неслучайно.

Теорию сознания Д.И. Дубровского отличает системная проработанность, ясность и последовательность изложения, опора на современные когнитивные научные исследования. Многие отечественные философы предпочитают при исследовании онтологической проблематики опираться на историко-философский метод, рассмотрение идей различных мыслителей прошлого и настоящего. В отличие от них Д.И. Дубровский проводит, в первую очередь, анализ концепций и аргументов, а не персоналий. Такой подход близок аналитической философии, которую под критическим углом Д.И. Дубровский освещает.

щает во многих своих статьях и монографиях. Отмечу еще одну особенность концепции сознания Д.И. Дубровского: он разрабатывает ее более полувека. Базовые идеи информационного подхода были высказаны еще несколько десятилетий назад в его докторской диссертации (1968), которая затем была издана в виде книги (см.: Д.И. Дубровский. Психические явления и мозг: философский анализ проблемы в связи с некоторыми актуальными задачами нейрофизиологии, психологии и кибернетики. — М.: Наука, 1971. — 386 с.). Впоследствии его теория уточнялась, дополнялась с учетом происходивших научных открытий. Теория устояла и это свидетельствует о ее цельности и конкурентоспособности. Так как в рецензируемой книге дается развитие предшествующих положений автора, то в нескольких местах рецензии я буду обращаться к более ранним трудам Д.И. Дубровского.

Проблема «сознание и мозг», или «субъективная реальность и мозг» примерно соответствует тому, что в аналитической философии обозначается как «трудная проблема сознания». Основной вопрос состоит в следующем. Как объяснить связь нефизических явлений субъективной реальности с мозговыми процессами, способность первых воздействовать на вторые? Согласно Д.И. Дубровскому, эта связь может получить теоретическое объяснение на основе информационного подхода. Философ опирается на общенаучное определение информации, понимая ее как содержание сигнала, сообщения, передаваемого тем или иным способом. Информационный подход основан на трех базовых посылах.

Согласно первой, «информация необходимо воплощена в своем физическом носителе» (с. 18). В соответствии со второй, «информация инвариантна по отношению к физическим свойствам своего носителя» (там же). Это значит, что информацию о том, что вчера было солнечно можно передать разными по своим физическим свойствам носителями, разными способами: письменно, устно, жестами, на разных языках и др. Третья исходная посылка заключается в том, что явление субъективной реальности «может рассматриваться как информация» (с. 19). В частности, переживаемое мной сейчас зрительное восприятие некоторого объекта является информацией об этом объекте. Из данных интуитивно приемлемых и не встречающих эмпирических опровержений посылок логически выводится ряд следствий, среди которых выделим наиболее существенные. Явление субъективной реальности и его носитель в виде определенной мозговой нейродинамической системы соединены особым видом функциональной связи: они существуют одновременно и находятся в отношении взаимодозначного соответствия. Такая функциональная зависимость не является причинной. Д.И. Дубровский называет ее еще кодовой зависимостью. Это значит, что исторически «информация обрела в данной самоорганизующейся системе именно такое кодовое во-

площадь, но в принципе могла иметь другое» (с. 20). Определенная форма кодирования информации возникает случайно, но затем может сохранять устойчивость в течение весьма длительного времени, например, код ДНК стал именно таким случайно, но существует и будет существовать он столь же долго, как и живые организмы на Земле. Далее, субъективная реальность может служить причиной телесных и ментальных изменений. Свобода воли как акт самодетерминации существует. Управляя своими представлениями и мыслями, человек управляет тем самым соответствующими им мозговыми нейродинамическими системами.

Теория Д.И. Дубровского дает основу для решения задачи расшифровки мозговых нейродинамических кодов психических явлений и это, безусловно, ее сильная сторона, так как она является не просто абстрактной концепцией, но и содержит ценные для науки методологические положения. Современные ученые становятся способны не только зафиксировать с помощью определенных методов (магнитно-резонансной томографии, и электрокардиографии и др.) те процессы, которые происходят в мозге, но расшифровать стоящие за ними явления субъективной реальности. Данное направление когнитивных наук называется «Чтением мозга» («Brain-Reading») и активно развивается в последние годы. Пока сделаны первые шаги, расшифровываются лишь общее направление мыслей и переживаний человека, отдельные визуальные образы. Весьма вероятно, что метод «чтения мозга» имеет свои ограничения и посредством него никогда не удастся расшифровать каждую конкретную мысль, которая присутствует в сознании человека в течение определенного отрезка времени. Однако важно, что влияние субъективной идеальной реальности на телесные процессы и динамические системы мозга существует и фиксируется точными научными методами. Психическая причинность является видом информационной причинности, отличие которой от обычной физической причинности определяется принципом инвариантности информации по отношению к свойствам ее физического носителя. Сознание влияет на тело как информационная причина, многие заболевания, например, некоторые случаи гипертонии, имеют психосоматическую природу и человек может с помощью позитивной мотивации и напряжения воли, если не излечиться от них, то существенно улучшить свое состояние.

Выделю еще несколько значимых аспектов информационного подхода Д.И. Дубровского. Отрицая информационную природу психических явлений, информационную причинность, мы вынуждены либо редуцировать все явления сознания к физическим и химическим процессам, либо рассматривать все физическое как идеальное. В первом случае получается, что наши воспоминания, мечты, идеалы иллюзорны, а в действительности есть лишь взаимодействие нейронов,

во втором случае, что все физическое предстает как идеальное, как «иобитие духа» (по Гегелю). При этом не все физическое содержит в себе информацию и субъективная реальность не ограничивается информацией.

Кроме того, в теории Д.И. Дубровского подчеркивается, что субъективная реальность является многомерной сложной целостностью. По различным основаниям возможны разные типы структурирования субъективной реальности. Ее можно стратифицировать на сознательное, бессознательное и сверхсознательное, по основанию познавательных способностей выделять разум, чувства, воля, воображение, память и др. Представление о том, что сознание — это сложная, многоплановая целостность, достаточно очевидно. При этом во многих работах по аналитической философии (например, у того же Д. Чалмерса) сознание рассматривается преимущественно в аспекте квалиа, субъективного, личностного переживания какого-либо объекта. Получается, что производя ряд мысленных экспериментов, предъявляя множество аргументов в пользу своей позиции, ряд философов мало пишет о самом сознании. Проведенная Д.И. Дубровским стратификация параметров сознания ценна еще тем, что она имеет философский, а не чисто психологический характер. Выделяемые им аналитические параметры субъективной реальности являются следующими. Первый — временной, второй — содержательный (сознание интенционально, обязательно отображает некоторый объект), третий — формальный (всякое явление субъективной реальности имеет определенную форму, тем или иным образом категоризировано, структурировано), четвертый — истинностный, пятый — ценностный, в котором особенно важно «четкое различие высших и низших ценностей, подчинение низших высшим; однозначный выбор» (с. 42), шестой — деятельностный или волевой параметр. При таком развернутом рассмотрении субъективной реальности очевидно, что признак «быть информацией» является лишь одним из аспектов сознания, поэтому концепция Д.И. Дубровского является нередукционистской.

Далее, интерес представляет проведенная Д.И. Дубровским критика каузальной замкнутости физического. Согласно этому принципу всякое физическое событие имеет достаточную физическую же причину для своего появления, и, соответственно, любые нефизические причины являются излишними. Многие западные, да и отечественные философы принимают этот принцип как нечто самоочевидное, опирающееся на логику, принцип достаточного основания, авторитет физики. Несложно заметить, что каузальная замкнутость физического отсылает к парадигме физикализма. Такая парадигма однобока и ограничена. Д.И. Дубровский отмечает: «Физическая причинность целиком сохраняет свое значение, если не претендует на роль универсального средства объяснения всех явлений действительности, всех

без исключения причин, скажем, на объяснение причин экономического кризиса или причин самоотверженного поступка личности» (с. 48). Действительно, если личность — не автор своих поступков, а причиной тех или иных действий является комбинация физических частиц в мозге, то получается, что у человека нет свободной воли, и он не может нести ответственности за свои действия. Возражения Д.И. Дубровского против каузальной замкнутости физического опираются на принцип изофункционализма систем (одна и та же функция может быть реализована разными по своим физическим свойствам системами) и на связанный с ним принцип инвариантности информации по отношению к физическим свойствам ее носителя. Но вместе с тем автор опирается также на здравый смысл, наши представления из повседневной жизни. Вероятно, аналитические философы сочли бы эти аргументы недостаточно проработанными. Так, у Д.И. Дубровского нет детального исследования проблемы сверхдетерминации, глобального и локального интеракционизма и др. Если существует не только физическая причинность, то уместно задаться вопросом: сколько вообще существует типов причинности, и существует ли, например, как нечто самостоятельное экологическая, техническая, социальная причинность? Далее, в упомянутых причинах экономического кризиса может быть нечто от физической причинности (стихийное бедствие), и от социальной (произошедшая в обществе революция), поэтому должны ли мы рассматривать причины экономического кризиса как нечто автономное, нередуцируемое к физическому? В перспективе хотелось бы услышать ответ на этот и другие вопросы, связанные с причинностью.

Многие мои замечания связаны с недоговоренностью, непроработанностью в книге ряда моментов. Сам Д.И. Дубровский пишет, что проблема «сознание и мозг» является научной в отличие от классической психофизической проблемы. При этом у проблемы «сознание и мозг» много философских аспектов: так, в книге затрагиваются вопросы свободы воли, антропотехнической эволюции и др.

В контексте книги возникает, но при этом систематически не исследуется проблема соотношения материализма и дуализма. Д.И. Дубровский признает следующие тезисы. (1) Явления субъективной реальности несводимы к физическому, в частности, включают в себя истинностный и ценностный аспекты, которых мы не найдем в физическом. (2) Психическая или ментальная причинность вызывает изменения в физическом мире, свободная воля как вид самодетерминации существует. (3) Кодовые нейродинамические системы мозга выступают носителями явлений субъективной реальности, т.е. психическое не существует в отрыве от физического. В таком подходе, особенно в принципах (1) и (2), утверждается явное существенное различие ментального и физического, сознания и мозга. Кто же

Д.И. Дубровский: дуалист или строгий монист? Дело в том, что дуализм включает в себя несколько разновидностей. Так, Говард Робинсон в Стэнфордской философской энциклопедии в качестве самого мягкого дуализма выделяет дуализм предикатов. Согласно этой теории, менталистские предикаты несводимы к физикалистским, ведь нет дескрипций из физики и химии, которыми можно бы было заменить термины «образ», «институт», аналогично тому как «H₂O» без ущерба для смысла заменим на «вода». Думаю, с таким дуализмом, затрагивающим только слова, согласны большая часть ученых и философов. Кроме того, выделяют картезианский дуализм субстанций и дуализм свойств (качеств); на последний ссылается и Д.И. Дубровский. В дуализме свойств отрицается существование особой духовной субстанции, при этом признается нередуцируемость ментальных качеств к физическим. В отличие от дуализма предикатов в дуализме свойств сознание — это особый автономный аспект реальности, а не просто слово. Дуализмы свойств и, особенно, предикатов, в отличие от картезианского, являются неполноценными.

Вероятно, Д.И. Дубровский против отождествления своей информационной концепции с дуализмом, поскольку с картезианским дуализмом у него действительно нет ничего общего. Дело еще и в том, что согласно Д.И. Дубровскому, сознание, как и первые биологические системы, и информация, является продуктом физико-химического развития, т.е. физическое первично, а сознательное, информационно-идеальное — вторично.

Итак, Д.И. Дубровский определяет себя как материалиста и, по мнению коллег-философов, занимает четкую материалистическую позицию. В связи с этим возникает вопрос о сущности и важнейших принципах материализма. В информационной концепции сознание способно к самодетерминации, кроме того, информация инвариантна по отношению к физическому носителю. Д.И. Дубровский пишет даже о теоретической мыслимости воспроизведения субъективной реальности на иных, небологических субстратах. Вполне логично появление в рецензируемой книге рассуждений о перспективе «радикального продления жизни вплоть до кибернетического бессмертия» (с. 204), когда сознание по своей воле будет менять свой физический носитель. Отмечу, что такие идеи напоминают проекты естественнонаучной ветви русского космизма. Если сознание фактически бессмертно, сознание, которому подвластны биологические и небологические субстраты, то получается весьма интересный тип материализма. Это материализм, свободный от догматических ограничений партийных идеологов, а также обогащенный последними достижениями научной мысли. Такой материализм существенно отличается от физикализма Дж. Смарта, функционального материализма Дж. Фодора, элиминативного материализма Патриции Черчленд и Д. Деннета и

др. При этом Д.И. Дубровский предпочитает рассуждать скорее, как несколько скептически настроенный ученый, чем как метафизик. В письме автору рецензии на вопрос о власти сознания над материей он пишет, что пока такая власть сознания крайне слаба, но вполне возможно, что в будущем произойдет ее значительное усиление. Мне же дуалистическая или, точнее, монодуалистическая концепция представляется более последовательной. Идеальное отлично от материи и способно изменять ее, при этом оно действует, реализует себя только через материю. Идеальное разделяется на субъективную реальность или сознание человека, которое еще можно обозначить как конкретно-идеальное и на абстрактно-идеальное — это информация, законы логики и физики, философские категории. С моей точки зрения, при определении природы информации перспективно соединение некоторых интуиций платонизма и синергетического подхода. Ю. Вигнер отмечал, что информация — это не материя и не энергия, а нечто самостоятельное. Законы физики, регулирующие современное состояние Вселенной, являются теми же самыми, что и описывали ее возникновение. Отсюда можно заключить, что законы в определенном отношении первичны, были до возникновения Вселенной; при этом информация представляет собой отрицательную энтропию, то, что способствует структурированию, самосохранению и развитию системы по направлению к цели-аттрактору. Материя без информации, идеального — это нечто хаотическое, неупорядоченное. Хаотические процессы играют свою важную роль в развитии мира, но не они, а идеальное организует и направляют эволюцию Вселенной. Существует как множество типов материи, так и множество ступеней эволюции сознания; и сознание, и материя непрерывно движутся, эволюционируют или инволюционируют. Для разума важно освобождение от эгоизма, способность через диалог и сотрудничество содействовать развитию мирового целого. Естественно, приведенные в данном абзаце положения нуждаются в более полном раскрытии и обосновании, я их привожу лишь для того, чтобы тезисно обозначить собственное отношение к решаемым Д.И. Дубровским проблемам.

Кроме того, в рецензируемой книге практически не проработан вопрос о природе физического (Д.И. Дубровский предпочитает термин «физическое» как сугубо научный, более конкретный по отношению к метафизическому понятию «материальное»). В информационной концепции исследуется взаимодействие сознания и мозга. В итоге о сознании, его структуре, изменениях говорится достаточно много, а о мозге и физическом — сравнительно мало. Понятно, что книга написана не по философии физики, но при исследовании проблемы «сознание и мозг» наблюдается некоторый дисбаланс при разработке ее различных аспектов. Д.И. Дубровский в качестве рабочего опреде-

ления физического предлагает понимать его как то, что исследуется наукой физикой. Отсюда следует, что это определение ограничено кругом объектов, гипотез, проблем физики, сохраняет высокую степень определенности, но остается открытым, поскольку физиками исследуются явления и объекты гипотетического плана. При этом, рассматривая специфику субъективной реальности, Д.И. Дубровский отмечает, что ей нельзя приписать такие физические свойства, как масса, энергия, пространственные характеристики.

Получается, что дается еще одна, неявная дефиниция физического через перечисление некоторых его признаков. Вопрос в том, насколько это определение касается существенных признаков физического. Здесь много открытых, дискуссионных моментов. Например, фотон имеет нулевую массу, и он является физическим. Фотон изучается в квантовой механике. Замечу, что о применении квантовой механики к анализу сознания Д.И. Дубровский высказывался весьма критично, например, в выступлении на конференции «Сознание и реальность – подходы физики и буддизма сблизилась?» (Институт философии РАН, 10 сентября 2010 г.).

Д.И. Дубровский отмечает, что понятие «физическое» служит центром теоретических построений в аналитической философии, связанных с проблемой сознания, тем не менее основательный и систематичный анализ этого понятия отсутствует у Серла, Деннета, Чалмерса, В.В. Васильева. Однако и у самого Д.И. Дубровского в этом направлении сделано пусть и больше, чем у оппонентов, но явно недостаточно для целостного понимания этого феномена. Так, в книге «Информация, сознание, мозг» (М., 1980) физическому посвящено около 90 страниц, и на этих страницах Д.И. Дубровский выявляет методологические тупики парадигмы физикализма, разводит понятия «объективная реальность» и «физическая реальность», констатирует зависимость представления о физическом от уровня развития физики, рассматривает соотношение категорий «физическое» и «информация». При этом и в труде «Информация, сознание, мозг» не дается ответ на вопрос о том, насколько понятия массы и локализованности в определенной точке пространственных координат являются определяющими для физического. Д.И. Дубровский отмечает, что если и заниматься философией физики, то, освоив соответствующую конкретнаучную область знания, а сфера его непосредственных интересов – это нейронаучные исследования и когнитивные науки.

Итак, несмотря на некоторые недостаточно проработанные и дискуссионные моменты, информационная концепция сознания Д.И. Дубровского является перспективной и привлекательной. К сожалению, в этом отношении с ней можно сопоставить очень немногие отечественные разработки. В заключение приведу следующие акту-

П.Д. АБРАМОВ. Сильные стороны и проблемные моменты информационной...

альные и вдохновляющие слова Д.И. Дубровского: «Возможно, разум будущего нечеловека, освободившийся от биологических земных оков, создаст такие способы познания и, главное, такие экзистенциальные смыслы, которые будут способны... достигнуть подлинно космической укорененности в бытии» (с. 206).

**STRONG POINTS AND PROBLEMATIC ASPECTS
OF THE INFORMATION CONCEPT OF CONSCIOUSNESS**

Book review: D.I. Dubrovsky. *The Problem of “Consciousness and Brain” Theoretical Solution. Moscow, Canon + ROOI “Rehabilitation”, 2015. – 208 p.*

P.D. ABRAMOV

Abramov, Petr – Ph.D. in Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy at the Pirogov Russian National Research Medical University. Moscow, Russia.

abramovpd@gmail.com

Citation: *ABRAMOV P.D.* (2017) Strong Points and Problematic Aspects of the Information Concept of Consciousness. Book review: D.I. Dubrovsky. The Problem of “Consciousness and Brain” Theoretical Solution. Moscow, Canon + ROOI “Rehabilitation”, 2015. – 208. In: Philosophical Sciences. 2017. Vol. 10, pp. 151-159.

CONTENTS

THE FUTURE OF RUSSIA: STRATEGY OF PHILOSOPHICAL COMPREHENSION

Man. Person. Citizen ■

<i>Ya.S. TURBOVSKOY</i>	Patriotism as a State Ideology: Pedagogical Aspect	7
-------------------------	---	---

FROM THE HISTORY OF RUSSIAN PHILOSOPHY

**Texts of Ancient Russian Culture.
Philosophical View ■**

<i>M.N. GROMOV</i>	Tradition of Sofia in Russian Philosophy and Culture	27
<i>I.A. GERASIMOVA</i>	On the Nature of Thought on the Basis of Ancient Russian Literature	39
<i>V.V. MILKOV</i>	The Explanatory Paleia – Unique Monument of Religious and Philosophical Thought of Ancient Russia	55

PHILOSOPHICAL AREA STUDY

Socio-cultural Monitoring ■

<i>G.I. GERASIMOV</i>	Creativity as an Alternative for the Liberal Way of Modernization	69
<i>A.M. DOLGORUKOV</i>	Technologies of Social Systems Selfdevelopment	76
<i>M.A. LASTOCHKINA</i>	Modernization: From General Theoretical to Operational Understanding	83
<i>E.A. KOGAY (Kursk)</i>	Sociocultural Bases of Modernization of the Russian Macroregion	88
<i>E.V. ANDRYANOVA (Tyumen), V.A. DAVYDENKO (Tyumen), G.F. ROMASHKINA (Tyumen)</i>	Modernization and Reindustrialization: to the Discussion on the Methods of Implementation	91

PHILOSOPHY AND CULTURE: THE TEMPORAL CONTEXT

Modes of Sociocultural Development ■

<i>V.E. SEMYONOV</i>	Freedom and Potential Opportunities. Essay on Legal Progress	95
<i>R.P. TROFIMOVA, P.S. SELEZNEV</i>	The Cultural Policy as Algorithm of “Local Civilizations”	111
<i>A.V. VOROPAEVA</i>	Problems of Regulation by Immigration and Emigration flows	121

Unknown past ■

<i>S.N. KORSAKOV, S.I. DANILOV</i>	From the History of Soviet Psychology of 1920–1930s: A.A. Talankin	131
--	---	-----

SCIENTIFIC LIFE

Invitation to Reflection ■

<i>P.D. ABRAMOV</i>	Strong Points and Problematic Aspects of the Information Concept of Consciousness. Book review: <i>D.I. Dubrovsky. The Problem of “Consciousness and Brain” Theoretical Solution. Moscow, Canon + ROOI “Rehabilitation”, 2015. – 208 p.</i>	151
---------------------	--	-----

Contents	160
-----------------	-----